Ольга Савельева,
автор бестселлеров «Апельсинки. Честная история одного взросления»,
«Попутчица. Рассказы о жизни, которые согревают»,
«Два сапога. Книга о настоящей, невероятной и несносной любви»

Ну Ма-а-ам!

материнство, основанное на реальных событиях

SHOUT
SHARE
IT

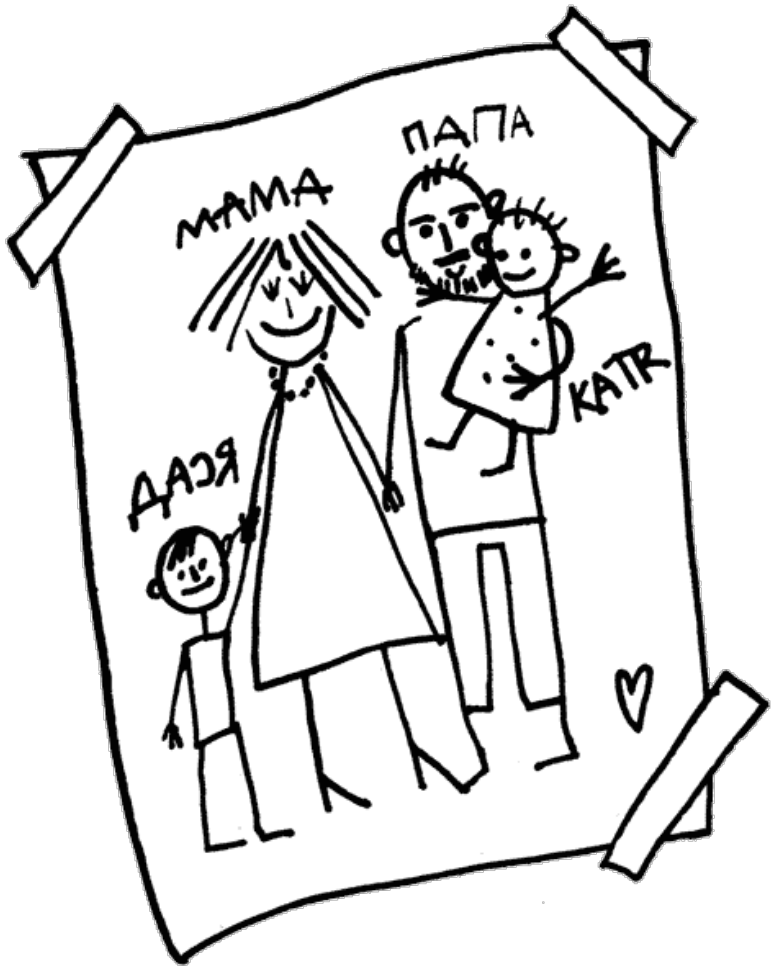
Annotation

Принято считать, что мама наверняка знает, что хочет ее ребенок. Потому что мама как бы эксперт. По материнству. Но какие вообще существуют критерии успешной матери? Ольга Савельева, известный блогер и автор нескольких книг, просто живет и любит своих детей, ведь главная задача родителя – научиться искать счастье в любом дне, в любом моменте, и универсальных правил здесь нет и не может быть. Эта книга – букварь для взрослых, алфавит родительских прозрений для тех, кто понял, что главное в любом родительстве – осознанное стремление к счастью.

- Ольга Савельева
  -
  - Введение
  - А – Алмаз
  - Б – Баунти
  - В – Взятка
  - Г – Границы
  - Д – Добряк
  - Е – Епитимья
  - Ё – Ёлочка
  - Ж – Жизнь
  - З – Звонок
  - И – Истерика
  - К – Книга
  - Л – Любовь
  - М – Математика
  - Н – Няня
  - О – Овсянка
  - П – Пряник
  - Р – Репетиция
  - С – Сапожок
  - Т – Тайм- менеджмент
  - У – Урок
  - Ф – Фаворит
  - Х – Холл
  - Ц – Цена
  - Ч – Чуйка
  - Ш – Шаг
  - Щ – Щеколда
  - Ъ

- Ы – Ынтырнет
- Ь
- Э – Энциклопедия
- Ю – Юнга
- Я – Ясли
- Заключение

Ольга Савельева
Ну ма-а-ам!



Эта книга – немножко пьеса, потому что в ней одни и те же действующие лица. На страницах книги герои предстают в разном возрасте, настроении и разных ситуациях, но их имена остаются неизменными:

Мама – Ольга.

Папа – Михаил.

Сын – Данила (домашнее имя – Дася). На момент выхода книги девять лет.

Дочка – Екатерина. На момент выхода книги три года.

Введение

Сначала я хотела назвать книгу «Кудах-тах-тах». Я вечно кудахчу над своими цыплятами, решаю какие-то их проблемы, часто придуманные мной.

Есть такой смешной анекдот про мам. Мама кричит сыну, который гуляет во дворе:

– Вася, иди домо-о-ой!

– Мам, я замерз? – спрашивает Вася.

– Нет, ты хочешь кушать!

Принято считать, что мама наверняка знает, что хочет ее ребенок. Потому что мама как бы эксперт. По материнству.

Когда я обнаружила себя пишущей книгу о материнстве, я испугалась: я крайне неуверенно чувствую себя в роли такого эксперта. Ну вот какой я эксперт? Я что, дюжину нобелевских лауреатов вырастила? Или мой ребенок выпустил бестселлер «Моя мать – лучшая мать на свете»?

Какие вообще существуют критерии успешной матери? Если бы мне как маме нужно было сделать визитки на какое-то мероприятие, где вручают «Оскары» мамам и папам за успешное родительство, то на своей визитке я так бы и написала: «Черт его знает, как правильно воспитывать детей!»

Я раньше всегда за это извинялась. За то, что не знаю, как правильно. Мол, я не детский психолог, я не читала книг об этом, я просто живу и люблю своих детей и каждый день учусь вместе с ними быть счастливой мамой, чтобы они выросли и у них был перед глазами пример счастливого родительства. А чтобы я была счастливой мамой, мне нужно, чтобы были счастливы мои дети. Вот такой замкнутый круг. Тут важно понять: быть счастливыми все время невозможно. Счастливое родительство не имеет ничего общего с идеальным. Это не картиночные мама и папа, улыбочки в 32 зуба, дневник с пятерками и постоянный успех.

Так не бывает. Счастье очень многогранно, а жизнь непредсказуема. Бывают моменты, когда совсем не до улыбок, когда мама или папа совсем не ресурсны, когда больно, страшно и совершенно непонятно, что будет завтра. Быть хорошими родителями в такие моменты сложнее всего. А приходится. Ребенок – это не телевизор, его нельзя выключить, когда надоело. Приходится быть родителями каждый день. Поэтому моя главная задача – научиться искать счастье в любом дне (тут «дне» в значении «день» или «дно»? А, в обоих значениях), в любом моменте, и универсальных правил здесь нет и не может быть.

И вдруг я поняла, что это моя фишка: я просто живу и не

знаю, как правильно. Потому что никто не знает. Только т-с-с.

Если бы это знание существовало, его бы давно запатентовали и штамповали пачками счастливых детей счастливых взрослых. Но его нет. «А что есть?» – спросите вы. Маленькие поучительные басни, основанные на реальных событиях. Я описываю в этой книге родительские кейсы как ассорти знаний.

Это такой букварь для взрослых, алфавит родительских прозрений.

Алфавит для начинающих родителей. Начинающие родители – это не обязательно впервые беременная женщина или замерший в ожидании чуда будущий папа. Это скорее родители, которые поняли, что главное в любом родительстве – осознанное стремление к счастью.

Эта книга для тех взрослых, кто весело и вприпрыжку решил пойти в первый класс школы осознанного родительства, как любознательный Буратино, зажав под мышкой азбуку. В этой азбуке нет и не должно быть согласных. И гласных тоже нет. Тут есть ситуации, в которых вы вполне можете узнать себя. Как бы примерить на себя чужой опыт и решить, что дальше с этим делать. «А что с ним надо делать?» – уточните вы. «А понятия не имею», – отвечу я. Я научу вас читать по этому алфавиту, а уж что именно вы в нем прочтете – исключительно ваша ответственность.

Это ассорти очень разных ситуаций, из которых складывается мозаика нашей жизни.

Я не знаю, правильно ли в этой книге все написано. Я просто разрешила себе ошибаться, быть не идеальной. Разрешила себе любить детей так, как хочется, потому что я не знаю, как правильно.

Дети – это самое сложное, что случилось со мной.

Дети – это самое лучшее, что случилось со мной.

Эта книга о неидеальной матери и неидеальном материнстве. Потому что идеала не существует.

А – Алмаз

Я сидела дома, болела. Заболеть перед Новым годом – тяжкий гнет: ты калечишь праздник не только себе, но и окружающим.

Накрылись медным тазом все предпраздничные мероприятия, сын загрустил. Моя подруга забрала сына на елку. У подруги тоже сын, и парням вдвоем должно быть весело.

Я с благодарностью отдала ребенка, закрыла за ними дверь и провалилась в тяжелый температурный сон.

Спустя час из сна меня достал телефонный звонок. В трубке – ликующий голос моего Даси:

– Мам, прикинь, я только что получил сразу два подарка!

– О, два! – хриплю я. – А почему два?

– Ну, потому что я схитрил. На елке выдавали подарок и ставили печать на ладошку тем, кому уже выдали, чтобы не запутаться. Ну так вот я получил первый подарок, стер печать, встал в очередь снова – и получил второй.

– Ого, – опешила я.

Спросонья было очень сложно подобрать слова и оценить ситуацию. И голова болела нестерпимо.

С одной стороны, хитрить – может, и неплохой навык, с другой стороны, тут хитрость близка к обману. И тут сын говорит последнюю фразу, от которой я таю:

– Это я для сестренки, для Катюши старался…

– Сын, – мой голос становится мягким, как карамель. – Приедешь домой – поговорим.

Я жду его дома и готовлюсь к разговору.

> Я не против хитрости как гибкости, но я против хитрости как подлости.
>
> А грань тут очень зыбкая, почти незаметная.

Подруга рассказывала мне случай на отдыхе. Они с ребенком отдыхали на море. Она загорала, сын нырял. И тут выбегает из моря ее ребенок и сияет:

– Мама, мама, у меня для тебя подарок! Смотри! – и протягивает кольцо с камнем, явно драгоценным. – Мама, я плавал, нырял глубоко и с самых глубин достал для тебя это кольцо. Если бы я был твой жених, я бы встал на одно колено и подарил его. Но я твой сын. Поэтому просто прими от меня этот подарок.

Сын был счастлив от того, какой презент он делает для мамы.

Подруга растерялась. С одной стороны, сияющая мордашка сына, с другой – чужое кольцо, у которого наверняка есть хозяйка, плачущая где-то, что она его потеряла. И подруга говорит своему мальчику:

– Милый, больше всего на свете я люблю, когда ты даришь мне подарки. Твои рисунки, твои поделки – они бесценны, хоть в них и нет бриллиантов. А в этом кольце есть. Оно дорогое, это видно невооруженным глазом. И кто-то, вероятно, долго копил на него, а потом купил.

– И потерял! – напомнил сын, начиная понимать, к чему клонит мама.

– Да, и потерял. Оно в воде соскользнуло. Это кольцо очень дорого его хозяйке. Она где-то сейчас плачет, что потеряла его. А возможно, тут дело даже не в цене, а в том, что это кольцо подарил ей сын. А мы сейчас возьмем и лишим хозяйку ее кольца.

– Мам, ты не хочешь брать от меня подарок?

– Хочу. Но получается, что этот подарок не от тебя. А от той женщины, которая потеряла. Если мы вернем ее вещь, она будет счастлива. И это тоже своего рода подарок – сделать кого-то счастливым.

После этого они пошли на ресепшен отеля и отдали кольцо. Выяснилось, что хозяйка уже нашлась, приходила, спрашивала, была очень расстроена.

– Вот видишь, как здорово, – сказала подруга сыну. – А если бы мы оставили кольцо себе, то как бы строили свое счастье на несчастье другого?

Мне многое дал этот опыт подруги, вооружил меня стратегией для разговора с моим сыном.

Он влетел домой, румяный и довольный, обвешенный подарками. Один тут же протянул сестре. Я не вмешивалась. А

уже вечером перед сном, когда сын пил молоко с печеньем, я решила поговорить.

– Дась, вот смотри, ты сегодня на елке раздобыл два подарка.

– Да! Я молодец!

– Послушай. – Я не хотела оценивать его поступок. – Ты был бы сто процентов молодец, если бы за этот подарок тебе пришлось потрудиться. Ну, спеть, станцевать – заработать. Но ты получил его обманом.

– Хитростью.

– Дань, в этом случае обманом. Хитрость – это когда никто не пострадал и все случилось лучше, чем планировалось.

– А кто тут пострадал?

– На елке было 100 детей и 100 подарков. Один ребенок забрал два подарка. Кто пострадал, как думаешь?

– Понял, – погрустнел сын. – Я не подумал…

– Я знаю, что ты сделал так не со зла, и не ругаю тебя. Я хочу, чтобы ты задумался. Подарок – это ценность, которую ты создаешь сам. Вот если бы ты купил его на заработанные деньги и подарил сестре – в нем была бы ценность. Или ты за него на сцене выплясывал бы для Деда Мороза – тоже была бы ценность. А так ты просто курьер, Дась. Который подарил подарок сестре за счет того ребенка, который остался без подарка.

– Ох, я уже и сам не рад…

– Дась, здорово, что ты меня правильно понял. Ты все равно молодец, я как мама очень тронута, что ты всегда помнишь о маленькой сестре и заботишься о ней. При этом мне важно, чтобы ты всегда думал и оценивал свои поступки с разных сторон.

Мы еще немного поболтали о елке, о представлении и поразившем воображение сына фокуснике, и Дася пошел чистить зубы перед сном, надевать пижаму и спать.

И я пошла к себе. Лежала в кровати и думала о бриллиантах. Нет, не о тех бриллиантах, что были на том кольце, которое нашел сын подруги. А о тех бриллиантах, которые спрятаны внутри не ограненных еще характеров наших детей.

> Жизнь – отличный огранщик, она любой невзрачный алмаз превратит в бриллиант.

Только для этого важно отыскать и показать ребенку его драгоценные черты еще в детстве, чтобы он не испортил огранку царапинами злости и обмана.

Через полчаса сын уже сладко спал, я зашла к нему в комнату выключить ночник и залюбовалась им. Спи, мой маленький алмазик. Я обязательно научу тебя сверкать всеми своими лучшими гранями. Впереди у тебя столько интересного!

Мы с сыном в аэропорту. Я прошу его подержать мой паспорт. Даня обнаружил в паспорте деньги и спрашивает:

– Мам, а это чтобы, когда мы прилетим в другую страну, таможенник знал, что у нас денюжка есть? Что мы не побираться летели?

Б – Баунти

Все мое детство было пропитано яростной экономией. Денег всегда было мало, а хотелок много, особенно в осознанном детстве.

Когда мне было лет 11, на прилавках маленького приморского городка, где я жила, появились первые «Сникерсы», «Марсы» и жвачки «Love is» со вкладышами.

Сказать, что я их хотела, – ничего не сказать. Все одноклассники уже вовсю лакомились диковинными вкусняшками и выдували пузыри из жвачек мне в лицо. Жвачка пахла клубникой и стоила рубль. Рубль – это ого-го какие деньжищи!

У меня никогда не было карманных денег. Не потому, что мне не доверяли – наоборот, всегда гордились моей сознательностью! – а потому, что их в принципе не было – свободных денег.

Семья жила бедно, но сытно. Хочешь добавки? Вон на плите суп на мясном бульоне! Будешь? Ешь!

Я ребенок. Я не хочу суп.
Я хочу «Баунти». Но ем суп.
Хочу одно, а получаю другое.

Я часто ходила по магазинам и ларькам и смотрела на яркие витрины. Смотрела на то, что не могла купить. Могла бы я не ходить и не дразнить себя? Вероятно, могла. Хотя нет, не могла. В этом было какое-то мазохистское удовольствие. Рассматривать яркие фантики, представлять, какая на вкус конфета внутри.

Может, именно в тот момент и формировалась моя целеустремленность? Я помню, думала: «Вот вырасту, заработаю много денег и скуплю все «Сникерсы» в городе!»

Мой сын не знает, что такое дефицит. Хочешь «Сникерс»? – На.

Я часто думаю, что в этой доступности хотелок есть и обратная сторона: нет магии мечты, когда ты месяцами мечтаешь о шоколадке, а потом тебе ее дарят на Новый год. У нее же совсем другой вкус по сравнению с той обыденной, что ты купил в обед на карманные деньги. Еще и выбирал долго, не мог понять, какую хочешь. Потому что не так и хочешь…

Самое яркое воспоминание детства – когда мой дядя купил нам на Новый год шоколадку «Alpen Gold» с орехами. Нам – это мне, сестре и брату. Мы посчитали количество плиточек и

поделили на три (получилось каждому по шесть квадратиков), и потом каждый из нас решал, как с ними поступить.

Помню, что брат – он младше на четыре года – съел свою порцию сразу.

А я свои квадратики спрятала, у меня колотилось сердце от предвкушения, но мне хотелось пробовать осознанно, ловить оттенки вкуса, а не запихивать все в рот, придавив ладошкой.

> Сестра пошла угощать взрослых, и я помню, как восхитилась ее огромным сердцем: она ведь тоже хотела эту шоколадку, причем так же сильно, как я. Какой же доброй нужно быть, чтобы поделиться тем, что очень хочешь сам…

Брат спрашивал, когда я буду есть свою шоколадку. Я сердилась – тебе какое дело?

А он хотел смотреть, как я смакую свою порцию, как ем шоколад, и еще раз проживать вкусовые воспоминания. В этом не было манипуляции (она будет есть и – куда денется! – поделится!), просто… дефицит шоколада.

Сестра угостила папу, бабушку и прабабушку, и у нее почти не осталось шоколада. Кажется, пара квадратиков. Она съела остатки и подмигнула мне. Нет, ей было не жалко.

И вот я два дня подряд съедала по одной плиточке, по одному квадратику тайно от всех. Будто своровала. Шоколад быстро растворялся во рту, но я долго и вдумчиво ловила послевкусие.

Настал день, когда у меня осталось четыре квадратика. Я знала, что делать: пошла к сестре и щедро разделила их пополам. На, ешь! Ты же свои отдала… Не шоколадка, а тренажер щедрости. Но сестру я люблю больше, чем шоколад. Зато вкус той шоколадки я запомнила на всю жизнь.

Экономия течет у меня по венам. Я привыкла думать установками: если удалось сэкономить, то хорошо, если нет – плохо. На этих установках базировалась вся моя финансовая грамотность.

У меня и муж такой же. Помню, однажды зимой он купил целую коробку средств от комаров. Спреи всякие, мази, пластины. Это при том, что на дачу мы ездим редко и нам одного тюбика хватило бы на несколько сезонов на всю семью.

– Зачем нам столько? Ты собираешься в лес переехать? – спросила я.

– Слушай, ну скидка была 70 %, я и купил. Я просто подумал, что выгодно… – ответил растерянный муж.

Я тогда смеялась до икоты и придумала слоган нашей раненной экономным детством семьи: берем от жизни все, что по акции!

Мы очень радуемся, когда по акции. Акционный товар всегда нужен, потому что вместе с продуктом ты приобретаешь радость выгодной покупки. Иногда эта радость важнее того, что ты купил. Акция – это когда в приобретение встроена дополнительная выгода.

Однажды мы с детьми и друзьями ездили отдыхать и снимали один коттедж на всех. Это было выгодно. И там была большая кухня, светлая, с мангалом.

По утрам все пили растворимый кофе, приготовленный на этой кухне. Садились на балкончике, любовались лесом и природой. А я шарашила за пределы этого комплекса отдыха полчаса бодрым шагом, чтобы в придорожной кофейне купить настоящий капучино из кофемашины. А потом шла обратно и смаковала этот кофе.

На балкончике меня встречала подруга и спрашивала:

– И вот не лень тебе на это время тратить? Вот мы пьем вкусный растворимый, и восемь наших чашек по стоимости равны одной твоей. Разве это рентабельно?

Я не знала, что ей ответить. Мне это было нужно. И я была готова час шарашить по лесу ради любимого хорошего кофе.

А недавно я поняла важное… В тот день я утром вышла из дома, где пила кофе. Вкусный, хороший, из кофемашины. Потом выбежала в морозное утро, прыгнула в машину, поехала на встречу и на заправке снова купила кофе. Я не уверена, что хотела его, я и сделала только пару глотков, но стаканчик в руке меня успокаивает. «Все хорошо, Оль», – как бы говорит он мне на языке кофе.

Потом я добралась до центра, мой кофе остыл, и мне нужны были две руки, чтобы подписать договор, в общем, я выкинула тот недопитый кофе. А после подписания выбежала на Садовое кольцо и увидела любимую кофейню. Они делают нежный кофе навынос. И я, не задумываясь, купила себе очередной стаканчик кофе.

И вот я бегу по тротуару со стаканчиком кофе, делаю пару глотков, и он стремительно остывает – на улице мороз. И вдруг меня осеняет.

Мне важно не покупать именно кофе, а просто что-то покупать. Потому что я могу купить!

Все мое детство я не могла купить то, что хочу. В психологии

это называется фрустрацией, когда желаемое недоступно. А теперь я получаю то, что хочу. Когда хочу. Хочу «Баунти» – получаю «Баунти». Ну, вместо супа.

И сейчас я, уже взрослая, покупаю каждый стакан кофе со встроенной опцией контроля над ситуацией. Все хорошо, Оля, ты можешь себе позволить.

Этот кофе – собирательный образ. Это мои «Сникерсы», не съеденные в детстве, мои не сжеванные «Love is». Через этот кофе я покупаю себе «Alpen Gold» из детства, хочу накормить ту маленькую себя досыта.

Но, мать, тебе 37. Все под контролем. Вот твой кофе. Ты на самом деле не хочешь его, ты хочешь стабильности. И это продуманная жизненная акция. Со стороны может показаться, что транжирство, но нет. Я покупаю гораздо больше, чем кофе.

Я рассказываю сыну про свое детство. Он любит эти рассказы, слушает внимательно, про дефицит даже переспрашивает.

Его детство досыта утрамбовано шоколадом, а ограничения действуют только на большое количество вредной еды. Нельзя столько «Баунти», зубы испортишь. Нельзя столько гамбургеров, желудок испортишь.

Я смотрю на сына, который не умеет сильно хотеть, и не знаю, хорошо это или плохо. Нужно ли лишать чего-то, чтобы научить мечтать и хотеть?

– Дась, – спрашиваю у сына, который склонился над тетрадкой и делает уроки. – Вот прямо сегодня, сейчас, чего ты очень-очень хочешь?

– Я очень-очень хочу каникулы, – не задумываясь, отвечает сын.

– Ооо, у меня по этому поводу для тебя сюрприз. Акция! Напиши завтрашние контрольные на пятерки, и твои каникулы начнутся на два дня раньше!

– Как это?

– Ну, все учатся до пятницы, а у тебя последний учебный день – среда. А в четверг ты едешь в лагерь.

– Уррра! – с радостными воплями сын скачет по комнате. Обожаю радовать его. Вся наша жизнь – одна сплошная акция.

В – Взятка

Я много лет была чиновником. Слово «чиновник» вызывает у людей негативные ассоциации, прежде всего в общественном сознании это бездельник и взяточник. Я видела чиновников, которые и правда были бездельниками и взяточниками и этим дискредитировали остальных.

Я часто даю интервью и рассказываю, что мне обидно за профессию: за 12 лет чиновничества я ни разу не брала взятку. «Правда, объективности ради стоит добавить, что и не давал никто», – говорю я в конце, и в этом месте все смеются.

Однажды журналист решил развить тему и спросил:

– То есть если бы вам дали, вы бы взяли?

Это такой простой вопрос, и ответ на него очевидный. Просто скажи «нет, ни за что». Так и есть, на 99,9 %. Но мне важно быть честной, важнее, чем хорошей. И я на секунду задумалась. Бывают разные ситуации.

Меня, например, спросили однажды, могу ли я убить птицу. Я даже на поняла вопроса, возмутилась. Как вы вообще могли подумать, что за вопрос! Конечно, нет!

А если это большая птица нападет на моего ребенка? Или если мы на необитаемом острове умираем от голода и… Понятно, что такие ситуации не могут произойти у нас, в спальном районе столицы. Но гипотетически они существуют, и говорить категорическое «нет» опрометчиво.

Однажды в молодежном лагере я была свидетелем того, как один парень присвоил себе результаты чужого труда. Сказал, что это он художник, нарисовавший картину. Я знала, что автор той картины – совсем другой человек, который раньше уехал из лагеря по семейным обстоятельствам, а хвалили – его, обманщика. И вот он улыбался, принимал незаслуженные аплодисменты, смущенно кланялся, и все его смущение принимали за скромность, а я думала: «Интересно, что у него внутри? Каково это – чувствовать незаслуженное признание, омраченное страхом внезапного разоблачения?»

Взятка – это то же самое. Это способ запачкать душу. Никто не заметит, что душа запачкана, но я-то буду знать, и мне от этого будет плохо.

Однажды до меня дошли слухи, что господин N берет взятки. Тот самый N, который регулярно и без шумихи помогал одному детскому дому. Оборудовал там спортзал, сделал косметический ремонт в классах за свой счет, купил технику. Я привыкла думать о нем с восхищением как о человеке широкой души. Информация

про взятки меняла ситуацию в корне. Получалось, что счет не такой уж и свой. Я растерялась: не умею судить людей.

А вдруг у него были основания взять те деньги? Это, конечно, не оправдание преступлению, но…

Однажды моя дочь сильно заболела, чуть не умерла и потеряла слух. Я очень страдала и была не в себе: готова была перечислить (и практически сделала это) приличную сумму шарлатану, который обещал проникнуть в мою дочь «через ауру» и вернуть ей слух без операции. Я настолько ничего не соображала, что верила в любую чушь.

Потом я узнала про кохлеарную имплантацию. Это как раз возможность сделать операцию и восстановить слух. Делать ее нужно срочно, пока не закостенела ушная улитка после менингита. Операция стоила три миллиона рублей. Для нас это огромные деньги. Я никогда столько в руках не держала. При этом время играет не в нашей команде, стремительно утекает сквозь пальцы: у нас было всего несколько дней, чтобы найти эту сумму.

Позже мы узнали, что операцию можно сделать по квоте, то есть бесплатно. Но несколько дней мы, не зная про квоты, искали деньги. Мы готовы были продать активы, но за неделю это сделать проблематично.

Я не могла думать ни о чем, кроме спасения дочери. Я сутками была в панике. Мне кажется, именно в том состоянии, в котором я была, люди грабят банки. Потому что о рисках не думаешь.

Мне кажется, если бы в тот момент мне предложили взятку, я бы взяла. Я бы не думала о деньгах, я бы думала о дочери. Потом, после операции, завтра, я пойду и сдамся. И пусть меня посадят. Но сегодня я спасу ребенка.

Я стараюсь исключить категоричность из своего мышления и всем ищу оправдания. Я не знаю, что там,

на колокольне этого человека. Просто с моей колокольни очевидно, что пойти на сделку с совестью только ради денег – очень сомнительный профит.

Можно сойти с ума от тревожности и осознания черты, которую ты переступил, от того, что ты сам поцарапал свою карму.

Однажды у нас с дочкой украли… коляску. Я вышла из магазина – а коляски нет. Я ошалело заметалась на крыльце, как домовенок Кузя, у которого украли сундучок со сказками. Ой, беда-беда, огорчение! Нафаняяя! Вот кем нужно быть, чтоб украсть коляску? Каким-то предводителем дураков со дна колодца беспринципности? Вот какой у этого вора следующий шаг? Выхватить «Агушу» из ладошек заснувшего годовасика? Сдернуть с седой головы бабушки павлопосадский платок?

Смеркалось. Я растерянно стояла на крыльце: в одной руке две большие упаковки подгузников, в другой дочка. Катюня, кстати, весила тогда уже почти 7 кило и скользила своим комбезиком по моему пуховику. Из дверей магазина вывалился пьяный толстый мужик с бутылкой пива и, не рассчитав траекторию движения, больно толкнул меня локтем. «Так, – внутри меня проснулся Шерлок. – Значит, во-первых, это не сон. А во-вторых, еще нет 21:00, раз мужику пивас продали! Это для протокола пригодится». Дедукция…

У меня с дочерью договоренность: на улице не спать. Спать дома. Улица – место, где нужно бдить и развиваться. Смотри, Катя, лужа. Смотри, Катя, птичка. Смотри, Катя, тетя. Это такой лайфхак для мам, у которых дома нет помощников: утомленная прогулочными впечатлениями, Катюня «приходит» домой и засыпает от усталости, тем самым развязывая мне руки для домашних дел. И пока ей снится лужа, птичка и тетя, я орудую пылесосом и жарю котлеты. Симбиоз.

Так вот в этом идеальном уравнении была одна неидеальная переменная – коляска. Кате три месяца, почти четыре, и коляска у нее люлечная. Лежит ребенок в своем корытце и видит бездонную синь неба. Ни тебе тети, ни тебе лужи. Мне приходилось доставать дочку из коляски и таскать ее на руках, пиная перед собой коляску животом. Неудобно. И вот сегодня, наконец, я решила достать прогулочную коляску. Не трость, конечно (я в сознании), но такую, в которой Катюня могла бы лежать, как в шезлонге, чуть вертикально, под минимальным углом и весело бдить.

На этой коляске я шесть лет назад рассекала с сыном. Хороший транспорт. У него мой характер: разухабистый такой

вездеход. Маневренный, веселый и быстрый. Бирюзовенький. И вот, уложив в него Катюню, которая прилежно дула пузыри из слюней в ожидании первого зуба, я припустила в сторону магазина, на втором этаже которого можно было разжиться подгузниками. На второй этаж ведет подвижный и шустрый эскалатор. Я замешкалась у его подножья. Как попасть наверх с объемной коляской и дитем? Опасно! Не буду рисковать. Оставлю коляску внизу, а за подгузниками метнусь с Катюней на руках. Делов-то на пять минут! А спустя пять минут это все случилось.

Приунывшая, я решаю, стоит ли звонить мужу. Помочь, находясь в 100 километрах от меня, он вряд ли сможет, но в сарказме искупает однозначно. Прямо вижу, как он спрашивает, есть ли у меня десять рублей, и, получив положительный ответ, советует пойти в супермаркет и за десятку взять продуктовую тележку, в которой я смогу весело довезти дочку и подгузники до дома… Смешно, ага.

Наверное, нужно заявить в полицию. Я представила, как сижу в сыром подвале, освещенном одинокой лампой, подвешенной на веревочке, на мокром каменном полу валяются упаковки подгузников, рядом на столе в дырявой картонной коробке спит моя дочь, а я, обняв сама себя за локти, раскачиваюсь на стуле и диктую следователю список похищенного на мотив Шурика «вот-спасибо-хорошо-положите-на комод»: пять баранок или шесть, больше сыну и не съесть… И салфеток влажных там пачка целая была… Для сухой для кожи рук там лежал отличный крем… А еще на ужин наш там лежал один лаваш… Погремушка в виде бус, а, пардон, она с собой…

У меня к вору два вопроса: как и зачем? Как сегодня крадут коляски? Я просто впервые столкнулась, дебют, так сказать. Как он это сделал? Увидел коляску – схватил и побежал, разметав щеки к ушам? Сложил и запихал в «уазик»? Закинул в «КамАЗик»? Или это цыган с серьгой в ухе прицепил мою колясоньку к своей гужевой повозке и сказал своему конику: «Ннно!»

И второй вопрос: зачем? Возить в ней своего карапуза? Продать на «Авито»? Перебить номера и перегнать во Владик? Разобрать на запчасти? Кругом же камеры, тебя, колясочник, легко поймают. И посадят. А в тюрьме засмеют. И татуху набьют в форме колясоньки, что в иерархии тюремных татух означает «дно-днище». А я приду на следственный эксперимент и испепелю тебя взглядом. Или вас, если у тебя был сообщник. И дочу принесу, и ущипну ее, чтоб безутешно плакала и совесть вашу раздражала. И не поленюсь плакат нарисовать: «Мы воруем у малютки, мы бесславные ублюдки». Ну как так-то? Нафаняяя… Я еле доволокла до дома ноющую Катюню и подгузники. Дома

всплакнула. Уложила дочь. Страдая, съела котлету. Позвонила мужу. Узнала, что я клуша. А кто еще в наше время бросает коляски без присмотра? Всплакнула еще раз. Согласилась, что клуша. Съела еще одну котлету. Полегчало. Успокоилась…

Коляску так и не нашли. Я иногда думаю о человеке, который ее украл. Представляю себя на его месте. Точнее, пытаюсь придумать ситуацию, при которой мне необходимо своровать у младенца коляску. Моя бурная фантазия буксует и не выдает вариантов.

Возможно, это вор. Просто циничный вор. Он берет все, что плохо лежит, и не рефлексирует. Возможно, он в молодости выдал себя за талантливого художника и украл у кого-то заслуженную славу. Прошли годы – и он скатился до колясок.

> Я не знаю, как можно наказать себя сильнее: посадить самого себя в тюрьму совести.

Я написала этот рассказ и дала прочитать его сыну. Он прочел и сказал:

– Мам, я хочу срочно кое в чем признаться. Однажды в школе учительница подарила мне два киндера. Сказала: это тебе и сестренке. А я был голодный и… сам съел. Оба. Два. Это плохо, я знаю, но я не смог…

– Ого, вот так откровение!

– Я так устал таскать эту тайну в себе, – вздохнул сын. – Сейчас прямо легче стало…

Я внутренне прыснула. Сын совершает ошибки, свойственные возрасту, и раскаивается в них. Понимает, что такое хорошо и что такое плохо. Это отличный знак. Есть основания полагать, что тест на честность через взятки ему проходить не придется.

Полный дом гостей. Праздник в честь нашей дочки Катюни. Ей месяц. Катюня пошла по рукам: друзья с удовольствием весь вечер ее мурыжат. Но пришла пора менять крохе подгузник.

Муж забирает ребенка, кладет на пеленалку. У Катюни глазки съезжают к носику – у новорожденных такое случается и проходит к полугоду. Муж смотрит на косоглазика и в поддельном ужасе кричит мне:

– Мааам, нам сломали ребенка! Узнай, кто играл в нее последним!

Г – Границы

Однажды мама вошла в комнату без стука, взяла мою сумку и стала в ней рыться.

– Мам, что ты делаешь?

– Я видела у тебя аспирин. Голова раскалывается.

– Мам, у меня есть аспирин, но можно же попросить…

– Да я вижу, что ты занята, вот и не отвлекаю.

> Мне 15 лет, и в этом диалоге я усваиваю четкую вещь: личных границ не существует.

Однажды мы с Мишей – тогда еще парнем, а не мужем – пошли в гости. Сели за стол так, что оказались в самом углу, и чтобы выйти, пришлось бы поднимать всех других гостей. В процессе праздника выяснилось, что я забыла в сумке телефон, он зазвонил, и Миша полез через весь стол искать мою сумку, а потом обратно.

– Да зачем ты сумку тащишь, просто достань телефон, – удивляюсь я его недогадливости.

– Как это – залезть в чужую сумку? – недоуменно спросил он.

– Почему чужую? Я тебе что, чужая?

Он ошарашенно смотрел на меня. Его взгляд говорил сам за себя: нет, ты не чужая, но лазить по несвоим вещам – неприемлемо.

> Мне 20, и в этом диалоге я усваиваю четкую вещь: личные границы все-таки существуют.

Я приехала в школу-интернат. По карте – я тут впервые. Привезла бытовую химию и одежду, которую передали волонтеры. В данном случае я просто водитель. Из интерната вышли дети. Многие сразу меня обняли, ластились ко мне. Невозможно не обнять в ответ. Мне было приятно и неловко. Как можно обниматься с незнакомыми? А вдруг я плохая тетя? А вдруг я причиню зло?

Дети легко вошли в мое личное пространство, не подозревая о его наличии. Им никто не рассказал, что это неправильно. Так же легко они пустят и в свое личное пространство. И это даже не доверчивость, это дефицит любви и тактильной ласки, помноженный на неинформированность. Там, во взрослой жизни, этот дефицит может быть для них смертельно опасен.

Мне 25, и в этой ситуации я усваиваю четкую вещь: мы сами устанавливаем свои личные границы.

Ко мне приехала подруга. Очень важный откровенный разговор. Мы, понизив голоса, говорим о сокровенном. В комнате играют дети: мой четырехлетний сын Данила и ее пятилетний Вова.

В кухню, где мы сидим, врывается Вова и начинает что-то увлеченно рассказывать маме. Подруга тут же отвлекается на него и изображает интерес: ее ребенок рассказывает про город роботов.

– Так о чем мы говорили? – спрашивает подруга спустя пять минут, когда выбегает ее сын.

– Я потеряла нить, – честно говорю я.

– И я…

И вот опять спустя время напряженный, важный разговор. В кухню влетает мой Даня.

– Мама, мама, мы там построили…

– Сынок, мы пока с тетей Машей разговариваем. Сейчас мы закончим, я обязательно подойду и посмотрю, что вы там построили, ладно? А пока я занята, – говорю я сыну и продолжаю, обращаясь к Маше: – Прости, и дальше что?

Мне 30 лет, и в этой ситуации я усваиваю четкую вещь: чем раньше наши дети узнают о существовании личных границ, тем проще им будет это принять.

Личные границы – это границы доверия. Вы сами себе их устанавливаете, а ваши дети берут с вас пример. Эти границы могут меняться с течением времени: могут крепнуть, а могут проседать. Но они должны быть, и ваши дети должны о них знать.

Мой сын сейчас в комнате пишет первое в жизни признание в симпатии девочке. Она болеет, и он попросил купить ей цветы, чтобы отнести записку вместе с цветами в качестве лучей поддержки.

– Тебе помочь написать, Дась? – спрашиваю я.

– Нет. Я сам.

И вот пишет. Уже спрашивал, как пишется слово «нравишься» и «выздоровеешь», и сокрушался, что оба слова он написал без мягкого знака. Готово: витамин любви и участия в формате А4 детским почерком.

На улице ужасная погода. Я собираюсь по делам, по пути куплю и закину цветы и записку девочке, которой она адресована.

– Только не смотри, мам, не читай, – волнуется сын.

– Не буду, Дась. Можешь на меня рассчитывать.

– Это секрет.

– Сынок, я уважаю твое право на секрет и не стану читать твое признание. Это и правда очень личное.

– Да, очень личное.

Муж видит, как сын волнуется.

– Ладно, Дась, собирайся. Пойдем, и сам все подаришь, сам выберешь цветы. Это будет правильно, по-мужски. Когда нас, влюбленных мужиков, погода останавливала! Заодно погуляем.

– О, отлично. Тогда и сестру возьмите. Кто ж на свидание без кузнеца ходит? – шучу я.

Сыну важно, что взрослые уважают его границы, и это отличный урок. Для взрослых – урок уважения к чужим границам, для ребенка – урок осознания их наличия.

Осталось выучить, как пишется слово «нравишься», и можно считать себя совсем взрослым.

Мне 36, и в этой ситуации я усваиваю четкую вещь: с сегодняшнего дня станем стучаться, когда входим в комнату к сыну. Ему уже восемь.

Д – Добряк

Мой сосед дядя Гриша купил машину. Он копил на нее полжизни – и купил. А еще у него недуг – неумение отказывать. Я где-то читала, что это называется «гипертрофия обратной связи», когда интересы другого человека ты всегда ставишь выше своих.

Я не зря написала «недуг»: дядя Гриша от этого страдает. Многие путают недуг с добротой, они же очень похожи. Только после доброго дела у тебя вырастают крылья, а после этого недуга ты поджимаешь хвост, ибо дома ждет скандал с женой.

Все его друзья, родня и знакомые тут же смекнули: у Гриши теперь есть тачка. Пользовались этим фактом так активно, будто Гриша – их личный водитель на зарплате. Дядя Гриша вообще-то любил проводить время за рулем, но нервничал, что время, нервы и бензин он тратит на других людей: щедро дает свой ресурс, а они берут, и некоторые так к этому привыкли, что даже спасибо не говорят.

Сестра обиделась: прилетела ночью из отпуска, попросила встретить в аэропорту, а Гриша сказал, что это бессонная ночь, а ему работать завтра весь день, и намекнул, что можно вызвать такси.

Сестра захлебнулась негодованием, будто он сказал не здравую аргументированную мысль, а просто захлопнул перед ней дверь. Вот и пришлось ехать, встречать, просить прощения.

А другой сосед, дядя Валя, – полная противоположность дяди Гриши. Он хмур и высокомерен. Эксперт во всех вопросах. К нему ни подойти, ни подъехать. Он свои границы защищает так яростно, что, поговорив с ним единожды, люди решают, что второго раза не будет.

Однажды в лифте дядя Валя спросил, не нужна ли мне мультиварка. Он купил новую и не знает, куда деть старую. Она ему мешает, стоит в пакете, но в рабочем состоянии.

«В принципе на дачу можно», – подумала я, решив, что он отдает ненужную вещь. Но я не хочу бесплатно – неудобно.

– Давайте я у вас ее куплю, например, за 1000 рублей…

– Почему за тысячу? Я думал продать за 6000–7000.

– За 6000–7000 в наше время можно купить новую. Даже две, – сказала я и решила, что дядя Валя очень жадный.

Дядя Валя верит в Бога. Однажды он признался мне, что принципиально не занимается благотворительностью. Он считает, что Бог каждому человеку посылает свои испытания и человек сам должен их преодолевать.

Например, если Бог послал тебе инвалидность, то ты должен

сам как-то справиться, а не клянчить деньги у других людей, у них же свои испытания.

Я выслушала эту версию и подумала, что для жадного человека она очень удобная и подходит идеально. И что его непроданная мультиварка – это не испытание. Но ничего не сказала: я взрослых людей не воспитываю. Мне по духу ближе дядя Гриша. Дядя Валя живет на какой-то своей планете, на которую я не хочу.

Перед Новым годом мы с сыном куда-то бежали по делам. Был сильный снег, и я в капюшоне, надвинутом глубоко, бежала, не оглядываясь по сторонам. Вдруг ладошка сына выскользнула из моей, я оборачиваюсь, смотрю – он завис около бабушки, торгующей всякой новогодней ерундой: полотенцами, открытками, варежками. Она стоит в этой метели, и товар, разложенный на ящике, уже снегом занесло, и все бегут мимо – к торговому центру, теплому и уютному, никто не хочет покупать сувениры вот так: с рук, на холоде.

Я пробежала мимо и даже не заметила ее. А сын заметил и купил у нее полотенчико с вышитой хрюшкой за 100 рублей – и тут же ей обратно протягивает. Это, говорит, вам, с Новым годом вас.

И довольный такой стоит, на меня смотрит. Это при том, что он недавно потерял телефон и копит на новый, и к деньгам относится сейчас особенно трепетно, зарабатывает, не упуская возможности быть полезным по дому.

Для него эти 100 рублей – реальная такая сумма, ощутимая, а тут он щедро с ней расстался ради незнакомой бабушки. Подходит ко мне, гордый, докладывает: «Мам, я ей и денежку дал, и не обидел. Я как бы купил подарок и ей же подарил».

Я похвалила сына, сказала, что горжусь им. Тут же вспомнила, как он вчера ел конфеты из новогоднего подарка. Точнее не ел, а рассуждал.

– Представляешь, мам, я вот объелся уже этими конфетами, а есть одинокие бабушки, которым никто ни одной шоколадочки не подарил… Даже в нашем доме есть! Я бы их угостил, только не знаю, в каких они квартирах живут. Можно взять конфеты и просто распихать их по почтовым ящикам. Какие-то из них точно к бабушкам попадут…

> Я слушала его и думала: не перегнула ли я палку с прививанием доброты? Я хочу, чтобы он вырос добрым человеком, но без клинической стадии. Концентрация доброты должна быть здравой и оправданной.

Сын растет нежадным человеком. Это, конечно, хорошо. Но

как бы он не вырос «дядей Гришей», которым все пользуются, а он не может «нет» сказать. Сын будет все отдавать, а вокруг всегда будут люди, которые рады взять это. Главное – не впадать в крайности: я не хочу, чтобы он в день зарплаты снимал все деньги и раздавал бедным, а потом сам месяц голодал.

Однажды мы с ним отдыхали и смотрели телевизор. Мы устали, потому что таскали вещи: у нас ремонт. По телевизору шел сюжет про мальчика с неизлечимым заболеванием. Ему все время больно. И помочь ему можно, перечислив деньги на указанный счет.

Даня растрогался и заплакал. Попросил меня помочь мальчику, чтобы ему не было больно. Я перечислила небольшую сумму, и мы оба решили, что это как будто на обезболивающую таблеточку.

Потом мы переключили канал и попали на сюжет про девочку. Если ей не сделать операцию, она ослепнет. И снова счет. Даня умоляюще посмотрел на меня.

– Дась, у меня больше нет. Правда, если мы сейчас всем нуждающимся поможем, мы никогда не сделаем ремонт.

– У кого-то ремонт, а у кого-то жизнь… – рассудительно сказал сын. Он у меня добряк.

– Нет, милый, это неправильное рассуждение. Мы можем сейчас продать все, что у нас есть, и разово спасти десятки жизней. Но сами мы пойдем жить на вокзал, замерзнем, станем злыми и дерганными. И больше никому уже не сможем помочь, потому что помощь нужна будет нам самим. А если мы сделаем ремонт, построим теплый, уютный дом, где всегда можно согреться, это будет место, где нам хорошо, где мы будем заряжать наши разряженные батареечки, где будем счастливы. Представь, скольким людям мы сможем помочь в этом случае – гораздо большему количеству!

> Потому что отдавать нужно, когда наполнен сам. Когда внутри тебя любовь, счастье, умиротворение и ты готов поделиться этим с теми, кому сейчас туго. Поймал мысль?

– Поймал. Что иногда ремонт у тебя дома важнее, чем проблемы других людей, даже если они серьезнее твоих.

– Правильно, Дась. Если ты кому-то не помог, это не значит, что ты злой. Это значит, что у тебя пока нет возможности и ты ищешь ресурс.

Мир очень разный. Он населен миллионами разных людей с разными судьбами. Среди них есть неизлечимо больные дети, есть дяди Гриши, есть дяди Вали и много-много других дядь и

теть. Задача человека – найти свое место под солнцем.

Вот, кстати, солнце. Все любят солнце больше, чем морозы. Но ведь именно морозы помогают нам ценить солнце. А если сидеть только под солнцем, то случится передозировка и тепловой удар. У меня такое было в детстве, и я на всю жизнь запомнила, как мне было плохо.

> Я часто думаю, бывает ли передозировка добра, и все-таки прихожу к мысли, что с добром нельзя переусердствовать. Как нельзя человека перелюбить. Можно избаловать, но перелюбить нельзя. Любовь – всегда кстати. Она напитывает его, дарит чувство защищенности и ощущение счастья.

В жизни полно бед, трагедий и проблем, Бог всем посылает испытания, и добро, живущее внутри, просто уравновешивает этот мир. Добро и любовь – это иммунитет от безжалостной реальности.

Я научу сына быть добрым. Жизнь научит его быть злым. И внутренний баланс превратит это сочетание в характер моего сына, с которым он и станет взрослым дядей. Дядей Даней. Моим сыном, чьим-то папой, чьим-то соседом…

Сын делает уроки, а я читаю дочке сказку. Только что мы с сыном болтали про фильмы, про то, что такое сценарий и как сложно снимать кино.

Теперь пришло время потусить с дочкой. Книжку принесла сама Катюша – это сказка про сестрицу Аленушку и братца Иванушку. Кате нравится, что это книжка-трансформер: каждую страничку переворачиваешь, и там появляются 3D-дворцы, герои, деревья, все можно потрогать.

Я открываю книжку и читаю:

– Жили-были старик со старухой, и были у них внуки – сестрица Аленушка да братец Иванушка. Умерли старик со старухой. И тогда…

И тут сын вдруг комментирует:

– Неплохо так сценаристы выпилили главных героев прямо во втором предложении.

Е – Епитимья

Слово «епитимья» у верующих людей означает наказание за совершенный грех или неправедную жизнь. Епитимья – это, например, пост как воздержание от вкусной и разнообразной еды или длительные молитвы.

Наше общество – это люди. Их много, и они очень разные. Помимо заповедей, которые придумал Бог, очень много правил для выживания в социуме придумали люди. Некоторые правила обозначены в законах, некоторые – только в поле здравого смысла. Ну, например, нельзя радоваться на похоронах – нужно скорбеть. Этого нигде не написано, но это так.

Тот свой грех я помню в мельчайших подробностях. Моя дочь сильно болела и цеплялась за жизнь. Выжила, но в бою потеряла слух. Передо мной как матерью стояла задача прорваться в тыл врага и отвоевать слух: организовать операцию.

Те дни я помню смутно. Я не жила – продиралась сквозь время. Нужно было выкарабкаться из вторника и как-то дотянуть до среды. Со стороны я выглядела вполне собранной и целеустремленной женщиной, решала вопросы с предстоящей операцией, вникала в специфику высокотехнологичных имплантов, которые заменят дочери слух, составляла документы.

Только глаза всегда были опухшие и заплаканные. «Ну мало ли… – думали люди. – Ну, аллергия…»

Однажды я пришла домой раньше обычного. Что-то там у меня не получилось, ерунда какая-то – справку мне не дали, что ли, или печать не поставили. В любой другой момент это была бы просто жизненная рутина, но именно в тот день это была трагедия вселенского масштаба.

Я поняла, что больше не могу. Я рыдала со всем отчаянием, на которое была способна, до икоты, трясущихся рук и нервного срыва. Я закрыла дверь в комнату, где истерила, но плакала так громко, что все равно все было прекрасно слышно. Муж у меня не железный. Он больше не мог выносить моих слез и «выгнал» меня.

– Сходи на маникюр, я тебя умоляю, – сказал он. – Или в магазин. Или в кино. Куда угодно. Купи себе чертовы туфли, платье. Что-нибудь. Тебе необходимо развеяться. Ну что ты как загнанный зверь?! Я не могу видеть и слышать твои слезы.

Он практически вытолкал меня из дома. Я помню, как стояла на лестнице и с интересом рассматривала свои обломанные, стертые, искусанные ногти. Да, нужно пойти на маникюр, и я пошла на автопилоте в ближайший салон.

Обычно я приходила на маникюр и говорила: «Сделайте красный!» Мне приносили на выбор десяток оттенков красного, я закатывала глаза. Вот напридумывали женщины какую-то ерунду, сто оттенков одного цвета, френчики, пилочки, формы ногтей, ну делать, что ли, нечего, ну ей-богу!

– Любой красный, – с легкой досадой отвечала я. – Мне все равно.

А в тот злополучный день… Знаете, я никогда так вдумчиво не делала маникюр, так тогда. Я выяснила всю палитру цветов, с интересом перебирала радугу оттенков, вникала в преимущество гелей над лаками и наоборот, внимательно прослушала лекцию о новинке – лаке, меняющем цвет в процессе сушки. Я выглядела как фанат маникюра, который по ряду причин был долго лишен возможности сделать его и теперь просто дорвался до счастья.

А на самом деле я просто пыталась выключить себя на час из непроходимой боли, вылезти из колодца моей беды и целый час, зажмурившись, просидеть на солнце. Которое, кстати, светит для всех одинаково, просто до некоторых, кто очень глубоко в колодце, лучи не достают.

Я насильно выдрала себя из болота и честно прожила тот час маникюром, а не предстоящей операцией моего ребенка. Мне был необходим этот час. Потому что я мать, которая должна спасти своего ребенка, а для этого необходим колоссальный ресурс нервов и выдержки, а стресс и страх выкачивают его каждую минуту, и вот хотя бы на час заткнуть эту утекающую энергию маникюром было жизненно необходимо.

> Потому что когда тебе плохо, это как падающий самолет: и перегрузки, и турбулентность, и вот тогда «сначала маску на себя, потом – на ребенка».

Домой я вернулась покладистая, спокойная, чуть виноватая. Мои пальцы блестели леденцами. Я стала готовить нормальный обед впервые за несколько месяцев. Придумала сложносочиненные блюда – суп и лазанью.

– Ох, маникюр творит чудеса, – сказал муж, обнаружив меня на кухне среди продуктов.

На сковороде уже весело шкворчали овощи, источая вкусный, давно забытый аромат домашней еды. А я просто хотела еще час прожить вдумчиво, сосредоточившись на готовке. Я заставляла себя думать о рецепте, ингредиентах, о том, что сначала тертую морковь или перчик, о чем угодно, кроме того, что хирург со скальпелем скоро будет делать надрезы на голове моей дочери. А там, глядишь, среда закончится и наступит новый день. Нужно только придумать, как переползти из четверга в пятницу.

Я написала об этом пост в своем блоге – фактически призналась в преступлении, ведь только плохая мать может скакать по маникюрам, пока семья проживает трагедию. Я ждала осуждения, брезгливого «Да как так можно?». Я была готова, что меня заклеймят позором и наложат епитимью – придумают наказание за мое преступление.

Но случилась удивительная вещь. Люди стали писать комментарии и письма, где рассказывали о своих поступках, совершенных в состоянии глубокого душевного пике. Вот женщина рассказывает, как купила дорогой красивый плащ, пока ее крошечная дочь лежала в реанимации для новорожденных. Она принесла туда сцеженное молоко, к ребенку ее не пустили, велели идти домой. А дома кроватка, игрушки, ползунки… Она не могла вернуться домой одна и пошла по магазинам. Увидела тот плащ. Дорогой, желтый, бестолковый. Она его надела и поняла, что купит. Он стоил как три четвертых ее зарплаты за месяц, а деньги были нужны: впереди борьба, врачи, реабилитация.

Но ей нужен был тот плащ. Объяснить внятно зачем она не могла, но нужен. Вот нужнее всего на свете. Она его потом почти не носила, потому что похудела после родов. Но этот плащ до сих пор с ней, хотя прошло больше десяти лет и они трижды переехали за это время.

А вот письмо от женщины, которая, похоронив любимого мужа, внезапно погибшего в аварии, взяла кредит и улетела в Индию, оставив детей на бабушку. Ее осудила родня, все называли ее гулящей, говорили, что она радуется, что избавилась от мужа. А она две недели просидела на берегу океана, опустив ноги в воду, с чашкой кофе в руках. А потом встала и, будто зарядившись, поехала в аэропорт. Обратно, к детям, строить новую жизнь, в которой она уже одна, без мужа.

Таких писем были сотни. Я поняла, что у каждого из нас есть свой грех: свой маникюр, свой плащ, своя Индия.

> Есть то, за что мы привыкли себя винить, потому что есть некие правила и нормы, как себя вести в стрессе. Но эти правила придуманы людьми, которые сами не находятся в стрессе. В стрессе никто не придумывает правил: все выживают как могут.

Когда я получала инвалидность для дочери, я поняла, что всю эту бюрократию придумали люди, у которых нет детей-инвалидов. Потому что это так сложно, неудобно и трудоемко, что хочется пойти и все исправить. Законы придумывают обычные люди, которые могут ошибаться.

Неписаные законы тоже придумывают люди – те, которые знают, как правильно. И уже одно это заставляет сомневаться в их экспертности. Потому что у каждого человека свое «правильно», каждый спасает себя как умеет.

Среди сотен писем как жемчужины, дорогие моему сердцу, встречались истории, в которых люди писали, что услышали меня и задумались о вещах, о которых раньше даже не думали.

«Знаете, Оля, мы однажды собирали в школе помощь многодетной семье, у них мальчик младший очень тяжелый, четыре года не могли рак вылечить, я сама лично была волонтером и собирала средства, ходила всех уговаривала. А однажды я пошла в магазин и там встретила эту маму, для которой мы деньги собирали. Она платье покупала. У нее сын умирает, а она платье! Я помню, как рассердилась и разочаровалась, как злилась на нее, что она воспользовалась нашей наивностью, потом сама лично всему родительскому комитету говорила, какие люди неблагодарные. А после всего, что прочла, я вдруг подумала, что сама эти платья покупаю каждую неделю. А у нее, возможно, за четыре года это было первое платье, а я ее осудила. Мы переехали давно, я сменила окружение и не следила за ее историей. А тут вдруг я ей написала и попросила прощения за те слова, что говорила у нее за спиной. А она вспомнила то платье. Говорит, да, хорошее, лежит где-то, я очень похудела после смерти сына…»

И таких писем очень много. Люди задумываются о том, что, возможно, жизнь не такая однозначная, как им кажется. И я задумываюсь. Я очень понимаю людей, которые говорят, что, если у меня есть 100 рублей на благотворительность, я хочу потратить их на лекарство человеку, который без него умрет, а не на платьишко для него. Это вполне разумно, рационально и здраво. На платьишко и мороженое пусть человек зарабатывает сам, ведь это баловство, а не предмет первой необходимости.

А жизнь – это предмет первой необходимости. Жизнь и здоровье – ваше и ваших детей. Это здравая позиция про благотворительность, я ее понимаю и уважаю. Но опять есть «но». Я помню тот мой маникюр. Я понимаю и ту маму, которая на пике отчаяния пошла за платьем. Я понимаю ту женщину в Индии и ту, в желтом плаще, тоже понимаю. Я понимаю тех, кто в жизненной агонии не действует по инструкции, потому что инструкции писали не те, у кого умирают дети, и не те, кто смотрит на мир через окна больничных палат. Не те, у кого нет денег на спасение любимого человека, и не те, кто годами заточен в колодце беды. Их писали те, кто получал за это зарплату.

Я не говорю, что эти инструкции плохие. Но человек слишком сложен и многогранен, чтобы можно было написать для всех единую инструкцию о том, как жить правильно, страдать правильно, как горевать, выживать и помогать.

> Лично для меня помогать – это кому-то, а не на что-то. Это обнять человека ментально и напомнить ему там, в колодце его беды, о радости жизни. Она есть, она тут, за пределами твоего колодца, ты просто не видишь…

Деньги, конечно, должны быть потрачены абсолютно целевым образом. То есть на то, на что заявлено, – на спасение жизни. Но иногда спасение – это именно пресловутое платьишко. Маникюр. Плащ. Мороженое. Или бумажный стаканчик кофе в руках. И не мне судить, как правильно жить там, в колодце. Вот мои 100 рублей. Потрать их на то, что тебя спасет.

Право на счастье есть не только у здоровых, оно есть у всех. И у тех, кому сегодня плохо, потребность в глоточке счастья гораздо сильнее. Прямо сегодня кто-то счастлив, кто-то растерян, кто-то напуган, кто-то несчастлив. Невозможно найти один ответ на вопрос, как правильно жить, если даже у одного человека на разных этапах жизни ответы разные.

> Никто не знает, как быть хорошим родителем, как правильно страдать, как быть хорошим человеком. Мы учимся этому всю жизнь, и у каждого своя школа, свои учебники и учителя. Не нужно себя наказывать за свою неидеальность, корить за то, что вы нарушили условные правила.

Не нужно накладывать епитимью, потому что быть настоящим неидеальным человеком, который учится жить, не грех.

– Мам, давай в церковь зайдем?

– В церковь? – удивляюсь я внезапности просьбы. – А почему ты хочешь зайти?

– Ну просто. Свечки позадуваем…

– Ты что, нельзя в церкви свечки задувать!

– А я видел, как один мальчик задувал. Ну нельзя так нельзя. Тогда, может, исповедимся?

– Исповедуемся, Дась. Исповедь – это для взрослых. Тебе четыре года, о чем тебе исповедоваться.

– Ну я не знаю, давай просто на фотки святых посмотрим…

Ё – Ёлочка

Эту фразу, я, наверное, написала уже тысячу раз. Моя дочь переболела менингитом и потеряла слух. Когда незнакомые люди узнают об этом, они говорят обычно одно и то же: «Как же вы так не уберeглись?» Есть и более безжалостная версия: «Не уберегли девочку?»

Первое время меня трясло от этих слов в прямом смысле. Я мерзла: начинался озноб, потом крупная, заметная дрожь. Внутри меня отчаянно вибрировала мысль о моей стопроцентной ответственности за случившееся, растекалась теплая липкая вина.

После этих слов я обычно становилась очень несчастной и по нескольку дней ходила, погруженная в страдания. Муж замечал мое чувство вины, и у него тоже портилось настроение. Вина как грозовая туча нависала в атмосфере семьи.

Я, конечно, знала, что менингит – лотерея и никто от него не застрахован, но в тот период мозг не был соединен с сердцем, затопленным виной. Душевные провода отсырели, искрили и не проводили ни ватта жизненного электричества.

> Чувство вины – удивительно бесполезное. Оно может засосать тебя в воронку адового разочарования в собственных силах, распороть твою личность на атомы, разбить твой мир вдребезги.

Оно высасывает километры энергии и по сути ничего не дает взамен. Вот зачем оно? Чтобы люди вокруг знали, что я не исчадие ада и что если я косячу, то мне очень жаль? А разве это так важно, что думают о тебе люди в этот момент? Разве не важнее сейчас обратно собрать себя по кусочкам, восстановить свой рассыпавшийся пазл личности и потратить энергию именно на это, а не на показательные страдания?

Однажды я с трехлетним сыном ехала в автобусе. Он спал в коляске. Люльку в ней я расположила горизонтально, чтобы сыну было удобно. Сама сидела на сиденье рядом с коляской. Во время экстренного торможения автобус дернуло и коляска упала, задрав колеса. Сын проснулся, испугался, заплакал. Я бросилась к нему, схватила, обняла, прижала к себе. Я тоже ужасно испугалась. А вдруг сильно ударился?

Люди вокруг переполошились, подошли, помогли собрать рассыпавшиеся из поддона игрушки, одежку, лопатки, ведерки… А я все стояла, вцепившись в своего ребенка, который давно успокоился и снова заснул уже у меня на руках: он больше

испугался, чем ударился.

Меня в тот момент просто разрывало от горечи и злости на собственную криворукость. Ну что я за мать? А один мужчина, проходя мимо на выход, сказал раздраженно: «Что же вы, мамочка, не следите за своим ребенком?» И я просто солдатиком нырнула в вину до самого дна.

Прошло уже много лет, а мне до сих пор интересно: вот зачем он это сказал? Неужели не очевидно, что сильнее, чем я сама себя, меня никто не накажет? Ведь я в тот момент была просто воплощенным чувством вины.

Все свои материнские косяки я привыкла культивировать, я об них спотыкалась, я их вспоминала, возвращалась к ним. Они все, нанизанные на ниточку вины, висели у меня на шее, всегда были со мной.

Но идут годы, и я прозреваю – начинаю понимать про себя все больше. Важный инсайт, пропущенный через сердце: чувство вины абсолютно бесполезно. Это не значит, что я его больше не испытываю. Это значит, что теперь я иначе к нему отношусь.

> Когда нам становятся понятней состояния, которые нами движут, они гораздо меньше на нас влияют.

Каждую неделю я в чем-то косячу – сама себе в дневник матери леплю двояки.

Например, на этой неделе я взяла один трудоемкий проект, не рассчитала свои ресурсы времени и сил и не успеваю уделять детям внимания столько, сколько хочу. Я так и не постирала остов Катюшкиной коляски, хотя обещала себе сделать это еще месяц назад.

Сын пошел учить китайский по собственной инициативе, а я не придала этому значения: шутила, думала, он не всерьез, пока не поняла, что ему правда интересно. А я чуть не отбила ему весь интерес к этому языку своими шутками, потому что выяснилось, что имя Данила по-китайски звучит как «Фу», а у других детей имена звучат нормально, и я шутила, что с китайским у нас фсе. Слава богу, что вовремя осеклась и исправилась.

Катюша отказывается со мной заниматься, видит во мне исключительно маму, а не учителя, балуется, хохочет, я злюсь, теряю терпение.

Мне есть за что поставить себе твердый двояк, и если открыть портал раскаяния, то чувство вины затопит меня всю. Но все свои косяки я замечаю и непременно исправляю. Я не буду думать о них с надрывом и разочарованием в себе, потому что мое чувство вины ничего не исправит. Исправлю все я сама, потратив на это ту энергию, которую раньше тратила на страдания.

Это немножко похоже на «я не виновата, что я плохая мать», но так и есть. Пункт «за что на этой неделе мне себя винить» давно переименован в «за что мне себя на этой неделе простить».

Я неидеальная мать, потому что живая. Живые люди совершают ошибки. Это встроенная при производстве опция, обязательный пакет. Чтобы справиться с чувством вины за свою материнскую неидеальность, я в противовес ему каждую неделю вручаю себе материнский «Оскар». Я вспоминаю, как прошла неделя, но не через призму косяков, а через призму тех моментов, где я собой довольна. Каким бы лузером в сфере материнства я ни была, что-то хорошее я непременно совершила за семь дней.

Я вспоминаю, как испекла на этой неделе любимую запеканку сына и дочки и любовалась тем, как они ее едят. Вспоминаю, как тащила с прогулки самокат, медведя и мяч, когда дочка, которая непременно хотела взять на улицу все эти игрушки, играла в них ровно минуту. Вспоминаю, как с сыном вместе готовили подарок на день рождения девочке, которая ему нравится. Как после ванны Катюха вырвалась у меня из рук и маленьким привидением в полотенце носилась по квартире, а мы все бегали, ловили ее и притворялись, что никак не можем поймать. Как ехали в машине, и там заиграла песня «Все люди как люди, а я суперзвезда», и мы всей семьей орали припев, не попадая в ноты, не зная слов, и хохотали. Вспоминаю, как мы заснули с приболевшим сыном в обнимку во время дневного сна дочери и проспали втроем до пяти вечера.

Я не знаю, может, «Оскары» лучшим мамам дают за другое: за идеальный порядок в квартире, за пятерочный дневник и за Шопенгауэра, прочитанного ребенком в семь лет.

Но мой личный «Оскар» не похож на величественную статую, облитую сусальным золотом. Он похож на имбирную елочку, измазанную творогом запеканки, заштрихованную разноцветными мелками, заляпанную пальчиковыми красками, с подломанными лапками-веточками, склеенными сгущенкой. И именно эти кляксы выглядят как елочные игрушки и добавляют красоту!

И этот мой хвойный «Оскар» самый настоящий, мне не нужен другой. Мои бусики вины больше не тяготят меня и не тянут ко дну, а цветными горошинами летят вниз и брызгают об пол ярким разноцветным салютом.

Папа с сыном учат английские слова: папа называет слово – сын говорит, как оно звучит по-английски. Видно, что Дасе надоело: отвечает вяло, устал.

– Холодильник! – говорит папа.

– Не помню.

– Вспоминай. Ре…

– Ре…

– Ре-фре…

– Ре-фрей-тор! – осеняет Дасю.

– Если будешь плохо учиться, – говорит муж, – пойдешь в армию служить рефрейтором!

Ж – Жизнь

Единственная сказка, которую я написала, называется «Варина вера». Она для детей, находящихся на длительном лечении в больнице.

Мне было важно, что в этой сказке главные герои (дети) побеждают болезнь (злого Микроба) при помощи и поддержке людей вокруг (это очень понятно и созвучно для тех, кому адресована эта сказка).

Пока я ее придумывала, поняла, что писать сказки очень сложно и мне, вероятно, не быть детским писателем. Я сама, став мамой, начала очень придираться к сказкам.

> Маленький ребенок мыслит образно, и сказка легко сходит в его реальность. Поэтому сказка – это коммуникация. На языке сказки можно донести до ребенка много важного и сложного.

Я придирчиво отбираю сказки, которые читаю детям. Мне важно понимать, про что они и чему учат. Иногда в них много слов и героев, а смысла мало, и я сама не понимаю, что хотел сказать автор.

Для своих детей я выдумываю сказки, где главный герой (ну, например, мышонок в капюшоне) попадает в такие же передряги, как и мой сын. И мышонок всегда знает, как поступить правильно. И сын, послушав сказку, тоже знает.

Та моя сказка вошла в сборник, который мы с читателями блога издали для детей. Это был благотворительный проект без издательств и редакторов. Команда работала на энтузиазме, движимая идеей сделать мир чуточку добрее.

Мы издали совсем небольшой тираж, на который хватило денег, и подарили этот сборник в больницы, раздали социальным педагогам. Прошло много лет, и я, признаться, забыла об этой книжке.

Однажды я болтала с детьми, находящимися в больнице на длительном лечении. Я забегала к ним в гости регулярно. Мы сидели в холле и разговаривали. Я приходила туда читать им лекцию о блогах, потому что иногда лечение отбирает у тебя силы, и интернет остается единственным окошком в мир.

После лекции мы просто сидели в коридоре и болтали. В большинстве своем моими слушателями были подростки. Если ребенок заболевает чем-то страшным и серьезным, он, бывает, годами живет в больнице. Очень важно, чтобы в это время он

продолжал учиться и развиваться. Это означает, что он как бы нагоняет сверстников, пытается не отстать за время болезни, потому что потом, когда он выздоровеет, ему будет непросто вернуться в строй. Если же ребенок теряет интерес к учебе, особенно в этот период, это очень плохой знак – он сам не верит, что выздоровеет.

Мы с детьми говорили о том, что нужно обязательно находить время на учебу и чтение, что время лечения нужно проживать максимально продуктивно, потому что оно обязательно закончится, и потом начнется обычная жизнь без врачей, процедур и пилюль.

По коридору периодически проходили пациенты разного возраста с капельницами в руках. И вдруг прошла девочка лет десяти. Она шла очень медленно, присела на банкетку рядом с нами передохнуть. Мне показалось, ей плохо, и я предложила проводить ее до палаты. Мы медленно шли к ее палате, молча. Мне казалось, ей не до разговоров.

Когда мы вошли в палату, я вдруг увидела на ее кровати ту книгу сказок. Она называется «Все будет хорошо». Я так давно не держала ее в руках!

Я усадила свою новую знакомую на кровать и убедилась, что с ней все в порядке. А потом взяла в руки знакомую книжку и улыбнулась.

– Вы, наверное, смеетесь надо мной, – сказала девочка. – Что я такая взрослая, а читаю сказки.

– Нет, что ты… – поспешно ответила я, понимая, что девочка неправильно поняла мою улыбку.

– Это не моя книга. Мне ее оставил тот, кто лежал тут до меня. Но она хорошая, в этом месте особенно нужная. Я читала другие книги, там люди гуляют, ходят в кино, едят что хотят, и у них ничего не болит. И я читаю и не верю, что так вообще бывает. А тут хоть и сказки, но понятные. Кто-то заболел, но он обязательно выздоровеет в конце. Когда читаю эту книгу, всегда думаю, что тоже при выписке обязательно оставлю ее для следующего пациента.

Я запомню эту девочку навсегда. Ее глаза над маской, идеально лысую голову и худющие руки. Я не стала говорить ей, что я один из авторов этой книги. Мне показалось, это будет нескромно. Я вышла из палаты, пожелав ей скорейшего выздоровления.

Вышла и еще долго стояла рядом, прислонившись к стене. Мне хотелось плакать, но я себя сдерживала. Мне казалось, в такой больнице стоять и плакать от счастья – нечестно. Тут дети проживают главное испытание в своей жизни, борются с

диагнозом, тут судьба, искалеченная болезнью, в каждой палате. Поэтому я просто пыталась продышать это чувство, это ощущение нового смысла – что твое творчество помогает кого-то поддержать.

Варина Вера

Сказка для тех, кто хочет выздороветь

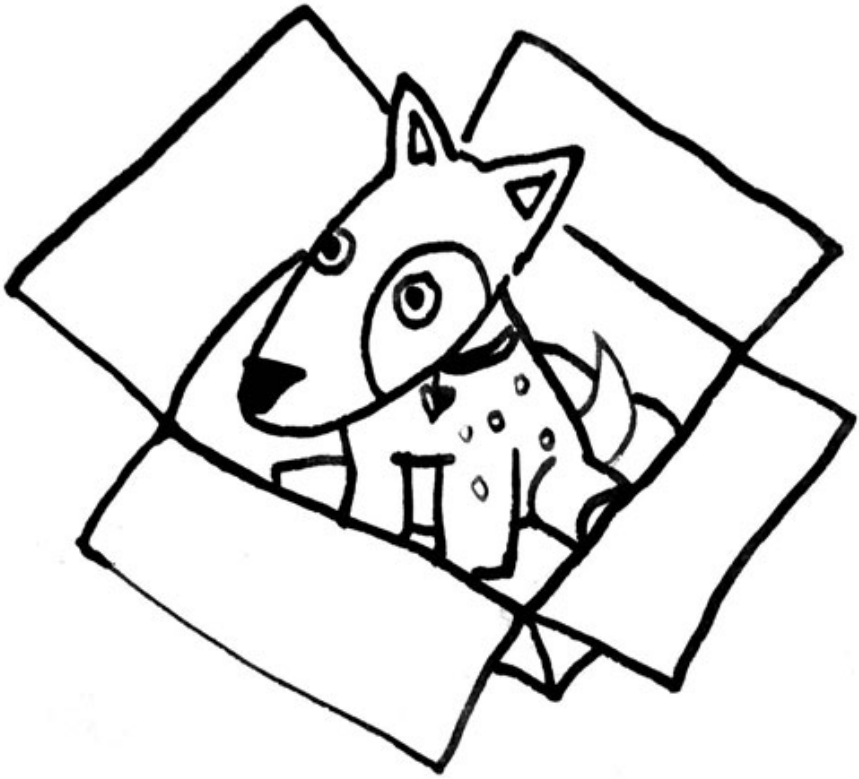
В одном Волшебном городе жила-была девочка Варя. Это была очень веселая и непослушная девочка. Она любила лазить по деревьям и рисовать цветными мелками на асфальте.

А еще Варя была рассеянная и часто теряла свои игрушки. Например, совсем недавно она потеряла плюшевую собачку с треугольными ушами, которую звали Пулька. Просто забыла ее на скамейке у песочницы.

Однажды Варя сильно заболела. Внутри ее поселился злой Микроб и стал щипать ее изнутри. Варе все время было больно и хотелось плакать. Варю положили в больницу. Она лежала в кроватке и ничего не хотела: ни играть, ни рисовать мелками, ни бабушкиных пирожков с малиновым повидлом.

К ней в палату пришел добрый доктор Здоровкин. Он был в ярко-белом халате с цветными пуговицами. Про него говорили, что он творит чудеса и убивает любых Микробов, которые живут в детских животиках и царапают деток изнутри. Доктор протянул Варе пилюли. Они были похожи на пуговицы халата доктора, такие же разноцветные.

– Это не простые пилюли, – сказал доктор Здоровкин. – Их мало просто запить водой. Чтобы они подействовали, нужно выпить их вместе с верой.



– С какой Верой? – озадаченно спросила Варя, перебирая в памяти всех своих подруг. Маша была. Катя была. Ира была. Даже Витя был. А Веры – не было.

– Ну как же! Внутри каждого человека всегда живет вера в лучшее. Где же твоя? – строго спросил доктор Здоровкин.

– Кажется, я ее потеряла, – тихо сказала Варя и горько заплакала. – Наверно, она потерялась вместе с собачкой Пулькой…

– Без веры эти пилюли бесполезны, – печально вздохнул доктор Здоровкин.

– Это значит, мне не победить Микроба и я никогда не смогу выздороветь? – Варя побледнела от страха.

– Я кое-что придумал, – хитро сощурился доктор Здоровкин. – Ты же, кажется, любишь рисовать цветными мелками?

– Любила… Пока не заболела.

– Варя, если ты хочешь найти потерянную Веру, надо постараться! Давай-ка прямо на асфальте перед больницей напишем огромное разноцветное объявление, что разыскивается

Варина Вера. Тот, кто нашел твою Веру, прочтет наше объявление и вернет ее! Зачем ему чужое?

Так они и сделали. Варя попросила бабушку принести ей большую коробку с разноцветными мелками и весь день рисовала объявление. Она так увлеклась, что почти забыла про Микроба и даже съела пирожок с малиновым вареньем. В тот день Варя легла спать уставшая, но довольная.

На следующее утро люди Волшебного города шли на работу и прямо на асфальте видели разноцветное объявление про потерянную Варину Веру. Мол, кто найдет – принесите Варе в больницу. Людям очень хотелось помочь Варе-растеряше, но как?

И тогда люди Волшебного города стали приходить в больницу и передавать Варе свои личные Веры.

– Передайте девочке Варе мою Веру, ей нужнее, – говорили люди доктору Здоровкину.

– Посмотри, сколько Веры подарили тебе незнакомые люди, – сказал доктор и распахнул двери палаты. Весь коридор до потолка был завален Верами.

– И как им было не жалко? – восхитилась девочка чужой добротой.

В этот момент Варя вдруг почувствовала, что она сама снова верит в лучшее! Значит, нашлась ее Вера!

– Где ж ты была, моя Вера? – воскликнула девочка.

– Меня похитил злой Микроб, – сказала Вера внутренним голосом. – Он боится моей силы, знает, что я могу его убить, поэтому он схватил меня и запер в шкаф, в котором хранятся страшные болезни. Злые Микробы часто так делают.

– Я так рада, что ты нашлась, моя Вера, – сказала девочка. – Давай же скорее лечиться!

– Да, нужно спешить, теряем Время.

– Ну что я за растяпа! Веру потеряла, теперь Время! И собачку с треугольными ушами, – расстроенно вздохнула Варя.

А потом Варя выпила разноцветные пилюли против Микроба, запила их водой и сделала все это вместе с Верой в лучшее. Уже через неделю злой Микроб сбежал из Вариного живота! Доктор Здоровкин пришел в палату выписывать Варю.

– Варя, как здорово, что ты выздоровела! – сказал добрый доктор. – Надеюсь, я больше никогда тебя здесь не увижу.

– Так говорить невежливо, – объяснила Варя доктору. – Надо говорить: «Скоро увидимся!»

– Это правило действует везде, кроме больниц, – совершенно серьезно пояснил доктор Здоровкин. – Кстати, я приготовил тебе много больших коробок, чтобы ты упаковала и забрала все чужие Веры, которые тебе принесли незнакомые люди.

– Мне кажется, тем, кто остается здесь, эти чужие Веры даже нужнее, чем мне… – сказала Варя.

– Может, тогда ты раздашь их другим пациентам? По одной?

Варя захлопала в ладошки – так ей понравилась эта идея. Она схватила пригоршню Вер и побежала раздавать их другим деткам в палаты.

А в последней палате лежал мальчик Петенька. Он был очень печальный, потому что Микроб в его животе жил уже давно, и Петя был почти в отчаянии. Микроб давно похитил Петину Веру, и Петя уже и не надеялся выздороветь. Пете не хватило чужих Вер, которые раздавала Варя.

– Я так и знал, – печально вздохнул Петя. Он давно решил, что все невезения в мире приключаются только с ним.

– Знаешь что, возьми мою! – сказала Варя, отдавая Петеньке свою Веру. – Мне не жалко. Когда мне нужна была Вера, люди так же отдавали мне свои… Пришла моя очередь так поступить.

– А как ты будешь жить без Веры? – удивился Петя.

Варя пожала плечами:

– Тебе нужней…

Но когда Варя вышла в коридор, выяснилось, что ее Вера в лучшее стала еще сильнее, несмотря на то что Варя отдала ее другому человеку.

> Оказывается, когда Веру не теряешь, а даришь другому, ее становится еще больше! Чудеса! Вот почему хорошие люди так искренне делились с Варей своей Верой.

Через месяц в квартиру, где жила Варя, позвонили. Почтальон принес ей большую нарядную коробку и попросил расписаться в квитанции. Варя нетерпеливо развязала бант и распечатала коробку. Внутри лежала… плюшевая собачка с треугольными ушами.

– Это же Пулька! – воскликнула Варя.

В коробке вместе с игрушкой лежало запечатанное письмо в конверте. Варе никто не писал настоящих писем, и она, дрожа от нетерпения, вскрыла конверт. Письмо оказалось от Пети, того самого мальчика, которому Варя в больнице отдала свою Веру.

«Эту собачку я нашел на скамейке у песочницы, и с тех пор она стала моей любимой игрушкой. Я долго не мог придумать ей имя. А в больнице придумал. Теперь ее зовут Вера. Я дарю тебе мою Веру, как ты когда-то подарила мне свою. Спасибо тебе. Благодаря твоей Вере я победил Микроба, выздоровел и теперь живу дома по адресу: Волшебный город, улица Яблочная, дом 15. Жду тебя в гости! И постарайся не потерять Веру, ладно? Петя».

Варя прижала к себе Пульку-Веру и весело крикнула на кухню:

– Бабушка-а-а, напеки мне, пожалуйста, пирожков с малиновым вареньем! Я иду в гости-и-и!

С буквой «Ф» у Кати как-то сразу не заладилось. Например, своего игрушечного жирафа она зовет жирабом. А муж за это называет дочку жирабовладелицей.

3 – Звонок

Мне было пять, когда я научилась звонить маме. Для этого я опасливо кралась в прихожую к телефону и набирала цифры, указанные в бабушкиной записной книжке напротив маминого имени: «Нина, Москва, домашний».

Мой указательный пальчик нырял в нужные кружочки цифр и накручивал телефонный диск.

– Алло! Алло! – разрывал нытье гудков мамин встревоженный голос.

Там, в Москве, она слышала короткие трели междугороднего звонка и думала: что-то случилось. Бабушка и дедушка, растившие меня в приморском городе, никогда не звонили просто так. Никогда. Так договорились изначально, потому что любой звонок – это деньги, лишних денег ни у кого нет, поэтому если никто не звонит, значит, все в порядке.

Мама хватала трубку в панике:

– Алло!

– Когда ты меня заберешь? – спрашивала я.

– Все в порядке? – спрашивала мама.

– Когда ты меня заберешь? – спрашивала я.

– Где бабушка? Дедушка? – спрашивала мама.

– Когда ты меня заберешь? – спрашивала я.

– Разве тебе плохо с бабушкой и дедушкой? – спрашивала мама.

Я всегда недоумевала: почему взрослые отвечают не на тот вопрос, который им задают, и чаще всего отвечают вопросами. Ведь на мой вопрос «когда?» ответ должен быть совсем другим. Например «скоро», или «завтра», или «через неделю». Мама так никогда не отвечала.

Меня постоянно наказывали за эти звонки. Ставили в угол.

– Ишь ты, миллионерша, – злилась бабушка на меня и добавляла, обращаясь к дедушке: – Ну сделай что-нибудь!

Дедушка делал что-нибудь, но это было бесполезно. Он прятал от меня записную книжку, но номер я знала наизусть, он выключал телефонный шнур из розетки, но я быстро нашла, как включать его обратно, он поставил телефон на высокую полку для шапок, но я научилась залезать туда, выстроив лестницу из банкетки и табуретки, он однажды просто спрятал от меня телефон. А я пошла и позвонила маме от соседки тети Нади.

– Когда ты меня заберешь? – спросила я у мамы.

А мама вдруг заплакала и сказала:

– Сил моих больше нет… Заберу на неделе… В сад пойдешь

здесь.

Вечером был скандал. Бабушка пила валокордин, дедушка смотрел новости на пределе громкости, я стояла в углу.

– Довела мать! Довела! – кричала бабушка в мою сторону, перекрикивая голос диктора. – Будешь ходить теперь в детский сад, как сирота, вот посмотришь!

Все мои друзья во дворе ходили в детский сад, и никто из них не был сиротой. Я не понимала, почему меня всегда пугали детским садом и призывали радоваться, что я живу с бабушкой и дедушкой и в сад не хожу. В саду много детей и игрушек, никто оттуда не возвращается несчастным.

Через неделю за мной из Москвы прилетела мама. Она выглядела растерянной. Сказала непонятное мне слово – «дожала». Я не поняла, хорошее это слово или плохое, я была в дымке счастья.

Я улетала к маме и папе. Туда, в Москву. Я буду ходить там в детский сад, а вечером мама будет меня забирать и кормить сосиской и зеленым горошком. Я такое видела в кино. А потом мама будет укрывать меня одеялком и рассказывать на ночь сказку.

Мне не нужны ни сосиски, ни сказки, ни горошек, ни одеялки – мне нужна мама, и больше никто.

В ночь перед отлетом у бабушки случилась истерика. Я слышала, как она била на кухне посуду, кричала «Зачееем?» и «Как мы без нее, кааак? Я же ее вынянчила с рождения!», а дедушка и мама ловили бабушкины руки и успокаивали.

– Успокойся! Успокойся! Никто не умер! – кричал дедушка. И это его «Успокойся!» было худшим успокоительным в мире.

– Мы попробуем, мы просто попробуем, может, ей не понравится в саду, – бормотала мама.

Я смотрела в потолок и думала, что, если мне не понравится в саду, об этом никто не узнает. Я хочу жить с мамой. Хочу и буду.

Мы с мамой улетели в Москву в августе 1987 года. В сентябре я пошла в московский детский сад около дома. Мне было почти шесть (в ноябре день рождения), я пошла в подготовительную группу.

Моя первая воспитательница отличалась строгостью, которая превращалась в грубость в отсутствие родителей. В группе было 26 детей, я пришла 27-й, чем вызвала возмущение воспитателя. Мол, и так перебор, а тут пихают и пихают.

Мы, дети, все ее боялись. Утром многие плакали, висли на родителях. Родители силой отдирали от себя детские ладошки. Я

никогда не плакала, даже когда очень хотелось. Я понимала, что на кону – жизнь с мамой и ее поцелуй перед сном.

Каждый вечер мама звонила бабушке и заставляла меня поговорить с ней. По факту я слушала, как бабушка плачет в трубку. Из-за меня. Я слушала, как бабушка всхлипывает в трубку, и смотрела на маму в поисках сочувствия. Но мама качала головой, всем своим видом показывая, что эту кашу заварила я.

> Вместо одеяла меня накрывали ответственностью, вместо сказки рассказывали о том, что нужно ценить родных и близких. Вероятно, подразумевалось, что я – не ценю.

В саду было мучительно. Я не умела играть с другими детьми, умела только заниматься, как с бабушкой. На занятиях я была выскочкой, всегда тянула руку.

– Какое это животное? – спрашивала воспитательница, показывая группе картинку лося.

– Олень?

– Коза?

– Носорог?

Дети не знали, а я знала.

– Лось! – отвечала я.

Воспитательница кивала, но поджимала губы, словно была не рада. Она не могла мне простить, что я 27-я.

На обед был суп. В супе плавал вареный лук. Я ненавижу лук. Бабушка всегда очень вкусно готовила, знала мою нелюбовь к луку. А тут, в саду, всем плевать, что я люблю и не люблю.

Я аккуратно выпивала бульон, сцеживая его в ложку по краям, а жижу оставляла в тарелке. Воспитательница зачерпывала ложку жижи, сверху – лук.

– Открывай рот, – говорила она.

Я тяжело дышала, умоляюще смотрела на нее, качала головой. Только не это.

– Открывай!

– Я наелась.

– Открывай! Я кому сказала?!

Я покорно открывала рот, мне заливали туда ненавистную луковую жижу и задраивали рот слюнявчиком.

– Жуй. Жуй, я сказала!

Я жевала, преодолевая рвотный рефлекс. Проглатывала. Потом меня отчаянно рвало в группе. Воспитательница звонила маме.

– Не надо, не надо маме, – умоляла я. – Я больше так не буду. Не надо дергать ее с работы…

– Надо!

Мама приходила дерганая, забирала меня порывисто, нервно.

– Ты не выглядишь больной, – говорила она мне. И я чувствовала свою вину, что я не больна.

> Мне хотелось рассказать и про лук, и про злую воспитательницу, и про все, но в пять лет слова «несправедливость» еще не было в моем лексиконе. Я не могла сформулировать свои мысли и просто плакала, тихо поскуливая.

– Хватит реветь, – злилась мама.

С собой в сад я брала любимую игрушку – деревянного клоуна. Мне его подарил папа. В группу со своими игрушками было нельзя, приходилось оставлять клоуна в шкафчике. Однажды я взяла его с собой на прогулку.

– Нельзя брать с собой игрушки на улицу! – грозно сказала воспитательница.

– Я не знала, я думала, в группу нельзя, – пролепетала я и попыталась запихнуть клоуна в карман курточки. Но промахнулась – клоун упал в лужу. Я его подняла, снова попыталась спрятать в карман, а он снова выпал.

Воспитательница подняла моего клоуна и… снова бросила в лужу. Я наклонилась, подняла, она выхватила его и снова бросила. Я снова подняла. Она снова выхватила и снова бросила.

Я не поняла этой игры. Мне хотелось плакать. Вокруг стояли дети из нашей группы. Хулиган Петька смеялся, а тихоня Антон плакал. Все дети разные.

Мой клоун лежал в луже. Я не понимала, зачем поднимать его, если его снова бросят.

– Руки-крюки, – сказала мне воспитательница, наклонилась и забрала моего клоуна. Сказала, что пожалуется маме на мое поведение и отдаст игрушку только маме.

– Я не знала, что нельзя, – крикнула я, чуть не плача, в спину воспитательницы. – Я больше так не буду.

Вечером мама отдала мне клоуна и спросила устало:

– Почему я каждый вечер должна выслушивать жалобы на тебя? Неужели так сложно просто слушаться воспитателя?

Я не знала, как ответить. Ответ получался какой-то очень длинный, я не могла его сформулировать.

– Я больше так не буду, – сказала я, привычно растворяясь в чувстве вины.

– Меня уволят с работы. Мне постоянно жалуются на тебя, звонят из сада. Мне приходится отпрашиваться. Меня уволят, Оля, и нам нечего будет есть.

Я молчу. Я совсем не знаю, что говорить. Мне казалось, что жить с мамой – это счастье, но пока это совсем не выглядело счастьем. Даже наоборот. Никаких сказок, горошков, одеялок. Только рвота, злость и клоуны в лужах…

Во время тихого часа в саду полагалось спать или лежать с закрытыми глазами. Я послушно лежала, не спала. Рядом со мной на своей кровати лежал хулиган и задира Петька, который все время подкалывал другого моего соседа – тихоню Антошку.

Антошка спал со специальной пеленкой, у него не получалось контролировать свою физиологию. Это было неизменным поводом для шуток Петьки. Вот и в тот день он довел Антошку до слез: дождавшись, когда воспитатель выйдет, на всю группу громко прошептал: «Антошка – коричневые трусы! Антошка – какашка». Другие дети смеялись. Антошка лежал рядом и горько плакал. И я плакала от обиды за него.

– Хватит! Хватит! – не выдержала я и крикнула в Петьку зло, что есть силы.

Мой голос раздался в полной тишине, отскочил от стен.

– Савельева, встать!

Воспитательница нависла надо мной огромной скалой. Я сползла с кроватки. Она схватила меня за плечо и поволокла на выход. Завела в туалет и поставила в угол.

– Постой и подумай о том, как плохо орать в тихий час на всю группу! А я пойду матери позвоню…

– Не надо, – заплакала я. – Пожалуйста, не надо… Пожалуйста, я больше так не буду, никогда не буду, не звоните маме.

– Я ушла звонить, – сказала она и вышла из туалета.

Я стояла в углу, босиком на холодном полу, в сшитой мне бабушкой клетчатой пижамке и горько плакала.

Мама забрала меня пораньше. Ничего не сказала, смотрела с осуждением. Это было самое страшное – молчаливое осуждение. Отчуждение. В тот день я легла спать рано, потому что настроения играть не было никакого. К полуночи выяснилось, что я вся горю. Вызвали врача. Ангина. Маме пришлось взять больничный по уходу за ребенком.

Спустя неделю, когда я немного поправилась, мама позвала меня обедать. Она приготовила вкусные котлеты и пюре. И даже торт, кажется, купила. Я поела и сказала: «Спасибо!» Как здорово жить с мамой!

И тут вдруг мама стала метаться по кухне, сжимать волосы кулаками. Потом села напротив меня и сказала:

– Ты должна меня понять. Так всем будет лучше. Я взяла билет обратно. Тебе не придется ходить в сад. Ты полетишь к

любимым бабушке и дедушке. А уже потом, когда в школу… Тут осталось-то…

Я не смотрела на маму. Смотрела на клоуна. Он был чумазый, с обломанной ногой, но все равно улыбался. Несломленный клоун.

Через два дня я вернулась к бабушке и дедушке. Мама сказала им, что я совсем не детсадовский ребенок и саботировала походы в сад. Каждый день устраивала скандалы.

– Надо же, какой характер, – удивился дедушка. – А на первый взгляд тихоня.

– Сама не знает, чего хочет, – ворчала бабушка. – Вот посмотрела, что такое сад, хоть будет ценить теперь.

– Ну ничего, в школу ее заберу, а пока годик пусть у вас поживет, – говорила мама.

У нее ночной обратный рейс.

На дворе октябрь. Ветреный, нервный, злой. Как же мама долетит в такую погоду в свою Москву? Мне хочется ее проводить, но я проваливаюсь в сон. Мне снится вареный лук. Я просыпаюсь, и меня тошнит. Бабушка, спотыкаясь спросонья, несет на мой зов тазик, и воды, и компресс.

– А мама улетела? – спрашиваю я, и меня так отчаянно выворачивает, что бабушка в испуге распахивает форточку, хотя обычно боится сквозняков.

А потом, когда меня уже не рвет и из меня идет только вода, бабушка гладит меня по волосам, прижимая к себе, а я плачу какими-то совсем глупыми детскими слезами, которые не могу сформулировать.

– Ну не плачь, ну все, сейчас станет полегче, – говорит бабушка и, кивая на тазик, велит дедушке: – Вынеси.

Они оба дежурят у моей кроватки, гладят, накрывают одеялком, успокаивают. Они меня очень любят. И я их люблю. И маму люблю. Я только лук вареный не люблю. И когда обижают. И я согреваюсь в их руках и говорю им, взволнованным:

– Не бойся, бабушка, я не заболела. Не бойся, дедушка, я больше не буду звонить маме в Москву.

Я больше и не звонила – ведь ничего не случилось. И даже когда мама не забрала меня через год, чтобы я пошла в школу в Москве, я тоже не звонила. Ничего же не случилось. Ничего. Заберет, когда сможет, как-нибудь потом.

Мама звонила сама – узнать, как дела. И я бежала на короткую прерывистую трель междугороднего звонка и хватала трубку. Алло! Алло! У меня все отлично, мам! Я твой маленький несломленный клоун.

И – Истерика

В палате роддома, где я родила сына, было две кнопки: красная и синяя. Синюю нужно было нажимать, если что-то не так с новорожденным: в течение минуты в палату прибежит неонатолог. Красную – если что-то не так с мамой: в палату прибежит гинеколог.

Со мной было все не так: я боялась за своего ребенка. Страх перекрыл все другие чувства. Мне казалось, что он тяжело дышит, опасно вывернул шейку, покрылся подозрительными прыщиками, голоден и вообще расстроен, что ему досталась такая невменяемая мать.

Я поочередно жала кнопочки. Так часто, что соседка из бокса напротив хмуро пошутила: «Это не приставка, выпускай их иногда из рук». Но я понимала, что именно за это и заплатила, когда выбрала рожать платно.

Я очень ответственная. Мне нужно, чтобы все было под контролем, а роды – это новая для меня сфера. Я неопытна и напугана. Я новобранец в этой армии материнства, где все родившие давят своим опытом. Поэтому я должна всему научиться за те три дня, что прописаны в контракте на роды.

Я, пытаясь скрыть нарастание истерики за улыбкой Гуинплена, задавала вопросы специалистам. Все те, что обступили меня и нагоняли ужас. А что с пупочком, а почему нет молока, а как чистить носик, а как дать грудь, а как отнять грудь, а почему он красный, а нормально, что он так часто писается? На выписку? Нет, я не могу, я не готова. Какую выписку? У меня еще 100 миллионов вопросов!

Муж забрал меня из роддома. По пути я цеплялась за косяки дверей и умоляла на пару лет оставить нас с сыном тут, в царстве гинекологов и педиатров.

Муж смеялся и не понимал причин моего ужаса. Он с интересом рассматривал сына и иногда с восторгом уточнял у меня: «Ты понимаешь, что этот настоящий человек, с ручками и ножками, получился из одного моего сперматозоида?»

Дома не было этих двух кнопочек: ни красной, ни синей. В случае паники нужно было звонить в «Скорую». Паника наступала от самого факта отсутствия кнопочек. Со мной случилась истерика: в меня утрамбовались все возможные страхи под завязку. Как жить с этой внутренней истерикой, было непонятно.

Опытные мамы вокруг раздражали своей навязчивой экспертностью и противоречивостью. Например, моя мама, которая целовала сына губами, накрашенными помадой (а вдруг

он отравится?), терлась об его щечки своими – в тональном креме – и советовала мне выучить стихи Маршака, потому что я сама, когда родилась, «засыпала под Маршака».

Я сильно переживала и думала, что засыпала не под Маршака, а вопреки ему. Новорожденным положено спать и иногда есть. Маршака ты читаешь или Пастернака, колыбельную ты поешь или песни Мэрилина Мэнсона – абсолютно неважно.

Мама мужа накрывала сына одеялом, чтобы не замерз. Моя мама убирала одеяло, чтобы закалялся. Одна соседка уверяла, что ребенка не надо пеленать, чтобы он мог изучать мир. Другие мамы уговаривали пеленать дите, а то он расцарапает себе лицо. Многодетные родственницы диктовали список лекарств, которыми нужно лечить моего сына, когда он заболеет. Я уточняла:

– А как сделать так, чтобы не лечить? Ну, чтобы не болел?

– Никак! Так не бывает.

У меня ладони холодели от ужаса. Муж не мог дождаться, когда сын будет держать головку, чтобы можно было его подкидывать «до неба». Выбирал в интернет-магазине радиоуправляемые вертолеты, которые они с сыном «скоро будут запускать».

Педиатр из районной поликлиники, похожая на Игоря Николаева без усов, на мой вопрос, отчего у сына диатез, если я ем только вареную индейку и гречку, ответила уклончиво: «На это может быть много причин». Так вот ты какая, миссис компетентность!

Я в возмущении рассказывала это мужу: хотела взять его в сообщники и вместе дружить против Игоря Николаева. Но муж смеялся и переделывал для меня его песни:

«…Сын весь в диатезе не один,
но у него на это пять причин:
Первая причина – это ты.
А вторая – вкусные манты.
Третья причина – это он,
Весь твой материнский рацион».

На мамских форумах опытные мамаши обменивались фотками жидкого стула своих младенцев и предлагали искать причину всех бед там. Я чувствовала себя как Макмерфи из «Пролетая над гнездом кукушки». Или я одна нормальная в этом дурдоме, или не мучьте и сделайте мне лоботомию.

В тот момент я вдруг поняла главное: не нужно

никого слушать – только себя. Только мое сердце бьется в унисон с сердечком сына, только я знаю, что ему лучше, и я самая лучшая мама на свете для своего сына.

И я расслабилась. Нет, страх никуда не ушел: ушли растерянность и сомнения. Я попросила свою маму умыться перед контактом с внуком. Я запретила кутать моего ребенка. Я сделала себе салат из свежих овощей (запрещено, запрещено! Помидор и перец – красные, огурец – пучит, укроп – меняет вкус молока, сметана – жирная). Я отписалась от форумов. Я купила мужу вертолет и объяснила, что не нужно прикрываться сыном.

Я нашла опытного педиатра, которая сказала мою любимую фразу: «Не новорожденных нужно лечить от болезней, а их мам. И не от болезней, а от страхов!» – и дала мне свой мобильный телефон «на всякий экстренный случай». Этот номер я помнила наизусть. Он стал для меня символом красной и синей кнопочки. Самого факта его наличия в моей жизни мне хватило, чтобы справиться со страхами и никогда по нему не звонить.

Прошло шесть лет. Я осознала это вчера, когда услышала, как сын пел в ванной что-то типа: «Я не вернусь, я не вернусь». Я, смеясь, спросила, куда это он не вернется, а он поднял на меня свои огромные глаза цвета карамели и ответил: «Так в сад же, мам. Это ж песня на выпускной в саду…»

У нас прекрасный детский сад – филиал счастливого детства. Я сама его придирчиво выбирала, потому что только я лучше всех разбираюсь, что лучше для моего сына. Мне было важно, чтобы там были люди, которым я доверяю, как себе.

Этот сад подарил мне самое главное – спокойствие за ребенка и возможность не чувствовать свою вину, находясь вдали от сына весь день. Я уверена: ему хорошо. Я это знаю, чувствую на расстоянии. Ни разу за три года я не забирала ребенка в плохом настроении, потому что он всегда полон восторгов от ежедневных приключений.

Потому что там нет людей, которым все равно, промочил ли он ноги, вспотел ли на прогулке, почему не может заснуть, что его расстроило, почему нет аппетита и какой камушек он нашел в песке.

Именно там наш любимый педагог-логопед почти год боролся за упрямую Дасину «р», которая буксовала во рту и отказывалась выговариваться. Ее выманивали «бутерррбрррродами» и «морррожеными», а совсем недавно выманили!

И ликовали, и обнимались по этому поводу, и даже устроили прррраздник, потому что каждая маленькая победа ребенка – это повод для праздника и большой

закулисный труд тех, кто умеет любить чужих детей, как своих.

Там работают педагоги, влюбленные в детей, и эта концентрированная любовь выражена во всем, даже в мелочах. Однажды я забирала сына раньше и видела, как детям младшей группы на второй завтрак везут фрукты. Они нарезаны удобными солнечными дольками, разложены на красивых блюдцах, посыпаны сахарной пудрой и украшены сердечком из варенья.

И вот скоро нам не нужно будет каждое утро спешить в детский сад. Мы сменим счастливую атмосферу детства на новую – дисциплины и ответственности. Сын еще не понимает, что это значит. Он еще не был взрослым и не представляет, как это.

А я представляю. Поэтому вчера я ушла на кухню по выдуманному поводу и плакала над раковиной с недомытой посудой, чтобы никто из моих мужчин этого не видел.

Со мной случилась почти истерика. Страхи внутри меня ослабили хватку и дали вздохнуть полной грудью. Уже скоро мой сын в настоящем костюме и галстуке с букетом нарядных гладиолусов будет стоять на своей первой настоящей школьной линейке.

Я думаю, на выпускной я пойду ненакрашенная. Потому что буду отчаянно рыдать, переживая прощание сына с детством.

Тебе больше не нужна синяя кнопка, мой взрослый мальчик. А мне не нужна красная. Мне понадобилось шесть лет на то, чтобы оседлать свой страх за ребенка. Нет, это не значит, что я за него больше не боюсь. Это значит, что я научилась жить с этим страхом как с фоном и он не застилает мне все другие чувства.

> В знаменателе материнства всегда живет страх за ребенка, просто теперь у меня есть и числитель. И он вмещает в себя столько счастья, ярких впечатлений и любви, что я его ни на что не променяю.

Нам пора в новую жизнь. Там все будет по-другому, по-взрослому, и другая атмосфера. Мой маленький взрослый сын помашет детству и крикнет звонко, как теперь умеет: «Благодарррю!»

Спасибо за каждую минуту этого детства. Оказывается, человек проживает детство осознанно столько раз, сколько у него детей. Свое детство до шести лет я помню плохо. А детство сына – до мельчайших деталей. Потому что оно тоже – мое.

К – Книга

Когда вышла моя первая книга, возникла необходимость ее презентовать читателям. Издательство сделало огромный баннер с моей фотографией: «Ольга Савельева, писатель». Меня поразило слово «писатель». Кто писатель? Я – писатель? Я думала, что писатель – это Тургенев или Толстой. А оказывается, Савельева теперь тоже писатель!

Очень многие люди вокруг издавали свои книги как визитки. Например, один мой знакомый издал свою биографию, собираясь баллотироваться в депутаты. Другой издал книгу о бизнесе, которым он занимался. Наконец, одна знакомая медиаперсона, монетизируя свою медийность, издала фолиант, как хорошо выглядеть. С учетом, что ей на момент издания не было и 30, было непонятно, почему она вообще может выглядеть плохо.

> Многие из вышеперечисленных даже не сами писали книги, а нанимали для этого литературных негров. И вот я думаю: они тоже писатели?

Изданная книга, в которой твоя фамилия на обложке, автоматически делает тебя писателем?

Один мой знакомый любит рассуждать про относительность. Однажды мы сидели с ним в ресторане, и он сказал: «Вот ножик. Видишь? Я им масло мажу на хлеб. А можно тем же ножиком совершить убийство! Все относительно…»

Я долго стеснялась считать себя писателем. Какой я писатель? Я скорее изданный блогер. Но потом я стала получать ежедневные благодарности за свои книги. Люди читали и говорили: «Еще! Хочу еще!»

Я выпустила вторую книгу. Как я – издательство. Я ее написала, а издательство, назначившее меня писателем, выпустило в свет. Она повторила успех первой. Теперь читатели мне говорили спасибо за две книги.

Я села за третью. Муж смеялся: «Джинна выпустили из бутылки». Сын говорил: «Горшочек, не вари!» А я не могла остановиться.

Однажды мой сын пришел из школы и сел за уроки. Бухтел, учил что-то. Слышу – бормочет про лучезарны вечера, бодрый серп.

– Мам, а что такое праздная борозда?

– Что?

– Праздная борозда…

– Это когда на почве осталась борозда, и она…

– Праздная?

– Точно.

– Лишь паутины тонкий волос блестит на праздной борозде… – вздыхая, повторяет сын. Он выглядит несчастным. Он просто зубрит, ему не нравится стихотворение и непонятен смысл.

Это Тютчев. Он прекрасный поэт. Но он жил давно. Любовался природой. Тонким волосом паутины. А мой сын живет сегодня, в XXI веке, в спальном районе столицы на пятнадцатом этаже. Он очень далек от тонкого волоса паутин и праздных борозд.

Ну вот как привить ребенку любовь к школе, если он во втором классе вынужден карабкаться сквозь отдыхающие поля, падающие колосья, хрустальные просторы на праздную борозду, где блестит паутина?

Мне кажется, не существует ребенка, который бы выбрал томик Тютчева вместо YouTube. Тютчева дети читают принудительно, через сопротивление и внутренний протест. Как рыбий жир, который нас заставляли принимать в детстве, наливая неприятную, но полезную жидкость в столовую ложку.

– Мам, я устал учиться, я отдохну, ладно? – спросил сын.

– Конечно.

Спустя десять минут я зашла в комнату и обнаружила, что сын читает… мою книгу.

– Ты же хотел отдохнуть, – напомнила я.

– Ну так я и отдыхаю, – пожал плечами он. – Мне стыдно перед одноклассниками. Почти весь класс тебя уже прочитал, а я – родной сын! – нет.

– Ну и как тебе? – уточнила я.

– Я не очень люблю читать, ты знаешь. Но из всего, что я когда-либо читал, это самая интересная книга в моей жизни.

Мне давно не было так приятно. Да что там – я была счастлива. Детей не обманешь – дети еще не умеют врать самим себе. Они, когда могут сами выбирать, едят то, что вкусно. Надевают то, что удобно. Читают то, что интересно.

Потом вышла моя третья книга. Она повторила успех первых двух.

Несмотря на присущий мне синдром самозванца, обесценивающий любой мой результат, я стала допускать мысль, что мой успех не случаен. Слово «писатель», произнесенное в мой адрес, больше не царапало меня своей незаслуженностью.

Я стала думать о себе именно в этом ключе. Это моя новая сфера, и я в ней успешно развиваюсь. Я придумала себе новую

мечту и написала об этом в блог: хочу, чтобы мои произведения вошли в школьную программу и чтобы в учебнике литературы был опубликован мой рассказ с фотографией, где я красиво смотрю вдаль, и глаза такие загадочные, с поволокой, и прическа такая солидная. А двоечник и хулиган Васечка пусть бы пририсовал мне усы во все лицо. Вот была бы умора!

Я часто говорила об этой мечте, и она больше не казалась мне несбыточной. А потом к этому посту в блоге оставила публичный комментарий одна читательница. Не дословно, но она написала следующее:

«Ольга, я учитель русского языка и литературы с большим стажем и с удовольствием читаю Ваши посты. Не обижайтесь, но блогер все-таки не писатель. Вы в силу своего темперамента и потенциала стремитесь занять много позиций в этой жизни и объять необъятное. Не стоит.

Чтобы быть писателем, необходимо глубоко изучить основы писательского труда. Писательство – это занятие, требующее профессиональной подготовки, которой у вас нет, и всем это очевидно».

Я часто слышу критику в свой адрес и привыкла думать о ней в конструктивном ключе. А тут мысли этого учителя совпали с моими страхами, подсветили мою неуверенность в себе, усилили мои сомнения. Они были как ушат холодной воды.

> А ведь правда! Я не училась на писателя, просто книжки клепаю, какой же я писатель? Не писатель, а самозванец. Сейчас как вбежит литературная полиция, отдел имени Булгакова, да как приложит меня об пол с моим самомнением.

Я стала мысленно оправдываться перед той учительницей и вдруг поймала себя на чем-то очень созвучном, просто дежавю. А! Точно! Я как раз примерно то же самое продумывала в процессе написания книги про материнство.

Если ты родила ребенка, ты мать? А если ты родила и отдала? Тоже мать? Как понять, какая ты мать? Настоящая или так, самозванка? Какие внятные результаты, кроме детей, можно записать в копилку экспертности? После какой книги и с какими тиражами человек может называть себя писателем? После скольких детей и с какими их результатами человек может называть себя хорошим родителем? Может, это какое-то внутреннее чувство? Вроде призвания.

Призвание – это то, что ты готов делать бесплатно, что ты делаешь, когда тебе плохо, чтобы стало хорошо. За что тебе чаще всего говорят спасибо. Мне каждый день говорят спасибо мои

читатели. Это люди, которые купили мои книги и не пожалели об этом.

Они видели, что я не Тургенев и не Тютчев, но в этот момент жизни им нужна была именно я, они прочли, прониклись и захотели еще.

Мне часто говорят спасибо мои дети. За кашу. За шарф. За игрушки. За то, что я рядом, играю с ними в догонялки. Я чувствую, что материнство – мое призвание. И творчество – тоже. Я написала ответ той учительнице.

«Спасибо за мнение, Елена. Оно вполне созвучно моим мыслям. Вы считаете, что я много на себя взяла. В принципе вы пришли подрезать мне крылья. Каждый сверчок знай свой шесток. Блогер не может считаться писателем.

Вы во многом правы, но времена меняются. Вам кажется, что люди, жившие в эпоху Толстого, плавно перекочевали в современность. И вы как бы защищаете их от моего недотворчества.

С вашей позиции учителя это очень недальновидно. Вы же не могли не заметить, как изменились дети. Им не все понятно и интересно на уроках, потому что их вынужденно пичкают непонятной их возрасту классикой, и они читают без удовольствия. И это, к сожалению, факт, с которым придется считаться.

Детям жить предстоит во времена, в которых живет не Тютчев, а Савельева. И им, пытливым умам, нужны ответы на современные вопросы.

> Сейчас нет дворян, нет цирюлен. Сейчас есть манагеры и барбершопы.

Мы с Тютчевым и Толстым – не конкуренты, у нас разные целевые аудитории. Ваши нынешние ученики – моя целевая аудитория. Поэтому учителям нужно не игнорировать блогеров, а дружить с нами и читать нас. Мы же для вас как мостик к современным детям.

Вы не хотели меня обидеть. И я не хочу обидеть вас, но все же напишу. Рада, что я не ваша ученица. Потому что для меня учитель – это человек, который учит новому и поддерживает в любом начинании, даже если ему очевидно, что человек ошибается.

Никому нельзя обрубать крылья. Человек должен пробовать все, что ему кажется правильным. Я вот не люблю печь. Если я вдруг заделаюсь кондитером, никто не купит мои торты, и я быстро уйду из этой сферы. А за мои книги люди голосуют, их покупают, читают, за них благодарят.

Сейчас за читателя нужно бороться. Аудитория искушенная. Она пресыщена информацией, причем бесплатной, доступной: на, бери, читай.

И вот эта аудитория – ваши ученики. Бесполезно заставлять их делать то, что им неинтересно. Они не виноваты. Но и учителя не виноваты, что больше не так авторитетны для учеников. Раньше учитель был человек – кладезь знаний. А теперь в кармане у каждого ребенка смартфон, и этот смартфон знает многократно больше, чем учитель.

Новые времена требуют новых классиков. Я не претендую, я констатирую. И это абсолютно нормально.

Поэтому я уверена, что скоро мы встретимся на страницах ваших учебников. Во всяком случае, я об этом мечтаю».

Писатель – это тот, кого читают. Ты писатель не тогда, когда считаешь себя писателем, а когда писателем считают тебя другие.

Ты хорошая мама не потому, что считаешь себя хорошей мамой, а потому что так считают твои дети.

Аллилуйя.

Кстати, именно поэтому вы держите в руках эту книгу.

Моего сына зовут Данила, а мужа Михаил. Увидев надпись на магазине «Меха», сын сказал, что можно дописать «лович» – и получится его отчество. Это все, что нужно знать о грамотности моего сына.

Л – Любовь

Я просидела дома безвылазно месяц. У меня болели дети, потом я, потом муж, потом неделю мы остаточно кашляли и шмыгали всей семьей, в общем, ужас.

Мне очень хотелось развеяться: прогуляться до ближайшего кафе и выпить кофе с подругой, с которой можно болтать о чем угодно, кроме вирусов, соплей и парацетамола.

Лена в этом аспекте идеальный собеседник. Во-первых, она чайлдфри. Это значит, что она осознанно выбрала не иметь детей. Есть женщины, в которых материнский инстинкт не включился, они нашли в себе силы это признать и не ломать настройки организма: нет так нет. Во-вторых, Лена переживала болезненный развод и давно умоляла о встрече: она говорит, что разговоры со мной для нее целебны и я действую на нее эффективнее психологов, которые за деньги.

Мы сидели с Леной в кафе у большого панорамного окна. Около меня стояла огромная пузатая чашка капучино, и я пила его, смакуя пенку.

– Ты выглядишь такой счастливой, – завистливо сказала Лена, глядя на меня. – Умиротворенной.

– Лен, да я одичала дома за этот месяц, чуть с ума не сошла. Иду по улице, и улыбка до ушей просто от того, что в зоне видимости нет микстур, таблеток, лимонов… Ну давай, рассказывай.

Лена рассказывает свою историю: очередные отношения, долгие, восемь лет, сошли на нет, перспектив спасти и оживить этот брак нет, нужно просто как-то прожить эту боль.

– Вот скажи, почему я всегда влюбляюсь в подлецов? Вот всегда! С хорошими, правильными, идеальными мне скучно.

– Лен, любят вообще не за черты характера. Это ж химия. Магия…

– Можно, я тебе неприятное скажу? – вдруг спрашивает Лена.

– Валяй.

– Вот я смотрю на тебя – у тебя волосы секутся, брови не выщипаны, не накрашена…

– Ты ж знаешь, я не умею краситься.

– Знаю, но я о другом. Ты сидишь передо мной неухоженная, нехоленая, свитер этот в катышках…

– Разве? – я с удивлением рассматриваю свой свитер. Да, точно, есть катышки…

– И вот я, – продолжает Лена. – В салоне красоты провожу полдня, вся такая бьюти-бьюти, у меня вечно масочки и

обертывания, спа и прочее. Я в принципе холеная.

– У меня сейчас нет на это времени, дети же, – поясняю я, совершенно не обидевшись. Нужно Лену знать, она это не со зла.

– Так я к этому и клоню. Сижу тут перед тобой, фифа, и чувствую себя несчастной.

– Ну дорогая, никто не переживает развод как праздник!

– А ты вот сидишь в своих катышках и светишься счастьем. Настолько, что я завидую твоим катышкам. Оль, я все время думаю, что упускаю что-то. Вот сейчас я в районе 40 на обломках очередного брака, и у меня ничего. Работа, салоны, фитнес. Ничего существенного. Я даже не уверена, что любила. Я сейчас своего бывшего так ненавижу, что не знаю, была ли эта любовь. Как понять? И вот я смотрю на тебя и думаю…

Вдруг нужно родить, Оль? Чтобы не прожить эту жизнь незамеченной. Оставить след. Сейчас я бы спешила забирать дочку из школы. Наверное, это классное чувство, когда у тебя есть ребенок, который ждет тебя в школе? Вот ты пишешь, умеешь красиво говорить. Ну убеди меня, найди слова, отрекламируй мне материнство так, чтобы я захотела. Я переживаю.

– Слушай, Лен, я не хочу адвокатировать материнство. Мне кажется, это глупо. Я могу просто рассказать тебе, как поняла, что хочу ребенка.

Однажды – мы с Мишей встречались тогда около года – у

меня случилась задержка. Я ужасно испугалась: мы нищие студенты, вокруг сплошная неопределенность, мама меня убьет, если что. А месячных все нет. Два дня, три, неделю. Мы с Мишей вдобавок поссорились из-за какой-то ерунды, он про задержку и не знал, я гордая, первая не пойду мириться. И он характер показывает, не звонит несколько дней.

Наконец он не выдерживает, набирает меня, мы болтаем, и мой страх прорывается слезами. Я рыдаю в трубку, что у меня задержка и если я беременна, то моя жизнь рухнула.

А он вдруг такой счастливый:

– Оля, да это же прекрасно, сын или дочка! Я женюсь на тебе, и у нас будет ребенок! Это же счастье, что ты ноешь-то?

И он говорит так вдохновенно, так уверенно, столько ликующего счастья в его голосе, что я заражаюсь этим счастьем и перестаю плакать. И думаю о том, что мы взрослые, руки-ноги есть, и правда, что это я разрыдалась… И мы уже вдвоем осторожно радуемся возможности в ближайшее время стать родителями, мечтаем об этом.

А на следующий день пришли месячные – просто был гормональный сбой. И я вдруг расплакалась. Поняла, как сильно хочу ребенка от Миши. То есть если ты хочешь ребенка, то это вполне осознанное, оформленное в конкретику чувство. Тут либо есть, либо нет.

– Я вот не уверена. Не знаю.

– Лен, ты все делаешь правильно. Если ты рожаешь, потому что нужно, потому что возраст, потому что мама хочет внуков, это ты рожаешь под давлением обстоятельств. Здорово, что тебе хватает сил преодолеть это давление. И рожать тогда, когда поймешь: я хочу ребенка!

– Оль, вот ты талант. Скажи, ты когда-нибудь думала, насколько успешней ты могла бы быть, насколько больше книг написать, если бы не отвлекалась на детей? То есть если бы посвятила себя самореализации.

Я улыбаюсь.

– Это очень простой вопрос. Материнство меня во многом сформировало в слышащего, думающего, рефлексирующего человека. Оно открыло мне меня и мой талант. Пока я была беременна, прочла все книги о материнстве. Все журналы. Все блоги. Все, что было, прочла. А когда родила, поняла, что я самый неподготовленный в мире человек. К материнству нельзя подготовиться, невозможно. Какая ты мать, ты узнаешь, когда станешь ей. Как бы я ни уставала, как бы ни стрессовала, сколько бы возможностей реализоваться в творчестве ни упустила из-за детей, я никогда ни минуты не жалела об этом. Потому что

материнство – самая классная реализация для меня.

> И вот ты просишь отрекламировать материнство. Знаешь, у меня в жизни были успехи. Я издавала книги, вела мероприятия. Я много раз была очень счастлива в самореализации. Но никогда я не была так счастлива, как когда у моих детей спала температура. Это какой-то другой уровень эмоций, другой мир, другой космос.

Если тебе не хочется заглянуть в него – не нужно. Но если хочется, знай: он отнимает огромное количество сил, прорву энергии, но взамен дает такое дистиллированное, необъяснимое высокоуровневое счастье, которое, испытав однажды, уже не захочется терять.

– То есть что-то очень клевое существует совсем рядом, но оно недоступно мне…

– Нет, не так. Я тебе признаюсь. Когда ты становишься мамой, начинаешь на тех, кто не рожал, смотреть немного свысока. Это не специально – просто ты теперь знаешь то, чего не знают они. И даже если очень хочешь объяснить, то не можешь. Нет тех слов. Есть только чувства. А как объяснить чувства? Слова такие недостаточные, не емкие, одни и те же… Кайф. Блаженство. Счастье.

И еще… С первыми родами я очень боялась пропустить схватки. Я же не знаю, как они происходят, эти схватки, как их почувствовать, вдруг пропущу. Хотела заранее поехать в роддом, ведь там точно знают, помогут, подскажут. А опытные мамы смеялись и говорили мне про схватки: их ни с чем не спутаешь… Потом я родила. И прожила схватки.

Со вторыми родами я уже не боялась их пропустить. Я точно знала: их ни с чем не спутаешь.

Вот люди часто не знают, что такое любовь. Путают ее с влюбленностью, страстью, созависимостью. Много с чем. Вот ты мне сейчас говоришь, мол, Оль, я вообще любила? Как это понять?

Я тебе скажу одно: если родишь ребенка, любовь больше ни с чем не спутаешь.

У меня есть лишний вес. Я, конечно, не виновата, это все конституция. Первый закон моей конституции гласит: «Ну-ка, что там у нас в холодильнике?»

Я хочу идеальную фигуру, но и заточить котлету вечерком я тоже хочу. Муж говорит, что в нашей семье я первая скрипка. Ну как скрипка – виолончель…

Вчера вернулась с пробежки, вхожу в прихожую, запыхавшись.

– Куда бегала? – спрашивает муж.

– Бегала за хорошей фигурой и от лишнего веса, – кокетничаю.

– Ааа, – муж оценивает мою фигуру. – Ну пока, мать, он бегает быстрее…

Сегодня собираемся всей семьей в бассейн. Муж с сыном смотрят Карлсона. Муж по традиции придирается к мультикам, ворчит:

– Вот что это такое? Малыш в ожидании Карлсона сидит на подоконнике. Один! Куда смотрят родители?

Я в купальнике – мы же в бассейн собираемся – вхожу в комнату и встаю перед теликом, собираясь вступить в дискуссию. Тут муж говорит сыну:

– Ой, смотри, Дась, тут вместо Карлсона эротический канал включили.

И, критично осмотрев мою фигуру, добавляет:

– Правда, кабельный…

М – Математика

Мы с сыном ехали вдвоем в машине, слушали радио, и он заскучал. Он у меня уверенный технарь, не гуманитарий, и в целом вполне самостоятельный парень, чтобы придумать, как себя развлечь. Он выучил стихотворение, поиграл в планшет, потом мы вместе считали наперегонки машины, у которых в номере были определенные цифры.

– Мам, я вот таблицу умножения знаю, но давно не повторял, – вдруг говорит сын. – Давай ты меня по ней погоняешь.

– Ну давай, – согласилась я.

Первые два-три примера задала простые, типа семью четыре и пятью восемь, а потом говорю:

– Дась, а умножь 12 на 11?

Сын опешил, возмущается:

– Нет, мам, так не пойдет, так слишком сложно! Этого в таблице нет.

– Конечно, нет, но ты считай, что это вопрос под звездочкой. Факультатив!

– Мне только что восемь лет исполнилось, я такое не должен знать.

– Дась, послушай, что ты говоришь. Ты понимаешь, что вот такие фразы – это фразы-шлагбаумы? Ими ты сам перекрываешь себе путь к успеху?

– А путь к успеху – это когда ты знаешь то, чего не задавали?

– Путь к успеху – это когда ты не сопротивляешься новым знаниям, не возмущаешься, когда тебе задают пример чуть сложнее, чем ты ожидаешь, а пытаешься его решить. Когда ты знаешь то, чего не должен. На самом деле это совсем несложный пример, но ты сразу возмутился, закрыл шлагбаумы и даже не попытался подумать. Пример-то больше на сообразительность.

– Просто это почти высшая математика, не для второклассников.

– Это математика для тех, кто дружит с цифрами и не боится их, – смеюсь я. – Например, сколько будет 12 на 10, ты же знаешь?

– Знаю. Надо ноль просто к 12 дописать.

– Ну. Так почему 12 на 11 вызвало в тебе такое возмущение? Если это все равно что 12 на 10 плюс 12? Потому что тут думать нужно, а не зубрить?

Дася обиделся, сопит.

– 132? – спросил, подумав, сын.

– Ой, как же тебе удалось решить такой взрослый пример, мой маленький второклассник? – ернически спрашиваю я.

Сын засмущался, смотрит в окно, но видно, что доволен. Через минуту говорит:

– Давай еще.

– Сложный пример давать или простой, из таблицы умножения? – хитро спрашиваю я.

Сын молчит, видно, что ему сложно выбрать сложное. Но любопытно.

– Давай сложный.

– 9 на 13.

Пыхтит, думает.

– 127?

– Еще подумай… Перемудрил.

– 117?

– Дась, ты молодец.

– Мне сложно.

– Так и должно быть. Сложно – это же прекрасно. Сложно – это значит, ты приложил усилия, чтобы получить результат. Если для таблицы умножения нужно было просто вспомнить, то для того, чтобы найти эти ответы, ты думал. Понимаешь, в чем фишка?

Вот представь, что ты выучил алфавит. Ты и все твои одноклассники выучили алфавит и научились читать.

Ма-ма-мы-ла-ра-му. В букваре же так написано, и все умеют читать только эту фразу. И будто забывают, что алфавит – это неисчерпаемый ресурс, и он неограничен. Можно читать все, что угодно. И тот, кто не ограничился букварем и читает другие книги, уже на шаг впереди остальных. Он знает чуть больше. С цифрами то же самое. Кто-то решает только примеры из учебника, а кто-то уже все вокруг пересчитал. Знаешь, я на всю жизнь запомнила свою первую пятерку…

– Расскажи!

– Первая пятерка появилась в моей тетради за мини-диктант во втором классе. Нам продиктовали пять предложений, мы записали их в тетрадь. Среди других слов там было слово «ночь», и весь класс написал его из трех букв, без мягкого знака. А я написала с мягким – ночь. И знаешь, мне поставили пятерку. Не другим – двойки, а мне – пятерку. За то, что я знала это правило, хотя и не должна была. А знаешь, откуда я знала?

– Откуда?

– Я читать научилась в четыре года, и мне скучно было читать «мама мыла раму». И я читала другие книги. Конечно, мне повезло, что у бабушки с дедушкой, где я жила, была отличная

библиотека, там было много книг с картинками. Мне было интересно смотреть картинки и прочитывать к ним текст. А дальше сработала зрительная память.

– Это что?

– Это когда ты запоминаешь то, что видел глазами, хотя специально не учил. И я, видимо, с четырех лет много-много раз прочитала слово «ночь» и запомнила, как оно пишется. Потом на диктанте написала правильно. А другие дети не читали других книг, читали букварь, и там мама-мыла-раму, а про «ночь» нет. И они не знали, как писать правильно. Понимаешь, о чем я?

– Ну, догоняю, да.

– Вот ты сейчас легко напишешь слово «супермаркет», даже если ни разу не встречал его в учебнике. Потому что ты каждый день видишь это слово, когда мы с тобой ходим в магазин.

– Зрительная память?

– Она самая. Ты, к сожалению, наверняка знаешь, как пишутся всякие плохие слова, потому что читаешь их на заборах и на лифтах. То есть ты как бы развиваешься, конечно, каждый день, но сам того не подозреваешь. Я предлагаю тебе всегда читать чуть больше, чем задали, решать примеры чуть сложнее, чем положено по программе. Класса с пятого вам кроме обычных примеров будут всегда давать примеры под звездочкой, посложнее. Я очень тебе советую пробовать их решать. Но ты должен понимать зачем.

– Чтобы получить дополнительную пятерку?

– Чтобы получить жизненную пятерку, Дась. После школы будут другие оценки и другие примеры на сообразительность.

> Жизнь – это один сплошной факультатив. Почему так сложно быть взрослым? Потому что нет букваря с правильно написанными текстами и потому что любые жизненные задачки – они всегда под звездочкой, и в конце нет листика с правильными ответами, чтобы проверить себя.

Понимаешь? А если ты сейчас, в детстве, научишься этим премудростям, подготовишь себя, не дашь мозгу ржаветь, то тебе там, в будущем, будет проще.

– Я понял, мам. Знаешь, что я сделаю?

– Что?

– Нам вот басню задали, на двух листах. И сказали, что нужно выучить либо начало, либо конец. А я все два листа выучу. Просто так… чтобы память потренировать.

– Сын, когда я в последний раз говорила, как горжусь тобой?

– Утром, когда я помогал тебе лобовое стекло мыть.

– Ну вот еще раз зафиксируй. Я горжусь.

– Мам, а расскажи о твоей последней жизненной задачке под звездочкой?

– Ну вот, кстати, сегодня. Мы с тобой были на рынке и покупали фрукты и овощи. Мне взвесили красивые бакинские помидоры, и хурму, и огурцы. И я видела, что продавец меня обманул. Хорошо так обманул, рублей на 200–300. Он считал на калькуляторе, а я в уме. И вот он говорит мне сумму. И я понимаю, что мой ход: я могу поругаться, попросить перевесить, пристыдить его, обманщика, испортить настроение себе на весь день, а могу промолчать, заплатить и уйти.

– И что ты сделала?

– Ты же рядом был. Ты слышал скандал?

– Нет.

– Потому что его не было. За 300 рублей я фактически купила себе спокойствие и возможность не портить нервы.

– А в чем тут звездочка? Сложность?

– В том, что я понятия не имею, правильно ли я поступила или нет. С одной стороны, мне так комфортнее, с другой стороны, вор будет воровать и дальше. Все взрослые задачки такие – многовариантные. Когда не бывает однозначно правильных и неправильных ответов, а выбор нужно делать постоянно.

Сын задумался, посмотрел в окно. Наверное, принялся решать свои задачки под звездочкой.

– Мам, ты должна кое-что знать, – вдруг сказал он.

– Да?

– Две новости. Первая – у меня отличная зрительная память. Вторая – в нашем лифте плохие слова написаны с ошибками.

Дася забежал в придорожный магазин купить мороженое. В руках – 100 рублей. Спустя минуту выходит расстроенный и без мороженого. В руках – 100 рублей.

– Дась, что случилось? – спрашиваю.

– У них тут касса сломалась, не принимают деньги. Только безразличный расчет…

Н – Няня

Два года назад я отчаянно искала няню для дочки. Ей был год с копейками, она уверенно ходила, активно восстанавливалась после операции по возвращению слуха, была абсолютно обычным ребенком, который нуждается в речевой среде (это значит, что с ней нужно постоянно разговаривать).

Няня нужна была «внезапная»: не на постоянной основе, а только если срочно возникнет необходимость оставить дочку. Наши дедушка и бабушка живут далеко, к тому же я хотела именно няню.

Ей я плачу, а значит, могу диктовать условия: во что одеть, чем кормить, как занять и когда гулять. Няня будет делать то, что я скажу, а не то, что ей кажется правильным.

Бабушка и дедушка – это чистая родная любовь, упакованная в безостановочные умиления, балования и потакания. Я думаю, что буду относиться к внукам строже, но это с моей колокольни мамы так кажется: я понятия не имею, какой я стану бабушкой, может, совсем сумасшедшей: буду без остановок улюлюкать, кормить и кутать внучков.

> Любые бабушки и дедушки обычно ослеплены любовью к внучатам, их задача – спасти, уберечь и залюбить. Например открыть форточку – это значит впустить сквозняк, сквозняк может наброситься на зазевавшегося внучка, у которого на кофточке – о ужас! – расстегнулась верхняя пуговка, и заставить его кашлять. Поэтому – ни за что.

Бабушка застегнет на внуке шерстяную кофточку (холодно же, июнь!), и ему в неохотно распахнутый ротик полетит восьмой самолетик с овсянкой на сливках.

С няней не так. Няне даешь техзадание – и в конце дня можно спросить о выполнении. Няня живет в шаговой доступности, и если вдруг что-то срочное – то в течение получаса можно закинуть ей ребенка. И главное требование к няне – она должна любить детей. Любовь к детям для меня важнее педагогического таланта.

Однажды, когда мой сын был маленький, мы искали для него частный детский сад. Я пересмотрела шесть вариантов и устала: все садики у меня в голове смешались, превратились в одну большую игровую. Оставалось оценить последний. Мы с мужем вошли в прихожую этого сада, и нас встретила заведующая.

Рядом была раздевалка, где родители забирали детей. Один малыш лет четырех выбежал в прихожую и обнял заведующую. Она продолжала рассказывать нам про сад и гладила мальчика по голове. Вдруг ее лицо стало озабоченным. Она потрогала его лоб, и он показался ей горячим. Вдруг она наклонилась и поцеловала его в лоб. Обычно так мамы – губами – проверяют температуру. Я еще ничего не знала про этот садик, но повернулась к мужу и сказала: «Сына отдаем сюда!»

А теперь я искала няню для дочки. Знакомая Лида как-то рассказывала о своих вышедших на пенсию родителях. Они вполне бодры и активны, пенсия тяготит их невостребованностью. Лида купила им дачу, но огородничество их не прельстило, родители рвались в город, предпочитая урбанизм парникам с помидорами.

Они насели на дочь, мол, рожай нам скорее внуков, а то живем как неприкаянные. В семье зрел конфликт.

– Я совершенно не готова к материнству, 100 раз им говорила, но они слышат только себя, – ворчливо рассказывала Лида.

Я была так вдохновлена идеей, которая пришла мне в голову, что не заметила этой последней фразы. Я спросила у Лиды адрес ее родителей и вбила его в навигатор: 12 минут на машине от дома до дома! Слишком идеально, чтобы быть правдой.

– Они не хотят поработать «внезапными» нянями? – спросила я Лиду, рассказав про дочку. – Абсолютный симбиоз. И подработать к пенсии, и вдвоем не так тяжело, и живем рядом, и детей они любят и хотят, судя по твоим рассказам, и от тебя отстанут.

– О! – сказала Лида. – Бинго! Сейчас позвоню.

В ближайшую субботу мы с дочкой поехали знакомиться с «внезапными» бабушкой и дедушкой. Я нарядила дочку в смешной комбезик, чтобы она гарантированно понравилась нянечкам.

Лида подготовила родителей: рассказала про Катюшу и про то, что для них это и заработок, и репетиция будущих собственных внуков. Те, по ее словам, очень вдохновились.

– Какая красивая девочка! – проорал в лицо моей дочери будущий няня-дедушка вместо «здравствуйте».

– Добрый день, она хорошо слышит, – смутилась я.

– Добрый. Мы почитали литературу, и там сказано, что нужно очень громко разговаривать со слабослышащими, – пояснила бабушка.

– Она хорошо слышит, обычно. С ней не нужно громко или медленно, с ней обычно нужно.

– Ничего, нам несложно, – сказала «новая» бабушка и закричала в мою дочку: – Да, Катя? Меня зовут бабушка Оля! Дети зовут меня Баболя! А дедушку Даню – Деданя!

– В этом совершенно нет необходимости, – твердо сказала я. – Ей нужна речевая среда, но обычная, разговорная, без гротескных криков, нужно обычно говорить.

– Нам не сложно!

Я поняла, что имела в виду Лида, когда сказала, что «родители ее не слышат». Ну пусть орут, если нравится. Катя потерпит.

Тем временем Катя забежала в комнату. В ней бурлила жизнь, и детство переливалось через край. Катя схватила первое, что увидела, – настольные часы.

– Ох! – в один голос охнули Баболя и Деданя. – Нельзя! Нельзя!

Катя потянулась к статуэтке с балериной.

– Нельзя!

Книги? Нельзя, порвешь. Шторы? Нельзя, там же цветы, свалишь еще. Сервант? Нельзя, там же посуда. И это нельзя, и это, и это…

Через минуту стало понятно, что ничего нельзя, ибо все в этой квартире – ценность и раритет. «Как в музее», – подумала я, но вслух сделала комплимент интерьеру.

– Она любит читать детские книги? – спросил Деданя. – У нас есть детские, Гайдар, Денискины рассказы…

– Ей год. Она усидчива ровно на свой возраст. Минуты две на чтение – и начнет рвать страницы. Я привезла ее игрушки, но тут новая обстановка, и ей, конечно, интересно все вокруг больше, чем привычные игрушки.

– А давайте включим ей мультик? – предложила Баболя. – Она будет смотреть и ничего не разобьет.

Вот этого я и боялась.

> Мультик включить может каждый, это самое простое. А вот читать потешки, повторять одно и то же по 100 раз – смотри, Катя, утка, утка говорит кря-кря, – увлечь ребенка развлекающей игрой – вот то, за что я хочу платить. За развивающую среду, коммуникацию, за эмоции.

А не за то, что вы ее изолируете мультиком, накормите до отвала и уложите спать неповоротливую гусеничку.

– Вообще-то мультик она смотрит перед сном 15 минут. И этого достаточно. Все остальное время ее нужно занимать.

– Тогда пойдемте покушаем. Я сварила вкусный суп.

Пожрать – то еще развлечение, но, как говорил Винни, раз больше ничего не осталось…

Мы пошли в кухню, Баболя включила конфорки, поставила греться кастрюлю, чайник и что-то на сковороде. В квартире и так была страшная духота. А от конфорок – вообще нечем дышать, они выжигали кислород. Я решила забросить пробный шар.

– Если все форточки заколочены из-за Кати, то не стоит. Она у меня дитя сквозняков, даже зимой у нас все нараспашку.

– Нет, мы сами теплолюбивые. И деткам тоже нужно тепло.

– Ну, это спорно, знаете, вот известный врач Комаровский…

– Комаровский! – весело воскликнула Баболя. – Ну что мужчина может знать о детях?

Я поняла, что мой Комаровский будет прихлопнут, чтобы не жужжал. Мы стали есть приготовленный Баболей обед. Было вкусно, потому что вредно. Жирно, майонезно. Венцом стола стала сырокопченая колбаса, нарезанная с сыром. Катя немедленно потянула ладошку к ней и была вознаграждена двумя кусочками.

– Мы не едим колбасу, – сказала я. Хотела добавить, что это вредно.

– А мы едим, – отрезал Деданя. – Ребенок будет создавать меньше проблем, если будет есть с общего стола.

Я поняла, что за мои деньги мой ребенок будет жить по чужим, чуждым мне правилам, придуманным с единой целью – не создавать проблем. Люди старшего поколения, даже если их нанять на работу, приходят учить, а не учиться.

Я готова принять это в родных людях, потому что я их люблю и они любят меня и моего ребенка. Это, безусловно, важнее правил. А вот с чужими все иначе.

Спустя час пришло время менять подгузник. Я зашла с дочкой в ванную, помыла ее, вытерла полотенцем и хотела надеть подгузник, но маленькая стрекоза вырвалась из рук и побежала в комнату голышом. Дальше случилось то, что по закону плохого кино обязательно случается, если этого боишься: Катя вбежала в комнату, расставила ножки и пописала на ковер.

Баболя и Деданя изменились в лице. Они бросились за тряпками и салфетками, встали на колени вокруг того места, где случился инцидент, и стали промокать его так исступленно, что я растерялась. Они делали это молча, на их лицах было отчаяние.

На вид это был старый, потертый, ничем не примечательный палас, но для них это был раритет. Они отмывали его так, будто это ядерные отходы, а не моча годовасика, которая вообще не пахнет.

– Простите нас, пожалуйста, – мирно сказала я и очень

захотела домой.

– Ничего, – буркнула Баболя, которая стояла ко мне пятой точкой и терла ковер салфеткой. Уже минут 15.

«Может, с родными внуками будет иначе, – подумала я. – Все-таки вещи для человека, а не человек для вещей, но пока они не хотят внуков, во всяком случае чужих…»

Я взяла на руки дочку, и мы стали прощаться.

– Будем иметь вас в виду, большое спасибо, – сказала я, понимая, что видимся мы в последний раз. – Катя, помаши ручкой.

Катя прилежно помахала. Она устала, ей было скучно, она хотела спать.

– Приезжайте еще, – без энтузиазма сказали Баболя и Деданя. Сказали тихо, видимо, чтобы Катя не услышала и не вздумала приехать.

На прощание Кате подарили шоколадку. Годовалому ребенку – шоколадку. Я вздохнула, распаковала подарок и вручила Кате фольгу.

– А шоколад – рано, – пояснила я дарителям.

– Аллергия? – уточнил Деданя, который, как мы помним, фанат общего стола.

– Нет, просто… Да, да, аллергия, – вынужденно согласилась я. Если нужно объяснять, то не нужно объяснять.

Кате год. В этом возрасте ребенка можно порадовать мятым листом бумаги. Поэтому блестящая фольга понравилась ей до визга, и уезжала она счастливая.

В лифте я поцеловала дочку в лобик и сказала:

– Катя, уточка говорит кря-кря.

Катя играет в зоопарк. Рассадила животных на диване, они у нее там подрались все и расплакались, дочка комментирует:

– Пачет жираф, пачет слон, пачет котик…

Муж проходит мимо и спрашивает:

– Директор зоопарка, почему у вас все животные в унынии?

О – Овсянка

Мы с мужем любим разные виды отдыха. Я люблю комфортный: лежи себе на пляже, купайся, загорай, а кто-то в твоем номере уже пропылесосил и накрутил лебедей из полотенец. Уезжая с такого отдыха, я обычно плачу и хожу кидать монетки, чтобы вернуться.

С мужем – противоположная история. Он любит рыбалки, походы, палатки: ты без душа, без условий, искусанный комарами, шарашишь по лесу, спишь на жестком; чтобы поесть горячего, разводишь костер. Вероятно, где-то в этом моменте получаешь удовольствие от жизни.

Я понимаю, почему он после такого отдыха возвращается счастливым: из некомфорта возвращается в комфорт. А я – наоборот. Поэтому я плачу, уезжая, а он смеется.

Нарожав детей, мы стали отдыхать с ними. Естественно, мы ездим в отели, а не в лес, то есть отдыхаем по моему варианту. Где я в лесу найду педиатра если что?

> И вот отдых с детьми тоже можно с натяжкой назвать отдыхом. Это такое обслуживание интересов детей с наименьшими потерями для себя. Ну, то есть заставить ребенка улыбаться там, где есть в шаговой доступности батут и аквапарк, гораздо проще.

При этом дети все равно дети – за ними глаз да глаз. Вот сын полез на дерево и поцарапал коленку. Вон дочь ломится в бассейн, а там из трубы горки вылетают взрослые на огромной скорости, поэтому туда нельзя.

Я все время бегаю, суечусь, мажу коленки, бормочу «осторожно, осторожно!», думаю, что скоро они проголодаются, а я забыла захватить бананы, а вообще неплохо было бы поесть овсянки, полирнуть вчерашние вредные чипсы.

У меня всегда ощущение, что я отдыхаю не с двумя, а с тремя детьми. Третий ребенок – мой муж.

Я очень люблю детей. Они смешные, интересные маленькие человечки. Но на их фоне я скучная, прагматичная тетенька. Я из тех, кто зимой, съехав с горки единожды по уговору детей, потом всю прогулку стоит внизу горки и встречает румяных катальщиков криком: «Осторожнее! Осторожнее! Девочка, съехала? Уходи с горки, видишь, мальчик едет!»

Прошлой зимой я видела, как муж с сыном катались с горки. Они пробовали разные способы: и с разбегу, и на спине, и вперед

головой, и боком. И муж не подыгрывал, он честно придумывал, как еще весело можно съехать, изобретал сложности.

Я орала внизу:

– Осторожнее! Аккуратнее!

Вылавливала из кучи-малы сына, поправляла ему шапку на ходу.

– Мать, вот что ты орешь? – говорит мне румяный муж, выкарабкиваясь из сугроба, весь в снегу – и шапка съехала. – Ты можешь обораться, но пока им в пятую точку двумя сапогами не въехал следующий катальщик, ребенок и не подумает шевелиться. Зачем ему твой опыт? Ему свой хочется…

– Ясно, – отвечаю я и поправляю мужу шапку. На ходу, пока он с ледянкой карабкается на горку за сыном.

Он играет с детьми, как ребенок. Я тоже играю с детьми – но как взрослый. Например, в какой-то момент я могу начать поддаваться сыну, чтобы ему было интереснее. Или, играя с Катюшей во время ее купания в прятки за шторкой, я параллельно мою раковину. То есть я остаюсь взрослой тетей, которая вынужденно играет в игры с детьми.

Вчера вечером муж спрятался от Кати за шторой в детской. Та честно носилась по квартире и голосила: «Папа прять, папа прять» (папа спрятался). Прибежала ко мне на кухню, где я готовлю ужин, ручонки развела, взбудораженная:

– Неть папа, папа прять!

Опять убежала, вприпрыжку. Через минуту прибегает на кухню муж, хохочет:

– Прикинь, стою за шторой, она в трех сантиметрах от меня – и не нашла!

«Ты обманул двухлетнего ребенка, есть чем гордиться», – ернически думаю я.

– Дай на балконе спрячусь, прибежит – стукни, а то я там кони двину от холода, – голосом, полным энтузиазма, говорит муж и лезет на балкон.

> Я закатываю глаза. Девочки вырастают во взрослых женщин. А мальчики вырастают во взрослых мальчиков. Они размером становятся больше, а внутри играет детство ровно так, как играло и в пять, и в семь, и в десять лет.

Поэтому муж вчера резво вскочил в окне на балконе, заставив Катьку хохотать до икоты, а до этого они с сыном отчаянно рубились в какую-то компьютерную игру и орали от азарта так, что соседи стучали по батарее.

Дети очень меня любят. Они бегут ко мне, когда разбили

коленку, когда им страшно или просто соскучились. Но папу дети любят больше. Потому что папа – большой ребенок, он с ними одной крови. Он ловит им жуков и рассказывает про размах крыльев, он с рыбалки привез черепашку Пашку, которую выловил в Астрахани, он лазает на дерево за испуганной кошкой, он честно играет в прятки, он разрешает приволочь с прогулки грязную палку, потому что «это меч, что непонятно?».

А мама варит полезную кашу и суп, пока они там дурачатся, покупает колготки и обложки для тетрадей, мажет диатез на щечках от съеденных наперегонки с папой шоколадок и кричит: «Осторожнее, осторожнее», когда дети оседлали папу и скачут на нем, как на лошадке.

Я тоже в душе ребенок, только очень глубоко. Обязательства превращают меня в скучную тетю с двумя пакетами продуктов и «что я там в аптеке хотела? А, спрей от соплей нужно».

Однажды я стала играть с детьми в лошадку, и они быстро потеряли к игре интерес. Ибо мама-лошадка продумывает, где проехать, чтобы не упасть и не удариться, не взбрыкивает, везет ездоков осторожно, убивая весь азарт.

А папа скачет, как конь, врезаясь в стены, сваливая ездоков на пол (а там – о ужас! – нет ковра!), вырывается из седла; дети висят у него на шее, цепляются за спину и падают не от тряски, а от хохота.

Потом они втроем лежат на полу и тяжело дышат, уставшие, но довольные и счастливые, взбудораженные игрой, я думаю, что 100 лет не мыла пол, а Катя в белой маечке, и вообще окна открыты, сквозняк, а на улице зима. И мое фирменное «Осторожнее!».

Кому я это говорю? С кем вообще разговаривает эта скучная тетка внутри меня? Мои предостережения еще никого не спасли ни от синяков, ни от царапин, ни от соплей.

> Но я уверена, что эмоции, полученные в процессе игры, стоят того, и дети готовы набить еще 100 синяков и шмыгнуть носом 100 раз, только бы «папа-папа-и-го-го».

В общем, совместный отдых для меня всегда немного напряженный. И вот в этом году муж из-за работы не смог поехать отдыхать и говорит: «Поезжай одна, детей оставь, дочка в саду, сын в школе. Я вечером буду их забирать, все успею. А ты отдохнешь, выспишься и допишешь книгу».

Я подумала, что это чудесная идея. Я реально отдохну, высплюсь (ибо не надо будет просыпаться с дочкой, которая дольше семи придумала не спать) и вдумчиво поработаю, потому что меня никто не будет отвлекать.

Обычно меня дергают постоянно: то помоги выпутать куклу из скакалки, то есть хочу, то планшет не поделили, то послушай, как я стихотворение выучил, то еще что-то. А тут – благословенная тишина и покой.

В итоге я поехала в дом отдыха на неделю со старшим сыном. У него были шахматные сборы. Сын – максимально ненапряжный член семьи: очень самостоятельный. Я на него не нарадуюсь, он мне совсем не в тягость и не мешает: утром убегал из номера и возвращался вечером, уставший.

Я думала, буду много спать, вкусно есть (а не готовить!), плавать в бассейне – и на фоне этого благолепия активно писать книгу. Эту программу-максимум я выполнила в первый же день. Мне было скучно, тревожно и чего-то не хватало. Катюни не хватало, мужа. Семьи.

Я постоянно звонила домой и спрашивала ерунду: что ели, как спали. Мне просто хотелось услышать их голоса, окунуться в эту вечную семейную движуху. Муж в конце концов даже возмутился частоте моих звонков: ты будешь отдыхать или нет? А

то концентрация тебя в семье сейчас даже больше, чем когда ты просто дома.

Я вдруг поняла, что мне совсем не хочется писать в таких комфортных условиях. Не вдохновляет. Мне необходимы суета, цейтнот, вечный непокой – это и есть мое вдохновение. Только в этом семейном бурлении я эффективна, а без него мне тоскливо, непривычно, хочется обратно.

> Я думала, без семьи я по-настоящему отдохну, а мне – хуже. Слоняюсь по отелю и не знаю, чего хочу. То есть знаю: домой хочу. Там, дома, мое счастье. Рутинное, сложное, утопленное в бытовых проблемах, тревожное настоящее счастье.

Однажды, шесть лет назад (дочки еще не было, только сын), я с трудом проснулась утром и стала варить кашу. Была зима, за окном – кромешная тьма. Я караулила молоко, чтобы не убежало, и очень хотела спать.

Потом я разбудила сына в садик, он капризничал, не хотел вставать. Мое самое нелюбимое – вытаскивать из сна теплого, сладко спящего ребенка.

Потом я его одевала, он хныкал, стягивал колготки, затем плевался кашей, мы опаздывали. Встал муж, зашел на кухню, спросил:

– А есть что-то кроме каши на завтрак?

– Нет! – рявкнула я, хотя могла бы настрогать бутербродов. Мне несложно, но я опаздывала и не выспалась, и утром вообще не хочу устраивать кулинарное разнообразие.

Потом мы одевались, и я думала, какое же трудоемкое это время года – зима. Штаны надень, потом кофту, потом куртку, потом шарф, потом варежки… Уф.

Мы с сыном выбежали на улицу. Был сильный мороз, и у нас не завелась машина. «Только этого мне не хватало!» – подумала я и вытащила не позавтракавшего мужа разбираться с авто. А сама отправилась делать ему бутерброды с собой на работу.

В итоге мы с опозданием, но разъехались по делам. Вечером того же дня я готовила ужин.

Рабочий день был какой-то неудачный, меня загрузили чужими обязанностями вместо уволенного сотрудника. Я злилась и мысленно выговаривала начальнику все, что о нем думаю. Я чистила картошку, включила телевизор на кухне и смотрела передачу по Первому каналу «Давай поженимся». Там героиня, красивая, накрученная, напомаженная, искала жениха и рассказывала свою историю.

Она недавно переехала в столицу, будет покорять. От первого

брака у нее есть ребенок, но он живет с родителями в другом городе, пока она ищет себя в столице. Вот когда найдет себе мужа и сделает карьеру, обязательно заберет ребенка себе. И в конце она сказала:

– В целом у меня в жизни все хорошо, и я ищу мужчину, который сделает еще лучше. Я хорошая мама, хорошая дочь, хороший человек и буду хорошей женой.

И ведущая, Лариса Гузеева, спрашивает:

– А как вы поняли, что вы хорошая?

– Я не пью и не курю, – ответила девушка.

– Заслуги не могут начинаться с частицы «не». – говорит ведущая. – Вы были бы хорошей мамой, если бы каждое утро просыпались в ночи, варили бы осточертелую кашу, потом будили бы своего сонного ребенка, а все дети хнычут утром, и кормили бы его этой кашей, размазанной по всей кухне, потом эти пресловутые колготки, пять шапок и кофт на него, шарф, и в метель – на санках в садик, бегом, потому что опаздываете на работу. А он там, в этом садике, мастерит тюльпанчик, который подарит маме, потому что скоро 8 Марта…

Я замерла. Я стояла спиной к телевизору, слушала, резала овощи. Но я поняла, что кто-то сверху прямо сейчас говорит со мной про меня. Он все знает про меня.

В мойке лежала замоченная с утра кастрюлька, мы опаздывали, и я не успела помыть. А на холодильнике висел рисунок, который подарил мне сегодня сын, когда я пришла за ним в садик.

> Часто мы просто не замечаем счастья. Оно транзитом проходит сквозь нашу жизнь, а мы путаем его с обыденностью и рутиной. Эта каша, эта кастрюля, эти колготки… Разве о таком счастье мы мечтаем? А ведь если задуматься, покрутить его, повертеть в руках, заглянуть с другого ракурса: а чем не счастье?

Мне есть ради кого просыпаться пораньше. И мое кухонное окно зажигается молочным светом каждое буднее утро ровно в шесть. И там, за окном, холодно и темно, а тут, на моей теплой кухне, уютно свистит чайник и смешная любимая кастрюлька с цветочком на бортике варит идеальную порцию каши. И у меня есть любимый сын, который не любит просыпаться по утрам (а кто любит?), и муж, который почти всегда в хорошем настроении, и работа, где меня ждут, и обязательства типа вот этой необходимости приготовить ужин, которые делают меня счастливой. Я каждый день счастлива, просто за рутиной забываю это заметить!

Тот день – очень важный. Я после него немного прозрела. Я стала замечать то, что всегда было перед глазами, но оно будто было скрыто пеленой внутреннего недовольства. А в тот день случайный диалог в телевизоре будто сорвал, как фокусник, волшебный платок с моих глаз. И я оглядываю свою старую кухню как новую и думаю: вау!

Семья, быт, проблемы – это невероятное, тревожное, настоящее счастье. Счастье – это не обязательно маскарад и карнавал, его нужно научиться замечать и ценить, даже если сегодня оно совсем будничное, маленькое и похоже на пузатую кастрюльку с овсянкой.

– Мам, купи мне собаку!

– Зачем? У тебя скоро будет сестренка!

– Мне что, сестренку дрессировать, чтоб она мне тапки носила?

П – Пряник

Бывают вкусы, книги и мысли, до которых нужно дорасти.

В моем детстве в качестве десерта продавали мятные пряники. Обычные такие, к чаю, с резким мятным вкусом. Я их не любила. Ну вот как-то невкусно мне было – слишком мятно. Обычно они стояли на специальном блюдечке на кухне и сохли.

– Скушай пряничек, – говорила мне бабушка, когда я слонялась по кухне в ожидании обеда, путаясь у нее под ногами.

– Не хочу, – канючила я.

Так и стояли эти пряники, не тронутые мной, несмотря на то что сладости были дефицитом.

Я помню, что иногда прабабушка, у которой уже не было зубов, размачивала эти черствые пряники в кипятке и ела эту мятную кашицу как самостоятельное блюдо. Брр.

Однажды абсолютно внезапно прилетела из Москвы мама. Я жила с бабушкой и дедушкой в другом городе, родителей видела редко. Обычно о прилете кого-то из них я знала за пару месяцев, а тут внезапно:

– Завтра Нина прилетит, – сказал дедушка бабушке. – Говорит, есть разговор.

Они посмотрели друг на друга встревоженно, и я вместо радости ощутила вдруг тревогу. Это как мамин звонок, но ночной. Никто не любит ночных звонков, потому что обычно ночью никто не звонит с хорошими новостями.

Мама прилетела на следующий день и обнимала меня как обычно. Кружила в прихожей, привезла куклу в красном платье. У меня отлегло от сердца: если бы это было что-то серьезное, она не была бы такой беззаботной. Когда что-то случилось, не до кукол.

Меня уложили спать пораньше и выключили свет в комнате. Мои детские уши и любопытный нос мешали взрослым разговаривать. Я нехотя ушла в спальню, но, конечно, не спала: кто же спит, когда мама приехала! Помню, как я босиком, в пижаме, кралась к двери на кухню: подслушивать разговоры взрослых.

Взрослые меня сильно недооценивали: в свои шесть лет я была достаточно смышленой и понимала 90 % того, что при мне не обсуждали. Я затаилась у двери. Из обрывков фраз мамы, бабушки и дедушки я поняла странное: мама прилетела за благословением. Благословением на… развод с папой.

Благословение – это обычно нечто хорошее. Это дают родители перед свадьбой. Никто не берет благословение на развод.

Так говорил дедушка. Он был зол, порывист и говорил грубо. Мне хотелось защитить маму от этой незаслуженной грубости. Мама говорила тише всех. Чаще всего она произносила фразу: «Поймите, я больше не могу».

Бабушка всхлипывала. Она промокала глаза носовым платком и повторяла: «Это его убьет». Мой папа был сыном бабушки, а моя мама не была ее дочерью, поэтому бабушку гораздо больше волновало то, что убьет его, а не маму.

Мама что-то рассказывала шепотом. Быстро, сбивчиво. Это был рассказ про папу, про то, что он плохой. Мне было почти не слышно, да и не хотелось прислушиваться.

> Я любила папу и всегда очень ждала его приездов. Он был веселым и добрым, как плюшевый медведь. И от него всегда пахло коньяком. Меня это не напрягало, потому что с этим запахом папа был настоящим хулиганом и весело играл со мной, а без него он был злым и грубым, как дедушка сейчас. И не брился. Я даже научилась понимать, что щетина означает похмелье и папа сегодня играть не будет.

Я была ребенком и ничего не понимала про алкоголизм. Я предпочитала веселого и задорного папу. А оказывается, именно с таким папой мама решила развестись. Мне было удивительно, что злым и щетинистым он нравился ей больше.

Дедушка вдруг ударил кулаком по столу.

– Хватит!

Ему было, к сожалению, все хорошо слышно и понятно, и он не хотел слушать плохое про сына. Мама замолчала. Бабушка вздрогнула.

– Вы взрослые люди, решайте сами. Нас не впутывайте. Мы на такие вещи благословения дать не можем. Что ты от нас хочешь? – сказал дедушка. – Брак – это вместе и в горе, и в радости!

– Вот-вот, только у нас радости не предвидится, одно горе. Он не хочет лечиться, он алкоголик.

– Ну пришли его сюда, мы тут с ним поговорим, – робко предложила бабушка.

– Вот вы слышите, как это звучит? Будто мы о ребенке говорим. О школьнике, который двойки носит, и его нужно на перевоспитание отправить. А ему уже много лет. Он не полетит к вам «на каникулы», даже если я куплю билет. Он же понимает, что вы тут будете его пилить…

Дедушка весь разговор задумчиво вертел в руках пряник, а потом резко взял – и откусил кусочек.

– Ааай, – вскрикнул он и схватился за щеку. Пряник был такой черствый, что дедушка сломал зуб.

Бабушка засуетилась, все побежали в ванную, спугнули меня, стоящую под дверью. Я юркнула в кроватку. Лежала и думала, как сложно все устроено в мире взрослых. Ведь можно папу прислать сюда, чтобы дедушка с ним поговорил. Папа послушает дедушку, потому что он его папа.

Он бросит пить, не будет со мной играть и зарастет щетиной, но ради сохранения семьи вполне можно пойти на такие жертвы. И разводиться никому не придется. И благословлять на развод тоже. И тогда мама будет прилетать просто так – в отпуск, крутить меня в прихожей и дарить куклу.

> Одиночество и нелюбовь шлифуют характер, делают человека твердым, непробиваемым, черствым, как те самые пряники на кухне.

Я поняла: когда в семье нет любви, люди в ней черствеют, как пряники. Мама не любит папу за то, что он пьет коньяк. Папа не любит маму за то, что она вечно кричит на него и недовольна. Дети чувствуют себя виноватыми, ненужными и даже отвергнутыми. Пряничная семья, не тронутая любовью.

Много лет я потратила на то, чтобы простить родителей за ссылку. Мне не было плохо с бабушкой и дедушкой, мне было плохо без родителей. Они родили меня, но не растили. Для меня это было сложное время, когда я обросла комплексами, когда моя самооценка забилась под плинтус. Я не понимала, что со мной не так и почему мама не хочет меня забрать.

Уже будучи взрослой, я приходила к родителям за ответом и получала захлопнутые двери в качестве аргументов. Я приходила не осуждать, а понять. Мне было необходимо смягчить мой собственный, неизбежно черствеющий пряник внутри, но в этом вопросе у меня не было единомышленников и помощников. Шли годы. Я придирчиво копалась в детских воспоминаниях. Это было нелегко и зачастую болезненно.

Память услужливо подсунула это воспоминание про благословение. Тогда, шестилетняя, я переживала это как могла: эмоции были смешанными, непонятными, наивными. А спустя 30 лет у меня появились новые мысли на этот счет.

Я вдруг поняла маму. Конечно, я не поступила бы так же. Но осознала, что она сделала то, что считала правильным. Мама была несчастна как женщина. Внутренне черствела, засыхала без любви.

Мужчина, которого она выбрала, не оправдал ее ожиданий. Он не был героем, он даже не был нормальным человеком в

привычном ей понимании. Он как бы ушел в минус со своим алкоголизмом.

> Мама тяжело переживала развод. Возможно, у нее была депрессия. Но раньше таких болезней не было. То есть были, но они считались ненастоящими: воспринимались как меланхолия и тунеядство. Возьми себя в руки – вот единственное лекарство.

Не забирать же дочь в этот ад? Возможно, не забирая меня к себе, она берегла меня, как умела. Не забирала, чтобы я не видела безобразных сцен, отчуждения, не ощущала себя частью плесневеющей семьи. Потому что ресурса любить кого-то у нее не было совсем. Чтобы было что отдавать, нужно сначала наполнить. А мама была вычерпанным колодцем. И папа тоже. Им нечего было дать.

Сейчас я взрослая женщина, и мне примерно столько же, сколько тогда было маме. Мама приехала не просить благословения на развод, она вполне вменяемая. Она приехала на ручки: возьмите меня на ручки. А бабушка и дедушка не могли взять ее, она не их дочь. У них есть сын, вот его они готовы взять на ручки. Но он сам себя берет на ручки, когда покупает коньяк…

Все очень сложно в этом взрослом мире, если смотреть на него из наивного детства. Но все становится еще сложнее, если смотреть на него из осознанной взрослости.

Я всегда думала, что родители не забирают меня по каким-то внятным причинам. Например, негде жить. Нет детского сада, куда меня водить. Не на что жить. Ну, обстоятельства какие-то.

Недавно я прочла выражение «бритва Хэнлона». Это означает, что не всегда в неудачах и проблемах виноваты обстоятельства, хотя думать так выгодно для собственного успокоения. Если коротко – облажались, а не заговор.

> Я поняла, что в этой жизни все мы немного облажались и никакого заговора нет. Есть ответственность взрослых людей перед детьми, перед родителями и перед самими собой.

Каждое детское воспоминание я теперь рассматриваю через призму своей взрослости и осознанности. Я вижу их иначе, и мне все проще найти объяснение человеческим слабостям. Какие претензии к черствым пряникам за их черствость? Они стали такими не потому, что хотели, – просто их никто не любил, не согрел, не захотел смягчить.

Я тоже не смогла, даже когда захотела, потому что у меня

слишком много времени ушло на осознанность, на понимание. Времени на безусловную любовь не осталось. Ту самую, когда ты любишь вопреки всему, несмотря на обстоятельства.

Мне жалко всех несчастных людей, которые живут в дефиците любви, и так боюсь стать одной из них. Я бегу обнимать своих детей: не хочу быть черствой, хочу отчаянно любить и видеть, что меня тоже любят. Нет ничего важнее безусловной любви.

Р – Репетиция

На восьмой день рождения я подарила сыну ответственность. Идея родилась внезапно. Часто, обращаясь к нему, я непроизвольно произношу «малыш».

– Даська, малыш, пойдем домой.

Сын обижается:

– Мам, мне уже семь лет, какой я тебе малыш, я же взрослый!

– Взрослый? Сын, а как ты думаешь, чем взрослый отличается от ребенка?

– Ну, взрослый – главный, взрослый все решает, за все платит…

– Это ответственность, Дась. Вот ты говоришь, ты взрослый. А хочешь, в восьмой день рождения ты и правда станешь взрослым? На целый день. Я подарю тебе эту возможность.

– Хочу! А как?

– Весь день ты будешь принимать решения сам, как взрослый: куда идем, когда идем, что делаем. Кино, море, друзья, аквапарк – проживем день по твоему личному сценарию. Вот как решишь – так и будет. В день рождения ты будешь главным взрослым, капитаном этого дня!

– Ого, классно! А ты?

– А я буду слушаться, будто я твоя юнга. «Да, мой капитан!» или «Будет сделано, мой капитан!».

– А деньги?

– У меня бюджет праздника – 20 000. Я тебе их отдаю. Ты сам за все платишь, ты же взрослый.

– А если я их потеряю?

– Ооо, дорогой. Это и будет твоя ответственность. Значит, не будет кафе и аквапарка с друзьями. Будешь объяснять разочарованным детям, почему они голодные и как ты умудрился потерять деньги.

– А ругать не будешь?

– Нет, Дась, это исключено. Взрослые ругают детей, когда те не оправдывают их ожиданий. Потому что дети – это пластилин, из которого взрослые хотят вылепить правильного взрослого. А в день рождения ты сам будешь взрослый, и я будто уже тебя вырастила.

– А если я не захочу в аквапарк, а в кино захочу?

– Дася, ты главный. Мы пойдем туда, куда скажешь, с тем, с кем скажешь.

– О, кстати, я не хочу, чтобы с нами шел Валера. Он странный, всех толкает, со всеми дерется.

– Ну так скажи ему об этом.

– Я?

– А кто? Ты же взрослый, ты формируешь свое окружение и свою жизнь.

– Я боюсь его обидеть.

– Вооот, – улыбаюсь я. – Это и есть ответственность. Ты сам делаешь выбор: обидеть человека или взять с собой на праздник. И за этот выбор ты сам несешь ответственность. Можно обидеть Валеру и пойти без него. Никто не будет толкать, но внутри поселится чувство вины, и оно испортит праздник больше, чем толчки Валеры. Но это на мой взгляд. А ты сам решай.

Весь вечер сын уточнял детали завтрашнего праздника, и на все вопросы ответ был один: «Это твой день, твой праздник, твой выбор. Он будет таким, каким его сделаешь ты».

Утром, поздравляя сына с днем рождения, я вручила ему конверт с деньгами и бразды правления днем.

– Дась, с днем рождения! Вот твои подарки. Я готова подарить тебе эти бразды не только на день рождения. Вернешь их мне, когда устанешь.

– Я не устану! – Даня в восторге скакал по кровати. – Я теперь взрослый навсегда!

– А это мы посмотрим, мой взрослый сын.

– Мама, я не хочу завтракать, я сразу в аквапарк хочу.

– Хорошо.

– Хорошо?

– Хорошо.

– Я думал, ты скажешь: а как же мы, мы же хотим завтракать.

– Нет, Дась, я так не скажу. Просто голодная Катюня будет плакать, я страдать без кофе; твои друзья приедут только к 12, а значит, не смогут с тобой пойти, но это неважно, зато ты будешь счастлив, ведь мы сделаем, как ты хочешь.

– Но как же я буду счастлив, если всем будет плохо?

– Не знаю, думай. Ты главный.

– Мам, я решил, что в аквапарк пойдем вечером. А начнем день с того кафе, где делают смешную яичницу с глазками. Там и каша Катюне есть, и кофе тебе.

– Какой ты замечательный, взрослый и умный сын, – сказала я. – Какие классные решения ты принимаешь. От них всем хорошо, не только тебе. Вот если бы ты один пошел в аквапарк – это был бы эгоизм. Эгоисты – это люди, которые считают, что хорошо должно быть только им, и их хорошо никак не связано с тем, насколько хорошо остальным. А ты не эгоист.

– Ура. Я не эгоист! – Дася скачет по комнате.

После завтрака сын захотел к морю на батуты. Мы пошли, и

сын напрыгался до изнеможения.

– Мам, я еще хочу!

– Ну так прыгай!

– А если денег не хватит на кино, аквапарк и кафе?

– Сын, ну так считай. Дать калькулятор?

– Да. И нужно решить, когда, куда идем. А то все хочется.

– Да, это называется планирование. Принятие решений наперед.

Дася посчитал, сколько денег нужно на его развлечения и когда он хочет туда пойти, чтобы все уместилось в один день.

– Итак, обед все вместе, потом, пока Катя спит, мы с друзьями сходим в кино, а после полдника мы всей компанией идем в аквапарк, потом аттракционы, потом ресторан с вкусными сосисками. Супер? Я посчитал, должно хватить!

– Суперплан! Умничка.

Сначала все шло как задумано. Дася отлично справлялся с ролью взрослого дяди, он был щедрым и веселым именинником, дети вокруг были счастливы.

В четыре часа мы большой компанией пришли в аквапарк, и выяснилось, что из-за сегодняшних соревнований, о которых мы не знали, нас пустят туда только в шесть.

– Мам? А что же делать?

– Сынок, я не знаю, ты главный, помнишь?

– Ну пойдем пока погуляем, раз так. До шести.

Мы пошли в сторону парка, и вдруг начался дождь. Причем

такой сильный, противный, промозглый. Все стали оглядываться на Даню.

– Дань, что делать?

– Я не знаю. – Сын чуть не плакал и смотрел на меня. – Надо где-то спрятаться.

– Где?

– Рядом только этот аквапарк, больше ничего. Побежали обратно.

Мы бросились обратно в аквапарк, расселись на диванах.

– Я есть хочу, – сказал Валера.

– И я, – сказала Стеша.

– Мы же ели недавно, – возмутился Даня.

– Мы там не ели почти, только молочные коктейли пили.

– А что же вы не ели?

– А мы тогда не хотели. А сейчас хотим.

– Вы ничего не ели, а денег я заплатил, будто поели, – пробурчал Даня. – Мааам…

– Что, сынок?

– Что делать?

– Нужно накормить друзей перед аквапарком, иначе у них не будет сил плавать, – подсказываю я.

– Я понял, но как? Тут нет еды.

– Можно вызвать такси и поехать в кафе.

– Тогда на все у меня не хватит денег, я же вечером планировал ужин.

– Значит, нужно, чтобы еду привезли сюда. Думай.

– Пицца! Точно, закажем пиццу!

В итоге дети выбрали две огромные пиццы и весело слопали их, запивая газировкой, до аквапарка под звук дождя. Даня был напряжен, не понимал, хватает ли ему денег. Потом переживал, не украдут ли деньги из шкафчика, пока они плавают. Потом прикидывал, как в ресторане рассчитать деньги, а то гости опять назаказывают картошки фри и коктейлей, а они дорогие…

– Мам, так это сложно – нести ответственность, – хмурился он и тяжело вздыхал. Он уже устал от своей взрослости.

– А ты как думал! Все дети хотят быть взрослыми, а это очень сложно.

Потом мы все наплавались до красных глаз в аквапарке. Выйдя вечером после плавания на улицу, мы решили прогуляться по променаду – нагулять аппетит перед ужином.

– Мам, – сын тронул меня за руку. – Есть разговор.

– Да?

– Мам, мне не хватает на ресторан.

– Не хватает?

– Нет. Я же за обед много отдал. Потом полдник. Потом кино. Потом я всем спиннеры купил. Потом пицца. Потом аквапарк. Мам, у меня осталось 1500 рублей.

– Что ты предлагаешь? Все есть хотят.

– Я не знаю.

– У тебя есть выбор: либо ты ведешь всех в ресторан, я оплачу счет, но тебе придется признать, что с ответственностью ты не справился; либо придумай что-нибудь… – говорю я.

Мы специально останавливаемся напротив лотка с горячей кукурузой.

– Что придумать? – Сын чуть не плачет. – Я весь день что-то придумываю, придумываю, считаю, считаю… Я уже устал.

– Давай, дорогой, ответственность – вещь непростая, но я верю, ты справишься, – говорю я и поворачиваю сына лицом к кукурузе.

– Пикник! Я понял! Ребята, у нас сейчас будет пикник на пляже. Осталась пицца, сейчас купим кукурузу и мороженое всем. Класс! Может, даже костер разведем! Будем хлеб жарить… И сосиски возьмем. Наши будут лучше ресторанных! Мне как раз должно хватить.

Дети запрыгали и захлопали в ладоши от восторга. Как мало нужно для счастья, когда ты ребенок. Перед сном мы с сыном традиционно подводили итоги дня.

– Дася, ты отлично справился с ролью взрослого человека. Больше не буду называть тебя малышом.

– Мам, я так устал! Мне кажется, я совсем не справился. Справился – это когда в итоге кайф. А у меня не кайф, а усталость.

– Да это аквапарк, и потом вы носились…

– Нет, не в этом дело. Я устал быть взрослым. Сначала я не смог сказать Валере, что не очень хочу его приглашать, и пригласил; я распланировал день, а все пошло совсем не так: то дождь, то все есть хотят не вовремя, то денег не хватает, как я задумывал… Принимать решения – это такая проблема!

– Да? – смеюсь я.

– Да. Забери свой подарок. Я ребенок, я пока не хочу такую ответственность.

– О, вот это новость! То есть тебе не понравился мой подарок?

– Понравился. Я многое понял. Я не малыш, но и не взрослый. Я мальчик, которому восемь лет, и меня все устраивает. Я не хочу быстрее вырасти. Как расту – так и расту.

– Давай тогда обратно мою привычную ответственность, а тебе я возвращаю возможность быть просто восьмилетним

мальчиком. Ну что, теперь кайф?

– Кааайф! – кивает мой довольный сын и сладко засыпает.

Я накрываю его одеялом, гашу ночник и иду на кухню подсчитывать бюджет на отдых, а то мы что-то выбились из всех лимитов. Жаль, никто не поменяет мне эту обязанность на детскую беззаботность…

В ночь перед днем рождения сына мы забыли включить фумигатор, и комары покусали детей. Сын утром задумчиво рассуждает:

– Вот если комары пили кровь именинника, это же у них, наверное, как торт считается…

Я начинаю хохотать в голос:

– Дась, ну ты жжёшь.

– Да, – соглашается сын. – Я жжу!

С – Сапожок

Когда моему сыну исполнился год, у него случился настоящий грудничковый бунт. Он как раз уверенно научился ходить и активно проверял границы моего терпения. Он шел исключительно туда, где опасно: в глубокую лужу, открытый люк, к злой собаке, а на мой испуганный окрик оборачивался и ускорял шаг.

Я как раз закончила грудное вскармливание и ощущала себя женщиной, потерявшей контроль и власть над своим ребенком. Я чувствовала себя ужасной матерью, потому что постоянно то прикрикивала на сына, то безутешно плакала у него на глазах от бессилия и осознания факта, что я ужасная мать.

Муж постоянно был в командировках, и я тихо сходила с ума от того, что не справляюсь с человеком, который всего на голову выше моих коленок.

Хорошо помню тот день. Была зима, глубокая, но не злая. Отчаянных морозов не было. Идеальная погода для прогулок. Мы с сыном вышли гулять после дневного сна.

Он тут же полез на высокую железную горку, упал, ударился, ревел, я пыталась увести его с травмоопасного объекта, запретить лазить там. Это усугубило ситуацию, он орал на всю площадку так, что я, стесняясь его крика, сбежала на школьный двор. Там удобная и неопасная горка, но сына она не устроила, и я снова кричала: «Нельзя! Слышишь? Нельзя туда!» Он заходился в плаче, у меня разрывало сердце.

Я не понимала, как договариваться с собственным ребенком, не понимала, что я делаю не так и почему у всех вокруг идеальные, причесанные, послушные дети, а мне достался неуправляемый хулиган.

Потом мы пошли в магазин, где встретили мою подругу еще со времен института, которая, как оказалось, недавно переехала в новую квартиру совсем недалеко от нас. В общем, нас затащили в гости на новоселье.

В квартире был закончен черновой ремонт, повсюду стояли нераспакованные коробки. Это было удобно: бегая вокруг тяжелых кубиков, очень сложно покалечиться, и сын носился, ему было интересно, а мы с подругой зацепились языками и зависли в женских разговорах.

Я неожиданно для себя рассказала подруге все свои горести и профилактически поплакала над своим неидеальным материнством.

В общем, очнулись мы, когда было начало 11-го. Сын давно

должен спать, сытый и накупанный. Я вскочила, переполошилась. Боже, как же так! Впервые я совсем не заметила, как прошло столько времени. Я отказалась от такси – в коляске что-то заедало, она никак не складывалась. Спешно собралась, упаковала уставшего сына в комбез и выбежала на лестничную клетку.

Это было похоже на побег. Мы с сыном выбежали в ночь и обнаружили метель. Я побежала домой, толкая перед собой коляску. Она постоянно застревала в нерасчищенном снегу, через пять минут мне стало жарко, к тому же я недооценила расстояние до дома, ибо днем все казалось близким, а ночью от дома до дома – пять автобусных остановок.

Перевозбужденный сын истерил в коляске, было совершенно невозможно его успокоить. Я взяла его на руки, бежала так, но он стал изгибаться, и я вернула его в коляску, пристегнула, из-за чего с ним случилась самая настоящая истерика, в ореоле которой я и бежала весь путь.

В итоге измученная, уставшая, заплаканная, я еле дошла до дома. Сын заснул метров за 300 до дома. Эти 300 метров в тишине я плелась, тяжело дыша: у меня болело горло, сердце, руки, ноги, все.

И вот мы добрались домой, 23:30 на часах. Я села в прихожей и сидела минут 20, не двигаясь, пытаясь выровнять эмоциональный фон. Ни рукой, ни ногой не могла пошевелить. Наконец, собрав остатки сил в кулачок, я встаю, чтобы раздеть и переложить сына в кроватку. И замечаю, что на нем только один сапожок. Значит, во время своей истерики по пути он скинул второй, а я не заметила.

Сапожки новые, дорогие. Я понимаю, что нужно пойти и поискать, это логично. Не исключено, что это случилось недалеко от дома. Но я сижу и понимаю, что никуда не пойду. Я вычерпана до самого донышка. Моя батарейка разряжена до нуля.

Эту историю я рассказала вчера подруге, которая задала удивительный вопрос:

– Как понять, что ты больше не можешь терпеть?

Она переживает сложную жизненную ситуацию и тестирует свои внутренние ресурсы на предмет наличия и отсутствия сил дальше продолжать жить в мучительном положении.

– Мне кажется, – сказала я, – если ты задаешь этот вопрос, значит, еще можешь. А когда действительно не можешь, то и вопроса больше нет.

Это чувство ни с чем не перепутать – когда силы на исходе. Это внутренний паралич. Нужно идти, а ты не можешь сдвинуть себя с места. Может, если начнется пожар, то найдется горстка сил, чтобы спасти себя от удушья, но в целом их нет от слова «совсем».

Подруга слушает внимательно.

– Пока ты сама выбираешь терпеть. А когда силы кончатся, ситуация как бы за тебя сделает выбор. Но пока это твой выбор и твоя ответственность.

> Ответственность – это когда ты согласен со всеми рисками принятого решения и мысленно уже разработал план действий на случай, если они сбудутся.

Утром следующего за метелью дня мы с сыном пошли гулять вчерашним маршрутом и не нашли сапожка. На обратном пути зашли в магазин и купили новые.

– Я боюсь, что, не выдержав, могу уйти раньше времени, – говорит подруга. – И потерять важное.

– Если ты боишься что-то потерять, значит, уже потеряла.

– Не поняла.

– Вот твоему младшему сыну четыре месяца. Он твой-твой. Он даже лежит там же, где ты его оставила. А старшему – 17. Он уже дома не ночует. И это отдельный взрослый человек, и он твой, но свой собственный уже больше, чем твой.

– В целом мысль твою ухватила. Хотя я больше про мужа говорила…

– Про мужа тоже подходит. Если ты боишься потерять доверие, значит, ты уже его потеряла. Страх не возникает на пустом месте. Другой вопрос, всегда ли это плохо. Иногда это важная, определяющая потеря. Жизнь после этого многому тебя научит: либо заставит ценить и восстанавливать хрупкое доверие, либо нет.

– Либо нет, – говорит подруга.

– Либо нет, – соглашаюсь я.

Через пару месяцев бунт моего ребенка прошел, и я расцвела. Нормальная я мать, неопытная просто.

Иногда нужно просто найти в себе резервный источник сил и потерпеть, пока ситуация не разрешится сама. Это как если вы замерзли зимой: все равно рано или поздно наступит весна и отогреет вас. Главное – подождать.

Дома страшный бардак: убираться категорически нет времени. Основной его создатель, конечно, муж, но мы с детьми – его безусловные пособники. Муж обещал уборку еще неделю назад, но не смог.

Ногой я качаю шезлонг с дочкой, руками нарезаю рыбу кошке, слушаю вечернее чтение сына и ворчу мужу:

– Миш, мы десятый день живем в бардаке…

– Правда? – радуется мой неунывающий муж. – Да у нашего бардака сегодня юбилей! Пойду пороюсь, может, по такому случаю

откопаю тебе в его гуще подарочек…

Т – Тайм- менеджмент

Во время учебы в институте я никогда не опаздывала на занятия, хотя дорога занимала почти два часа и предполагала четыре пересадки на разные виды транспорта.

Когда я два месяца жила в квартире своей подруги по ее просьбе, а квартира эта была расположена в семи минутах ходьбы от моей работы, я умудрялась опаздывать почти каждый день. Удивительно! Я часто думала об этом (особенно когда бежала на работу и молилась, чтобы начальник тоже опоздал и не заметил моего опоздания) и не могла понять, почему так.

Как-то раз я собралась на очень крутую лекцию известного бизнес-тренера, так вот у него прямо на билете было написано: «Не опаздывать!»

Как приказ. Я еще удивилась и думала, что в этом есть агрессия и бестактность: человек уже заплатил деньги за твою лекцию, а ты как лектор еще ничего ему не дал, а уже приказываешь. А может, я не успеваю к началу и собираюсь войти в зал посередине лекции?

И когда пара человек все равно опоздали на ту лекцию и стали лепетать что-то про пробки и застрявшие лифты, тренер сказал:

– Уважительная причина опоздания – инсульт, а все остальное – ваша ответственность. Если бы вы знали, что за явку вовремя получите денежный приз, скажем, 100 000 рублей, вы бы явились вовремя? Да. Если бы вы знали, что за опоздание вас депремируют на 100 000, вы бы пришли вовремя? Да. То есть были варианты просчитать все форс-мажоры и успеть? Да. Но вы выбрали нечто другое: поспать подольше, побыть в комфорте или что-то еще. А мне сейчас скармливаете версию, что виноваты в опоздании не вы. И когда я это слышу, я вижу маленького мальчика, который ножкой задвигает осколки разбитой вазы под ковер и пожимает плечиками, мол, это не я разбил, и вообще ничего не разбито. Взрослый человек всегда несет ответственность за свои действия, победы и ошибки.

Я поняла, что та фраза на билете была не приказом, а призывом к уважению, настоянном на набитых шишках лектора.

Меня, помню, тогда это потрясло и отрезвило. Я поняла, что, опаздывая, каждый раз просто выбирала что-то важнее пунктуальности. Например сон.

Тайм-менеджмент – наука о том, как эффективно управлять временем. Чтобы не ощущать себя вечно

бегущим, вечно опаздывающим и вечно несчастным человеком, которому очень не хватает часов в сутках.

Люди чаще всего, планируя день, закладывают оптимальное развитие событий, и в этом проблема. Человек думает: «Так, мне до работы – час, а нужно приехать к девяти утра. Выйду в восемь и буду вовремя».

А потом начинаются форс-мажоры: долго едет лифт, забыл ключи, встретил соседа у мусоропровода – поболтали, поезд встал в тоннеле метро, забежал купить кофе и долго искали сдачу. Итого – опоздание. Вселенная вокруг живет по своему времени и своим правилам и не считается ни с чьими ожиданиями.

Мы все боимся потерять кошелек с деньгами. Что он выпадет или его вытащат – и не заметишь. Потерю времени мы не ощущаем. Потеря времени – это когда ты живешь не так, как хочешь, но прощаешь себя за это, думая, что скоро все изменится и будет другая жизнь, и вот в ней все можно будет исправить. Ничего не изменится само, изменить все можешь только ты сам.

Часто человек ежедневно теряет полные кошельки с минутами и не замечает этого. Когда у вас появляются дети, тайм-менеджмент становится совершенно непосильным искусством. Тут уже нужно просчитать и заложить в реальность не просто все форс-мажоры, но и особенности характера ребенка.

Например, моей дочери сейчас три года. Она упряма, придирчива, медлительна и самостоятельна. Она ходит в садик, который видно из окна. Идти четыре минуты. Нам нужно попасть в группу к восьми утра. Мы встаем в семь, то есть 60 минут минус четыре минуты равно 56 минут на сборы.

Сначала дочь нежится, капризничает, не хочет вставать. Потом умывается, чистит зубы, делает это долго и вдумчиво. Потом выбирает наряд, долго одевается, не позволяя помочь, с криками «я самааа», и, надев зеленые колготки, вспоминает, что хотелось бы розовые. И уходит искать розовые.

Я пропускаю этот факт через здравый смысл. В группе все равно придется снять колготки и надеть носочки, а это значит, ходить в колготках она будет те самые четыре минуты. Какая разница – зеленые или розовые?

Я жду, когда дочь наиграется и вырастет до такого возраста, что я расскажу ей о тайм-менеджменте. Но сейчас я жду и злюсь. Ну быстреееe.

Раньше я заметно раздражалась. Говорила: «Катя, не нужны тебе розовые, оставь зеленые! Мы опаздываем!» Катя начинала плакать. Она не понимала, почему мама к ней так жестока и не

хочет понять, что зеленые колготки совершенно невозможно носить. Сегодня. Завтра они впадут в милость, а сегодня впали в немилость.

Плачущий ребенок – черная дыра, в которую улетает моя энергия. Я от детского плача разряжаюсь мгновенно, как телефон на морозе. Более того, я уважаю ребенка и его проблемы, даже если мне непонятно, как можно безутешно рыдать из-за потерянной плюшевой собаки.

Мне непонятно это с моей взрослой колокольни, потому что я уже не мыслю категориями плюшевых собак, для меня это просто игрушка, давай купим другую, хочешь? А на ее крошечной трехлетней колоколенке эта собака – и друг, и защищенность, и стабильность, и гав-гав.

Поэтому ночью я, уложив детей, с фонариком шарюсь по двору и тем местам, где мы гуляли днем и могли посеять игрушку. Собака стоит копейки, а улыбка моей дочери – бесценна. Я ищу не собаку, а потерянную улыбку моей девочки. И мне это ценнее собственного сна.

Я хочу научить ребенка ценить время. Но сейчас, пока она мала, я могу научиться только ценить его сама. Мы трижды опаздывали в сад, нам делали замечание, я злилась на медлительность дочери и на зеленые колготки.

Но это неправильно. Это злится инфантильная маленькая Олечка, все еще живущая внутри меня и не берущая ответственность за собственную жизнь. А Ольга – уже взрослая мудрая женщина. Она понимает, что единственный виноватый в этой истории человек – она сама.

Поэтому на следующий день я ставлю будильник на 6:45. Да, еще на 15 минут сна меньше. Зато мы даже успеваем весело гульнуть перед садиком, проследить за киской, поиграть в снежки и обсудить елку. И все это в мире и согласии, а не в панике опозданий. Столько всего важного я приобретаю, потеряв всего 15 минут сна. Даже не потеряв, а заменив.

> Больше я не бешусь по утрам, потому что ничего не теряю. Я вдумчиво проживаю детство своих детей и наслаждаюсь им. Каждое утро мы выбираем, что наденем. Каждое утро мы выбираем настроение. Каждое утро мы выбираем, на что потратим нашу жизнь.

Я часто рассказываю сыну про время и ответственность. Говорю, что каждую минуту мы делаем выбор, на что потратить эту минуту. На разговор с мамой, игру в планшет, на сон или еду. И несем ответственность за этот выбор.

Время – единственный капитал, который невозможно у тебя

отобрать и украсть. Но часто люди сознательно теряют его, не ощущая ценности.

Сейчас очень модно учить детей финансовой грамотности. Но ведь грамотно тратить время – это такая же важная наука, как и грамотно тратить деньги. Особенно если учесть, что время – это невосполнимый ресурс.

Недавно мы с девятилетним сыном по его инициативе составили ему личное расписание, в котором есть и уроки, и сбор портфеля, и доброе дело на благо семьи, и обнимашки, и игры в планшет, и прогулки с друзьями. Мы как бы систематизировали его время, чтобы, засыпая, он думал о том, как много успел, а не что пропустил.

И если он хочет что-то еще включить в свой жизненный план, он должен понять, что это будет вместо чего-то, а не просто «еще и вот это». Нельзя просто «добавить спорт», никто не выдает спорт с дополнительным часом на спорт. Можно вычеркнуть, например, игры и вместо них вставить спорт. По-другому не работает.

Сын сам дирижирует своим расписанием. Вчера я попросила его помыть посуду в качестве доброго дела для семьи, но он не успел, потому что играл, и я помыла сама. Перед сном, обсуждая день, сын спросил:

– Мам, ты не обиделась, что я «прогулял» мытье посуды?

– Дась, я взрослая и давно ни на кого не обижаюсь. Это глупо. Я выбрала мытье посуды вместо приготовления запеканки из творога с изюмом, твоей любимой. Поэтому на завтрак будет овсянка.

– Я так и знал, что это выйдет мне боком, – засмеялся сын.

Есть такой смешной анекдот про маленького мальчика, которому подарили часы в четыре года, а время он определять не умел и поэтому на вопрос, который час, отвечал: «Пока неизвестно».

> Мы живем, и если задумываемся о ценности минут, то учимся системно управлять временем. Или наоборот – если не думаем об этом, то время стихийно управляет нами.

Мне кажется, ребенок становится взрослым, когда начинает замечать и ценить время. Только что три часа я потратила на написание этого рассказа, и я не знаю ничего более эффективного и продуктивного для себя, чем любимое дело.

Сейчас я отправлю рассказ редактору и пойду испеку сыну творожную запеканку. А то вчерашний урок, хоть и справедливый, оставил внутри меня тоскливое послевкусие. И мне теперь

хочется побаловать сына.

У – Урок

Можно идти из пункта А в пункт В, утонув в своем капюшоне, и думать: «Скорей бы пункт В». Полагать, что ничего вокруг не происходит, кроме того, что ты приближаешься к В. А можно идти вприпрыжку, оглядываться вокруг, замечать интересности и радоваться им. Тогда в пункт В ты придешь гораздо быстрее, хоть расстояние в обоих примерах одинаковое.

Это как в детстве: читая толстую книжку, один ребенок заглядывает в конец – много там еще осталось? А другой читает взахлеб и расстраивается, что она быстро закончилась.

С книгой жизни так же: можно жить взахлеб, а можно вымучивать по странице, переворачивать по дню и ворчать – ну много там еще? Нет правильных и неправильных ответов, просто потом, в самом конце, результаты бывают разные.

Я стараюсь жить и замечать происходящее: так гораздо интереснее. Замечаю людей, их настроение, погоду, природу, ситуации и ищу во всем хорошее.

Однажды мы с сыном стояли на перекрестке и ждали, когда загорится зеленый. У нас неудачно отрегулирован светофор, и ждать приходится очень долго: 120 секунд.

Сын стоял и вздыхал:

– Так скучно, когда ничего не происходит.

– Дась, да ты что! Всегда что-то происходит, просто научись это замечать! Вот мы стоим две минуты. Нам тяжело ждать, потому что мы опаздываем. Это значит, мы неугомонные и нетерпеливые. Мимо едут машины и соблюдают правила. Проехали пожарные – надеюсь, успеют. На противоположной стороне стоят мама и малыш. Мама уже несколько раз порывалась перебежать дорогу и наверняка бы перебежала, если бы была одна. А детей можно научить чему-то только своим примером, больше никак. И если она будет учить сына переходить дорогу на зеленый, а сама побежит на красный, малыш усвоит только то, что она сделала. Поэтому она стоит, хоть и нервничает. А вон дяденька купил лаваш в ларечке и выронил его в грязь. Не расстроился и кормит теперь гулек. Нравится мне этот дядя. И это все за две минуты, если включить опцию «замечать».

> Мне очень хочется научить сына замечать жизнь, а не бездумно проживать. Мы каждый вечер придумываем названия нашим дням, фиксируем их в памяти. Вчера у нас был День печенья, которое мы пекли вместе,

позавчера День тройки, потому что оценка была незаслуженной и опечалила сына, и мы долго разговаривали о справедливости, а позавчера – День потерянной, а потом найденной сменки, когда сын думал, что потерял ее, а оказалось, что забыл дома.

Однажды мы с Дасей бегали полдня по делам. Устали, спешили, впереди еще две важные встречи. Оба голодные, толком не завтракали. Забежали в маленькое кафе по пути, народу там почти не было, а значит, можно было надеяться, что нас быстро обслужат.

– Что есть из первого, что можно быстро нам скормить, а то мы спешим? – спросила я официантку с бейджиком «Валерия», не глядя в меню.

– Борщ вкуснейший, только сварили.

– Валерия, дайте два, пожалуйста. И счет сразу. Мы съедим и убежим, у нас времени совсем нет.

– Помните, в мультиках был такой персонаж – Вжик? Вот я его сестра, – шутит Валерия. – Я мигом.

Классная. Мы сели с сыном за столик, болтаем, минут через пять подходит Валерия с подносом. Я ее вижу, а сын нет, и он случайно опрокидывает тарелку локтем. Брызги попадают на джинсы сына и колготки Валерии.

– Ой, я нечаянно! – испугался сын.

Он и правда нечаянно, я свидетель.

– Ничего-ничего, – засуетилась Валерия. – Тебе не горячо?

Она помогала ему почистить джинсы, забыв про свои колготки.

– Дася, все в порядке, никто тебя не ругает, просто недоразумение… – подключилась я к устранению последствий.

Подбежала шустрая уборщица, ловко протерла пол, улыбнулась сыну, спросила: «Ты не напугался? Да все бывает в жизни!» – и успела напоследок, уходя, сделать комплимент моей прическе.

Ну какие тут люди милые! Я отдала Дане свой борщ – он медленнее ест, – мне через минуту принесли новую порцию. Мы быстро поели. Борщ оказался и правда невероятно вкусный. Валерия оперативно принесла счет. На два борща.

– Почему два? Мы же один разлили, тарелку разбили… Три борща должно быть. И тарелка.

– Это случайность, бой посуды – рабочий процесс. А разлитая порция не считается, мы оба там виноваты, – улыбнулась девушка.

– Давайте, может, пополам?

– Нет-нет, все в порядке. Вам вон джинсы еще стирать…

Я поразилась степени лояльности к гостям в этом кафе, мне немедленно захотелось их отблагодарить, и я оставила чаевые, покрывающие третью порцию борща и тарелку. Мне так захотелось. Я верю, что добро всегда возвращается бумерангом.

– А еще я хотела сказать спасибо уборщице, – говорю я Валерии. – Она у вас очень милая.

– Это не уборщица, это директор кафе!

– Ого, – поразилась я. – Вот… здорово.

Мы попрощались, выбежали из кафе и сели в машину.

– Дась, вот что ты сейчас заметил?

– Что мы поели. – Сытый сын развалился на сиденье.

– Что мы поели, – передразнила я его шутливо. – Дась, сейчас такой крутой урок был, жизненный, а ты не заметил.

Во-первых, про добро. Добро всегда возвращается. Мы разбили тарелку и пролили борщ, а с нас не хотели брать за это денег. В ответ они получат больше добра: я и чаевые оставила хорошие, и друзей буду водить в это кафе.

Во-вторых, директор кафе сама взяла швабру и вымыла пол. И хоть это ей не по статусу, нет труда, который делать стыдно. Стыдно воровать, а работать – не стыдно.

В-третьих, любая ситуация – проверка на адекватность: как ты себя ведешь, как люди вокруг. Все это, даже пролитые борщи и разбитые тарелки, происходит, чтобы научить тебя чему-то. Чтобы ты что-то понял про себя и про них. Понимаешь? – я посмотрела на сына.

Он уютно дремал на пассажирском сиденье. Вот еще один отличный урок: сытого ребенка не нужно пичкать знаниями.

Вечером, когда будем придумывать название дню, обязательно еще раз обсудим с ним все, что произошло. И день сегодня однозначно назовем Днем пролитого борща!

Сын смотрит передачу про мельницу. Спрашивает:

– Мам, а что такое жернова?

Я думаю, как ответить, а у мужа ответ уже готов:

– Это диагноз половины нашей страны после новогодних каникул: объедятся – и жирноваaa.

Ф – Фаворит

Комбинация – это нижнее белье. Носится под платьем, демонстрируется только мужу. У меня есть любимая розовая. Несомненный плюс – утягивает. Минус – мещанские розочки на бретельках. Я все порываюсь их отпороть, но порю еще хуже, чем худею, поэтому розы до сих пор цветут на бретельках.

И тут моя двухлетняя дочь обнаружила в сушке эту комбинацию. Катерина как раз находилась в процессе выбора нового фаворита. Фаворит – это игрушка, с которой она везде таскается, гуляет и спит: розовый еж порядком надоел, с зелеными граблями спать неудобно, а коричневая пластмассовая тефтелька из набора «Юный кулинар» вызывала у окружающих неизменный крик: «Оляяя, у твоей Кати в руках какое-то говно, отбери скорее!» Я, бросив половник, спешила спасать дочь и всегда была страшно рада, увидев коричневую пластмассовую тефтельку. У нее даже имя было – Фалафель.

Но даже тефтелька на днях была разжалована капризной императрицей Екатериной в каку, после чего стало очевидно, что она утратила свое магическое обаяние.

– Патье! – обрадовалась Катя, увидев мою комбинацию. – Катино!

И сразу же прибрала находку в свой рюкзачок с зайкой, тот самый, в котором сначала жил розовый еж, потом зеленые грабли, а затем Фалафель. Ничего не подозревающая о Катином выборе, а потому беззаботная, я вошла в комнату и стала собирать дочку на улицу. Надела ей комбезик и панамку, посадила в коляску и повезла в сад, прихватив рюкзачок. В саду я выгрузила сокровище, вручила рюкзачок и побежала по делам.

Детей в саду стали собирать на музыку и переобувать в чешки. «Время пришло», – поняла моя Катя и пошла переодеваться. Воспитательница, женщина опытная, знающая все детские капризы и шалости, впервые за 12 лет стажа потеряла дар речи, когда увидела госпожу Катерину, выходящую в длинном розовом платье на бретельках до живота. Воспитательница не сразу поняла, что это.

– Тамара Семеновна, а это вы Катеньку переодели? – озадаченно спросила она нянечку.

– Нет, что вы, – отреклась от увиденного нянечка.

Дети собрались вокруг Кати и рассматривали ее, как диковинку.

– Касиво патье, – одобрил Виталя.

Катерина, не обращая внимания на чужой завистливый восторг, сосредоточенно надевала чешки. У них сейчас будет музыка. Там они играют на гуслях, балалайках и танцуют под «Барбариков». Воспитательница стала уговаривать Катю снять комбинацию, но не тут-то было.

– Катино патье, – пояснила дочь еще раз для непонятливых.

– Катюша, оно длинное, ты можешь запутаться ножками и упасть, – озвучила воспитательница свою позицию.

Кате два года, она понимает речь очень контурно. Из всего спича воспитательницы она поняла только одно: у воспитательницы нет такого красивого платья и она хочет отобрать Катино. Очень жестокая женщина, но наивная: не на ту напала.

> Дальше была жаркая дискуссия, где воспитательница, няня и заведующая уговаривали Катю снять платье, а Катя включила МХАТ и отыгрывала по полной: истерила, рыдала, заламывала руки, куталась в комбинацию, как в последний оплот веры в людей.

Мещанские розы трепетали от жалости к ребенку. Через полчаса, когда два решающих аргумента – валокордин на сахаре для няни и варенько на хлебушке для Кати – были съедены, наконец нашелся компромисс: комбинацию снимаем, но берем с собой.

Катя шла на музыку по коридору детского сада в чешках и с каменным выражением лица, рюкзачок с комбинацией несла на вытянутых руках, как главное сокровище.

Музыкальный руководитель поприветствовала детишек и села за рояль. «Время пришло», – поняла моя Катя и пошла переодеваться. Доведенная до икоты приступами смеха учительница музыки чуть не отменила занятие. Еще бы: она чинно обернулась к детям и вместо ясельной группы вдруг увидела «Мулен Руж».

– Катино патье, – пояснила Катя грозно: на случай, если музыкалке оно тоже приглянется.

В обед, когда дети засыпают, наш детсадовский ватсаповский чатик оживает: воспитательница присылает отчет о том, как прошел день. Обычно я его не читаю и не смотрю: нет сил три недели следить за обсуждением, во что одеть детей для детсадовской фотосессии, которое завершается решением не фотографироваться вообще.

В тот вторник я краем глаза заметила, что чатик наполнен хохочущими смайлами, но значения не придала: наверное, обсуждают что-то важное, что отменят на следующей неделе. Когда я пришла в сад забирать дочь после сна, она еще спала.

– Знаете, мне так и не удалось уговорить ее на пижаму, – сказала воспитательница, не сдерживая улыбки. – Поэтому вот…

Я заглянула в спальню и увидела свою дочь. На кроватке, распластавшись и сладко раскинув ручки, спала безмятежным сном моя спящая красавица Катюша в моей розовой

комбинации…

«Господи, какой ужас, – подумала я. – Сегодня же приду и отпорю с бретелек эти мещанские розочки!»

Следующим фаворитом после комбинации стал селезень Витенька. Он все выходные прожил у нас дома. Катя выбрала его в орнитологическом экстазе, чтобы любить. Любовь в этом возрасте длится минут 20, но зато она чиста и непорочна.

> Все отвоеванные дочерью игрушки я сознательно называю именами тех, у кого Катя их отобрала. По этому принципу у нас гостил одноглазый пират Леночка, транзитом залетал самолетик Антошка, навсегда поселились карманный фонарик Иван Палыч, подаренный сердобольным соседом, и моток пряжи Консьержка.

Так проще вести реестр, чтобы потом, когда барыня забудет, тихо отдать владельцу отобранное, если еще актуально.

Селезень Витенька был ничем не примечательной детсадовской игрушкой. Обычная резиновая утка, отличающаяся только инвентаризационным номером. На пузе у селезня написано «Метод. каб. 86798753». Шифр из восьми цифр. Такое впечатление, что за безопасность селезня в методическом кабинете отвечает агент ЦРУ.

Не то чтобы Катя особенно трепетала от птичек, трепетала она, скорее, от частной собственности. Резиновый селезень приглянулся тихоне и отличнику Витеньке и был особенно прекрасен исключительно этим фактом. Катя подошла и раскулачила Витеньку: бессовестно выдрала из ладошек мальчика игрушку.

Витенька мальчик хороший, с прививками. Здравый смысл ему, видимо, привили вовремя: с женщинами лучше не связываться, сказали, ну их. Возьми селезня и играй. В случае, если женщина захочет селезня, – отмена миссии.

Кате бы родиться пару веков назад императрицей, челядью и собственностью бы распоряжалась отменно. Но она родилась в век смартфонов, соцсетей и ювенальной юстиции, поэтому все дворцовые перевороты происходят на глазах изумленной публики в лице детсадовской группы, воспитательницы и нянечки.

– Катина птитька, – прокомментировала дочка раскулачивание и, засунув птичку под мышку, ушла в покои.

«Птитька» с инвентаризационным номером из восьми цифр прогостила у нас все выходные. Сегодня мы вернем трофейного селезня Витеньку в «метод. каб.». Там он нужнее.

Собираемся в гости, опаздываем, я докармливаю дочку в комнате, не могу отойти и кричу мужу:

– Мишш, там в ванной сохнут Катюнины платьишки, посмотри и дай мне любое из высохших, пожалуйста.

Спустя минуту муж докладывает из ванной:

– Красное полусухое, белое сухое… – и через паузу добавляет: – Не квартира, а винный бар какой-то…

X – Холл

Вечер. Холл отеля, где мы отдыхаем семьей. Мы с мужем, разморенные солнцем, пьем чай. Трехлетний сын играет в догонялки с каким-то сверстником.

Тут сверстника уводят спать, сын остается один. Он неизбежно расстраивается и… ложится на пол. Лежит, подперев личико кулачками.

Я, уставшая, вяло прошу мужа:

– Миш, пойди, подними Дасю, скажи ему, что на полу нельзя лежать.

– Неее, – отвечает муж. – Он объелся на ужине и ему лень двигаться. Он же никому не мешает.

– Но это же неприлично! – возмущаюсь я.

– Да? Зато безопасно, – настаивает муж.

– Он на полу замерзнет.

– На улице +25. Холодно? От слова «холл», что ли? – шутит муж.

– Миш, подними его – люди смотрят.

– И что? Никто об него не спотыкается. Пусть смотрят.

– Неловко как-то. Вон пенсионеры в панамках качают головами осуждающе… Подними.

Муж встает из-за стола, подходит к сыну и… ложится рядом.

– Понимаешь, сын, – говорит муж так, чтобы я слышала. – Люди придумали целую кучу правил. Есть правила злые и добрые.

– Плавила это сто?

– Это когда что-то нельзя. Злые правила нужно выполнять обязательно: ну вот, например, нельзя играть там, где ездят машины. Нельзя лазить на подоконник без мамы. Нельзя трогать кипяток.

– Низя кидать в Петю песком, песок может попасть в газки, – продолжает Дася, что-то вспомнив.

– Точно, – соглашается муж. – Но есть правила добрые, которые как бы говорят: «Лучше не надо». То есть ты можешь что-то сделать, ничего страшного не случится. Но лучше этого не делать.

– Кому лутьсе? – спрашивает сын.

– Отличный вопрос, Дась. Мать, ответишь?

Я закатываю глаза. Пенсионеры в панамках в открытую смотрят на нас. Смотрят с осуждением и, как мне кажется, интересом.

– Посмотри вокруг. – Муж в педагогическом ударе. – Кроме

нас с тобой, Дась, кто-нибудь лежит на полу?

– Нет, – оглянулся сын.

– Ну вот. Это можно делать, но лучше не надо. А то вдруг сейчас все улягутся на пол, а дядя с подносом пойдет, споткнется о чью-то ногу, упадет, все разобьет, разольет, бум-бам-тарарам…

Дася хохочет – ему хочется это увидеть. Поучительная проповедь имеет обратный эффект.

– Даня, ничего смешного, дядя же ударится, шишку набьет! – Муж резко меняет выражение лица.

– Ты хотесь, чтобы я встал? – догадался сын.

– Хочу. И мама очень хочет, – кивнул муж.

– Я встану, если ты вечелом перед сном дашь мне планшет. Я постлеляю птичками в свинок.

– Оль, наш сын лежит на полу – это полбеды, – говорит мне муж. – Но он еще и торгуется! С этим что делать? Мой урок окончен, твой выход.

> Я смеюсь: обожаю мужа за то, что он пробует этот мир на зубок. Ему недостаточно слова «нельзя», он хочет понять, почему нельзя. Он живет вдумчиво и учит этому меня своим примером.

К нам подходят пенсионеры в панамках. Спрашивают:

– Можно с вами сфотографироваться?

– С нами? – удивляюсь я.

– С вашими мальчиками. Только пусть они лежат! Мы все видели и слышали. Мы хотим это детям рассказать. У нас внук возраста вашего мальчика, нам очень понравилось про нельзя, но можно.

Миша и Дася лежат на полу, пенсионеры встают рядом, я делаю памятный кадр.

> Они всю жизнь думали, что нельзя – это нельзя и не обсуждается. Не анализировали, принимали на веру. А оказывается, можно примерять правила на себя и корректировать их в зависимости от ситуации.

– Ну все, Оль, – говорит муж, поднимаясь и поднимая сына. – Пойди узнай, когда и кто в этом отеле расплатится с нами за анимацию. Я не собираюсь веселить отдыхающих бесплатно!

Я опять смеюсь. Мы устало плетемся в номер. Сын вприпрыжку бежит впереди, предвкушая стрельбу птичками в свинок.

Дася лепит из пластилина снеговика, но пластилин у него

коричневый – другого не нашел. Муж, проходя мимо, оценивает поделку сына:

– Какой классный… снеговничок.

Ц – Цена

В четыре года мой сын, усвоив азы математики, проявил здоровый интерес к содержимому моего кошелька. Его интересовало, откуда там появляются финансы, и принцип, по которому они исчезают.

– Этот принцип интересует не только его, – многозначительно заметил муж, когда я предложила ввести в образовательную программу сына курс элементарной финансовой грамотности.

Итак, на свой пятый день рождения сын получил новый кошелечек с хитрым мышонком на обложке. Кошелечек не пустой – внутри лежала пятитысячная купюра. Сначала я, опасаясь, что сын расценит эту купюру как игрушку и порвет или разрисует, на всякий случай убрала деньги к себе.

– Мам, а где пять тыщ? – спросил расстроенный сын, глядя на хитрого мышонка на обложке пустого кошелька.

– Добро пожаловать в мой мир, сынок, – ернически прокомментировал муж.

Пришлось отдать ребенку деньги, сопроводив возврат дополнительной лекцией о ценности рубля. Спустя пару дней мы с сыном пошли в супермаркет за продуктами. Я взяла большую

тележку, он – маленькую. В условленном месте – у стеллажа с конфетами – мы разошлись, договорившись встретиться здесь же через 15 минут.

Накидав в тележку всякой снеди, я вернулась на место изначальной дислокации. Сын тоже вальяжно подкатил свою тележку, доверху утрамбованную всякой сладкой всячиной. Помимо вороха разномастных конфет, жвачек и йогуртов, там лежала куча чипсов и большая бутылка табаско.

– Зачем тебе это?

– А разве это не сок?

– Это горький сок, только для взрослых.

– Ну выкладывай.

– А зачем тебе пять килограммов гречки?

– Мам, – растолковал мне сын. – Я беру то, до чего дотягиваюсь, а не то, что хочу…

Проверив содержимое его тележки и выложив кое-что ненужное, я дала сыну калькулятор, и он сложил на дисплее все цены. В его тележке лежало товаров на 430 рублей.

В очереди он стоял первый. Сам выложил все на ленту. Сам полез в кошелек, сам дождался сдачи и сам совершил свою первую покупку.

Мужик, стоящий за мной, цокал языком, демонстрируя нетерпение, но я строго осадила его:

– Потерпите, пожалуйста. Когда ваш сын будет учиться финансовой грамоте, я тоже с удовольствием потерплю.

Взгляд у мужика потеплел, и он понимающе улыбнулся.

На следующий день мы всей семьей зашли в детский магазин, где мне нужно было выбрать сыну резиновые сапоги. Дася по традиции затребовал железную дорогу за 17 тысяч рублей и по той же традиции стеллаж оказался «закрыт на переучет».

– Ты обманула пятилетнего ребенка, можешь гордиться собой, – тихо, чтобы Дася не слышал, прокомментировал муж.

– А ты предлагаешь прочесть ему лекцию о финансовой нецелесообразности покупки?

– Нет. Просто пусть теперь выбирает игрушки на сумму, которой располагает.

Пока мы выясняли отношения, подошли к кассе.

– С вас 2200 рублей, – назвала улыбчивая кассирша сумму покупки.

Муж протянул карту.

– Ой, к сожалению, у нас сегодня проблемы – нет связи с банком. Принимаем только наличные.

Муж растерянно обернулся ко мне:

– У меня нет наличных.

– У меня тоже, – озадачилась я. И тут…

Та-дам! Дасин выход! Он отодвинул нас ладошкой и, обращаясь к кассирше, уточнил:

– Сколько с меня?

– 2200.

Дася покопался в хитром мышонке и протянул три тысячные бумажки. Мы с мужем стояли рядом, как нашкодившие школьники. Дася взял сдачу, покупку и вышел из магазина. Муж побежал за сыном:

– Я дома тебе все отдам, Дась!

Дася величественно обернулся, оглядел отца снизу вверх и выдал, копируя папину интонацию:

– А с вами, молодой человек, мы дома разберемся.

Щедрость и чувство юмора – повод смеяться и гордиться одновременно. Мне хотелось, чтобы маленький сын понял, что такое деньги и что они не возникают в кошелечке просто так.

Однажды мы с ним смотрели мультик про девочку, которая получала дублоны за то, что проходила испытания и выполняла задания. Мы придумали свою систему дублонов, семейную. В роли дублонов были десятирублевые монетки. Мы оценили все виды деятельности в дублонном эквиваленте. Например:

Уборка комнаты (убрать игрушки, навести порядок) – 5 дублонов

Помощь маме или папе – 3 дублона

Полить цветы – 1 дублон

Чтение и занятия – 5 дублонов

Спорт (пресс и подтягивание) – 3 дублона

Выучить стихотворение – 2 дублона

Заработанные дублоны можно тратить на:

Игры в планшет – 5 дублонов за 20 минут

Мультики – 5 дублонов за 30 минут

Мороженое – 1 дублон

> Нам хотелось, чтобы сын понял, что у любого «хочу» есть цена. Цена – это стоимость продукта, помноженная на важность владения им. Она показывает, насколько сильно ты хочешь эту вещь и сколько готов вложить сил, чтобы заработать на нее.

Там, в будущем, когда сын вырастет, он увидит: ничто не падает с неба. Но это можно понять уже в детстве, когда так сладко играть во взрослую жизнь.

Дася пьет лекарство от кашля «Стодаль» и приговаривает:

– Эх, я стодалец…

Ч – Чуйка

Один глаз у него залеплен слепым бельмом. Это не сразу заметно, потому что он сильно лохмат. На спине – шрам. На вид – грозен и хмур. Но по характеру – нет никого добрей.

Наши дачники прозвали его Кутуз – за один глаз, а еще в память о том, что он был собачьим полководцем, главарем местных бездомных собак, пока однажды ночью все его войско не поймали и не увезли в закрытой машине в неизвестном направлении.

Это было давно, когда местность только готовили для будущих дачников: подсушивали болота, вырубали буреломы, чистили пространство от опасности.

У соснового леса появилось первое садоводческое товарищество: дома росли как грибы. Потом второе – у смешанного леса. Потом третье – у железнодорожной станции.

> Родители заняты стройкой, дети целыми днями предоставлены сами себе. Мне 13, я не люблю дачу: мне скучно, я боюсь насекомых. Не хочу полоть и сажать. Дача для меня как повинность, хотя мама говорит, что старается для меня.

Летом на даче случилась трагедия – в лес улетел любимый попугай. Я бежала за ним к опушке, кричала, звала. Дома он выдыхался через два круга по комнате, садился на мое плечо и тяжело дышал, а тут – от страха или от счастья – стремительно направился в сторону леса и скрылся в кронах деревьев.

Я страдала: не ела и не спала. Каждый день ходила в лес в надежде, что Кешка узнает меня и радостно сядет на плечо. Большую часть дня я проводила на опушке. Именно там я впервые увидела Кутуза.

Он шел вдоль дачных заборов, искал еду. Заборы люди построили раньше домов. Они защищали свои границы, даже если внутри этих границ нечего было защищать. Очень важно было обозначить свою территорию, а потом уже наполнять ее постройками.

Кутуз был грозен на вид, но я интуитивно поняла: этот не обидит. У меня чуйка на доброту.

– Если ты подождешь меня здесь, я принесу тебе еду, – сказала я.

Кутуз кивнул и сел ждать. Он не знал человеческого языка, но интуитивно понял: эта не обидит. У него, вероятно, тоже чуйка.

Я сходила домой и принесла ему остатки завтрака: сыр и яичницу с сосисками. Кутуз ел медленно, нежадно.

– Я утром давал ему кашу, – сказал мальчишка-сосед, вдруг возникший рядом.

– И я кормила, – подошла девочка из соседнего дома. – Он не голоден.

– У него глаза нет, видели? – коротко стриженный соседский мальчуган задрал челку собаки. – Его за это Кутузовым зовут. У Кутузова тоже не было глаза: он его в ледовом побоище потерял.

– Чушь не неси, – строго сказала восьмилетняя, самая

младшая девочка. – Он с французами воевал…

Через Кутуза я познакомилась сразу со всеми местными детьми. Мы стали компанией выгуливать «нашу собаку». Вечерами делали общий костер. Я даже как-то примирилась с дачей, у нее появился новый смысл: друзья, прогулки, Кутуз.

Однажды мы придумали искупать Кутуза: долго грели воду на солнце, нашли старый таз, залепили дырки пластилином, пошли к болоту, чтобы там после мытья расчесать космы Кутузу, девочки хотели заплести ему дреды.

Вечером мы налили в таз теплой воды, развели в ней шампунь и мыло, даже нашли мочалку, шутили, что Кутуз – сам мочалка. Затащили в таз ошалевшего Кутуза, мылили его отчаянно, а он по-стариковски сопел и шутливо вырывался, но позволил елозить по своему телу десяткам мыльных детских ладошек. А потом, когда мы должны были смывать с него мыло новой порцией теплой воды, Кутуз вдруг сбежал от нас и закончил мытье в грязном болоте. Мы очень любили этого бездомного доброго пса.

– А косичкиии, – кричали девчонки и махали ему расческами. – Кутузик, ну иди сюдааа…

Осенью мы начали переживать, как Кутуз перезимует. Забрать его домой, в город никому не разрешили бы. Помню, как мы учили его делать запасы на зиму, закапывать еду в определенном месте, а потом сами закопали ему поздней осенью съестные припасы – кости – под домом сторожа, и ранней весной с замиранием сердца гнали туда родителей, узнать: как он там, наш Кутуз.

Однажды летом мы, гуляя большой компанией, добрели до крайнего садоводства у соснового леса. Кутуз сопровождал нас всю дорогу, а перед воротами того садоводства вдруг сел как вкопанный и не пошел внутрь.

Мы пришли на разведку. Поговаривали, что тут открыли палатку и торгуют хлебом и молочкой, вот мы и шли узнать, так ли это.

Палатку мы нашли: я купила сметану, кефир, хлеб и ждала остальных у входа, со мной был Кутуз. Я наливала на руку сметану, а пес слизывал ее шершавым языком. Мне было щекотно, я смеялась.

– Это ваша собака? – спросила женщина из крайнего дома. – Уберите, тут у всех дети.

– Это наша, она не кусается.

– Я знаю, но такие собаки должны быть на поводке и в намордник, мало ли что. Животное же. Он ходил к нашим тут, но не прижился.

Я помню, как поразилась этому «не прижился». Кутуз? Добрый, милый, благородный Кутуз не прижился?

– Знаете, я ни разу не слышала, чтобы он лаял, – сказала я, адвокатируя доброту Кутуза.

– Да я про другое. Лишай какой-нибудь принесет еще – бездомный же пес.

Я поняла, что Кутуз не идет туда, потому что чувствует: его там не любят. Видимо, ему доходчиво дали это понять.

Мои друзья вышли из ворот, мы побрели домой. Я шла в толпе и думала про лишай. Я не знала, что это такое и почему Кутуз должен его принести, и не понимала, почему наши родители не боятся лишая и разрешают нам играть с Кутузом, а другие боятся.

А потом Кутуз пропал: просто не пришел одной весной. Может, пал смертью храбрых в бою, как и полагается полководцу, а может, просто замерз той лютой зимой в своей лохматой шубе. Но я хочу думать, что он нашел кого-то лучше нас и прижился там.

> Я учу детей любить животных своим примером. Они видят, что я люблю, и тоже любят. У нас дома живет залюбленная и затисканная кошка Ладошка – самая счастливая кошка на свете.

Я рассказываю детям, что животные беззащитны перед человеком и отражают его поведение.

Сын любит рассказ про Мансура, который показывает суть взаимодействия животного и человека. Мансур – это медвежонок. Очень смешной, косолапый. Охотник убил его маму, а Мансура пожалел – подкинул людям. Какая-то странная, избирательная доброта. Мансур был маленький и не запомнил злого охотника. Он не успел приобрести чуйку на ненависть. Ему не было и месяца, когда его подкинули на аэродром. Летчики увидели напуганного и голодного мишку, дрожащего от страха и неизвестности. Он был таким маленьким и беззащитным, что они просто не смогли его прогнать. Оставили, откормили, полюбили. Назвали Мансуром.

У Мансура тогда еще не угас сосательный рефлекс, он любил обслюнявить протянутую ладонь, по-детски обхватить подошедшего за колени. Настоящий малыш. Мансур освоился, стал дружелюбным и игривым сыном полка. Летчики аэродрома малой авиации Орловка обожали Мансура, стали ему родителями.

Медведь, познавший доброту человека, не сможет больше вернуться в лес – он погибнет. У него теперь чуйка на доброту. В

лесу – охотники. Они придут и убьют его, как убили его маму. Охотник – это тоже человек, как летчик.

Но этот мишка знает только летчиков и думает, что все люди добрые, как они, может доверчиво подойти и получить пулю в лоб. Получается, отпустить медведя в привычную его среду – лес – это убить его.

– Все люди разные, Дась, – говорю я сыну. – Бывают добрые, бывают злые. Все разочарования в жизни случаются от того, что если рядом с нами люди, которые, например, любят животных, нам кажется, что все такие, и рождается иллюзия, что весь мир населен только добряками. А это не так.

Однажды мы с сыном шли домой поздно вечером. У меня был тяжелый день, я забыла сменку и весь день провела на каблуках. Это было изнурительно. Плюс я несла сумки с продуктами. Сын тоже нес, но полегче. Вдруг мы увидели маленького котенка. Он жалостливо мяучил и явно был голоден.

– Мам, смотри, – растрогался сын, присел на четвереньки. – У нас есть что-нибудь мясное?

Как назло, ничего мясного и молочного у нас не было. До магазина недалеко, минут пять, но я так устала, ноги гудят, сумки…

> Я посмотрела в умоляющие глаза сына. Поняла, что нам придется пойти в магазин за сосисками, потому что любовь – это действие. Иногда ради любви нужно встать и пойти на гудящих ногах в магазин. Потому что говорить ребенку «люби животных», а самой проходить мимо голодного мяукающего комочка – это антиурок любви.

Мы взяли сумки и вернулись в магазин. Купили сосисок, накормили котенка. Пошли домой, сделав мир чуточку добрее. У тех, в чьем сердце живет любовь, всегда есть силы на добро.

Ш – Шаг

Обычно сына на воскресный кружок по ментальной математике вожу я, но сегодня меня подменили муж и дочка. Пока Даня был на кружке, муж гулял с дочерью на детской площадке. Минут за десять до конца занятия наша двухлетняя Катюня умудрилась упасть в лужу, в самую грязь. Курточка, штаны, шапка и даже носик – все замарали.

Муж не растерялся и побежал в ближайший ТЦ замыть стекающую грязь с одежды ребенка. В итоге наш восьмилетний сын вышел после занятий, видит – папы нет. Он оделся – папы нет. Других детей разобрали родители, а папы нет.

Сын растерялся. Вышел на улицу и стоял у подъезда, перебирая варианты, что делать. Через пять минут прибежали папа с дочкой. Весь путь домой обсуждали, что делать, если взрослые не встретили сразу после кружка. До дома две станции метро, ребенку восемь лет.

> Мы с мужем сразу договорились, что главное качество, которое будем развивать в детях, – сообразительность.

Самое важное – научить ребенка пользоваться головой по назначению: думать. Поэтому мы частенько предлагаем ему решить всякие житейские ситуации, и этот тренинг называется у нас «Что делать, если».

Что делать, если ты вошел в вагон метро, а родители не успели. Что делать, если в открытую дверь выбежала кошка. Что делать, если… Так что игра «Что делать, если» полезна не только детям, но и взрослым.

В основном мы прокачиваем сына следующим образом: он думает над ответами, а мы накидываем варианты, усложняя задачу.

– Дася, что делать, если ты вышел, а папы нет?

– Стоять на месте и ждать папу.

– А почему на месте, почему, например, не пойти к метро?

– Потому что папа понятия не имеет, что мне взбредет в голову, и он пойдет забирать меня там, где оставил. Тем более что от метро пятью дорогами можно идти. Разминуться легко.

– Правильно. Но вот стоишь ты, стоишь. Папы нет 20 минут, полчаса, час. Ты замерз, проголодался… Что делать?

– Я вернусь в кружок, там охранник, попрошу позвонить родителям.

– Родителям охранника?

– Моим родителям! Тем самым, которые меня родили, в кружок отвели и забыли там, – хохочет сын.

– А охранник говорит, что не знает телефона твоих родителей.

– Ваши телефоны я два года наизусть знаю.

– Ладно, тогда охранник говорит: нет у меня телефона! Тогда что?

– Тогда я… О, у меня в куртке 100 рублей есть! – радуется сын находке.

– Так, и что?

– Я пойду в магазин, куплю гамбургер, поем и сытый пойду домой пешком, ведь денег на проезд нет. Я путь знаю.

– Дась, ну ты не в голодный обморок падаешь, ты просто голоден. Уверен, что это эффективно, спустить сотку на еду?

– Просто я, когда голоден, вообще не соображаю. А никаких гарантий, что я приду домой, а там кто-то есть, кто накормит. Явно же случилось что-то. И я голодный останусь…

– Ладно, ты нашел в кармане шоколадку и съел.

– О, а у меня в кармане кроме сотни и шоколадки попить нет? Я после сладкого пить хочу.

– Мальчик, ты потерялся, помнишь? – смеется муж. – Ладно, попил из кулера у охранника. Итак, ты сытый, с деньгами, родителей нет, охранник тебя не пускает больше, надоел ты ему, но тебе по-прежнему восемь лет.

– Вообще, конечно, странно. Охранник должен вызвать полицию и сказать, что тут мальчик.

– А зачем, что же ты, преступление какое-то совершил? В тюрьму хочешь? Там, кстати, бесплатно кормят.

– Полиция не только на преступления выезжает, может и просто, если беспорядки…

– То есть можно вызвать полицию в твою комнату? Алло, полиция, тут такой беспорядок!

– Нееет, – хохочет сын. – Просто полиция наводит порядок, и, если кто-то потерялся, она помогает найти родителей. Не только же в тюрьму…

– Сын, все правильно. Но вот охранник такой попался, правил не знает, как себя вести не знает, в полицию не звонит. У него ж даже телефона нет, помнишь?

– Тогда я спущусь в метро, куплю поездку, доеду до дома. Я знаю, как от метро идти.

– Отлично. Подумай, как еще можно потратить 100 рублей, кроме проезда и еды. В твоем случае…

– Можно попросить позвонить у незнакомого прохожего. И

заплатить за звонок.

Мы с мужем переглядываемся – довольны рассуждениями сына. Для восьми лет вполне себе ничего.

– Дася, первая версия – самая правильная. Если ты вышел и никого нет, стой там, где тебя оставили, и жди.

– Я так и сделал!

– Ты молодец!

Игра «Что делать, если» появилась в семье в результате одной интересной истории. На крышу нашей машины был приделан багажник. Он был похож на лодку – очень вместительный. Нам его одолжили друзья для переезда, вещь была чужая, и мы берегли его как зеницу ока.

На форумах пишут, что такие багажники – ходовой товар и их часто воруют. Открутить багажник действительно несложно, и для мужика он не тяжелый, а стоит прилично. В общем, для воров такой багажник – легкая добыча.

Вооруженные этим знанием, мы не оставляли багажник надолго без присмотра. Однажды муж и сын ехали в машине, на крыше которой – напоминаю – багажник. Внутри его – мои шмотки и туфли. Туфли – моя любовь, я без них не могу.

Едут, значит, мои мужики. Вдруг муж захотел есть. Муж припарковал машину на перехватывающей парковке. Это большое неохраняемое пространство без людей. Машин много, людей мало.

Недалеко от этого места делают вкуснейшую шаурму. Муж хотел метнуться с сыном за едой, но тут заметил, что сын заснул. Муж решил не будить пацана. В конце концов он оставит семилетнего ребенка в теплой машине на пять минут. Никакого криминала: закрыл машину и ушел за едой.

Далее – детектив. Мой семилетний ребенок просыпается в машине от того, что двое мужчин откручивают с крыши багажник. Точнее, он не понял про багажник, он понял, что они в опасной близости от авто что-то мутят, а папы рядом нет.

Сын испугался. Где папа, как его позвать? Что делать, что?

– Вот что бы в этой ситуации на месте сына сделала ты? – спросил муж.

– Ну я… закричала бы от ужаса.

– В запертой машине на стоянке без людей? Неэффективно и нелогично, – отверг муж мой вариант ответа.

– Это женская логика. Орать от ужаса – очень даже логично, – обиделась я.

Логика – она как беременность: либо есть, либо нет. Поступки могут быть логичными и нелогичными. Так считает мой муж. Еще он отказывает логике в возможности классификации ее на женскую и мужскую. Женская логика равно отсутствие логики, по мнению мужа.

Обычно я спорю с ним до хрипоты, до изнеможения. Не люблю, когда он оказывается прав.

– Ну, подумай еще, – просит муж.

– О, я знаю! Знаю! Я… – загадочно подмигиваю, – на полную громкость врублю музон!

Муж начинает хохотать.

– И как это поможет спугнуть воров? Они пустятся в пляс? Тогда нужно угадать с репертуаром! Если это грузины воруют, то лезгинку. Если цыгане – то «К нам приехал, к нам приехал…», если женщины, то Стаса Михайлова включить, если подростки, то Бибера.

Мужу очень весело.

– А что, что нужно сделать? – Я обиженно дую губы.

– То, что догадался сделать твой семилетний сын. Бибикать! Клаксонить на всю округу! Он и воров спугнул, и я, не дойдя до палатки, обратно метнулся. И спас ситуацию!

> Я очень гордилась, что сын сообразил, как поступить, и мы стали развивать этот скилл – думать, «что делать, если».

Недавно у нас стало продувать окно. Дома были муж, сын и дочь. Муж полез смотреть, что не так. В комнате находился и сын тоже. Он решил, что окно открыто и папа слишком опасно подошел к краю.

– Папа, осторожнее, – закричал сын.

– Не бойся, я в безопасности, – успокоил его муж.

– Я испугался, что с тобой что-то случится, – выдохнул сын.

– Но давай подумаем, как бы ты действовал, если бы и правда со мной что-то случилось. Ну, например, я потерял сознание. Ни с того ни с сего. Бух.

– Так… ну не знаю, сначала позвоню маме. Или в «Скорую», чтоб быстрее тебя спасали.

– Так маме или в «Скорую»?

– В «Скорую».

– Как позвонить в «Скорую»? Какой номер?

– Не знаю, погуглю… Шучу, 103 или 112.

– Так, «Скорая» едет. Дальше?

– Дальше маме.

– Мама не берет трубку. Она… ну не знаю, летит на самолете и сейчас недоступна.

– Ладно, тогда я одеваю Катю. Когда приедут врачи, мы с ними поедем помогать тебя спасать.

– Точно помогать, Дась? Катя – малыш, она требует внимания.

– Тогда не поедем. Позвоню кому-то еще: дедушке, друзьям вашим…

– Зачем?

– Сообщить, что папа заболел.

– Похвастать?

– Ну пап, не шути так. Я спрошу у них, что мне делать. Может, как-то спасать тебя.

– Так. Тем временем Катя замочила колготки…

– О нет. Я занят, я спасаю отца. Пусть походит мокрая.

– Как ты спасаешь отца? Ты то кому-то звонишь, то одеваешь и раздеваешь сестру, а я лежу без сознания, никого не трогаю.

– А, я в фильме видел! Я вылью на тебя стакан воды! В лицо.

– О, спасибо, хоть от жажды не умру, – смеется муж. – Ну мало ли, что со мной. Может, не надо никакой воды…

– А что тогда?

– Ты был на правильном пути, когда думал, как подключить к спасению взрослых.

– А, я понял! Я побегу и позову соседей!

– Бинго!

В общем, в ближайших планах – отдать ребенка на курсы оказания первой помощи.

Самое интересное в этой игре – попытка выработать пошаговую стратегию. Стратегию выхода из кризиса.

Каждый шаг – это новое решение. Он его искал, он думал, он прикидывал, куда наступить. Сюда? – нет, болото. Сюда? – тоже нет. А, вот сюда! Отлично! Еще один шажок!

Абсолютно правильных ответов не существует, ведь в любой экстренной ситуации все действия будут поделены на страх и растерянность. Тут не то что ребенок – тут и взрослый растеряется.

Но поиск этих шагов – это уже действие, уже спасение. Их необходимо найти и совершить. И даже сам поиск этих шагов – уже большой шаг. Не поддаваться панике – искать.

Мне кажется, такая проработка вооружает ребенка именно способностью думать и просчитывать, будучи в спокойном состоянии, как действовать в кризисе. Надеюсь, эта игра никогда

не пригодится моему сыну и эти шаги так и останутся игрой, а может, наоборот, когда-нибудь она поможет спасти кому-то жизнь.

Самая страшная игра – это игра для взрослых в «что делать, если твой ребенок не хочет думать».

Однажды всю неделю сына в сад отводил и забирал оттуда муж. Как-то вечером он объявил, что в саду открылась секция самбо и Дася в нее уже записан, потому что он мальчик, а мальчики должны уметь драться.

Я радостно поддержала эту инициативу. Вечерами папа с сыном репетировали постановочную ситуацию «на Дасю напал хулиган»: сын, защищаясь, отчаянно лупасил по животу отца. Предполагалось, что при такой подготовке в секции самбо Дася будет лучший.

Вчера забираем сына из сада вместе. Спрашиваю Дасю, как прошел день. Он восторженно рассказывает, что было занятие по самбо.

– Ну и что вы на нем делали? – уточняю у сына.

– Мы вот так ножкой делали и вот так бедрами крутили под музыку…

Оборачиваюсь к мужу:

– Поздравляю, отец. Вместо борьбы ты отдал сына в танцы. Если на нашего мальчика нападет хулиган, он защитится блестящей самбой…

Щ – Щеколда

Однажды я вела лекцию на большую аудиторию, там было человек 100. Рассказывала историю, как я, будучи блогером, написала пост о мальчике, у которого была онкология, и люди, прочитавшие пост, смогли ему помочь: они сдали кровь, стали донорами тромбоцитов, и это спасло ему жизнь на том этапе.

– Мальчика звали Артем, – сказала я. – Фамилию не помню. Пусть будет Круглов. И вот люди, сдавая кровь, говорили, что они сдают ее конкретно для Артема Круглова. И таким образом, Артем получил нужное количество тромбоцитов.

После лекции ко мне подошла бледная женщина:

– Можно вас на минутку?

Мы отошли, и она сказала:

– Я сейчас чуть в обморок не упала. Дело в том, что у меня очень сильный страх за своего ребенка. А еще я верю в знаки. И вот сейчас я слушала лекцию, и вы рассказали про мальчика с тромбоцитами. Понимаете, моего сына зовут Артем Круглов. Все, что было потом, я не слушала. Я просто не могла пережить тот факт, что вы как будто намекнули мне, что он заболеет.

– Господи, – испугалась я. – Да у того Артема совсем другая фамилия. Не придумывайте ради бога. Я фамилию вообще с потолка взяла, хотите, я найду тот пост?

– Нет-нет, я все понимаю. Это все мой страх – никак его не преодолею. Сыну уже шесть лет, а я каждый день живу в холодном поту, что с ним что-то может случиться.

Женщина выглядела несчастной и растерянной.

– Мне понятны ваши страхи, все мамы боятся за своих детей. Но вы в ожидании черного дня делаете черным день сегодняшний! Это прежде всего отражается на качестве жизни вашего сына, понимаете? Вам кажется, что вы его бережете, а на самом деле оказываете ему медвежью услугу.

> Я в свое время спасла себя именно этими мыслями и благодаря им выкарабкалась из страхов. Когда, например, я не пускала ребенка гулять со сверстниками, которые чихают и шмыгают носами, мне казалось, что я спасала его от болезней, а на самом деле спасала от жизни.

Потом мы с этой женщиной сидели в кафе, и я рассказывала ей свою историю. Когда мы готовили дочь к операции, нужно было сдать много анализов и пройти много врачей, и мы часто

бывали в поликлинике.

В поликлинику ходят здоровые и болеющие дети вперемешку. Я об этом никогда не задумывалась, пока мы не оказались в критическом положении. Операция, которую мы ждали, должна была вернуть дочке слух, потерянный в результате менингита. Другого шанса сделать эту операцию у нас не было, потому что после этой болезни ушная улитка стремительно закостеневает.

На кону – здоровье дочери, это единственная возможность вернуть ее обратно в мир слышащих людей. Если она схватит грипп или ангину, то все усилия тщетны.

Передо мной стояли две задачи – дожить до дня операции, не заболев, и пройти диспансеризацию со сбором анализов. Они противоречили друг другу. Если ходить в поликлинику каждый день, то непременно кто-то на нас чихнет или кашлянет, а безжалостный вирус обязательно набросится на зазевавшуюся дочку и поселится в ее ослабленном после менингита организме.

Я помню, как режиссировала каждый наш выход из дома, искусственно организовывая пространство, свободное от людей. Это была настоящая операция, любые спецслужбы позавидовали бы мне. Все анализы, которые можно было сдать дома, мы сдали дома. Все, что нельзя, мы сдавали в частных центрах, когда там никого не было.

> Я вела себя как преступник, взявший заложника: врывалась в больницу в маске и, приставив маску к носу дочери, кричала администратору: «Мы записаны к неврологу, быстрее осмотрите ее!»

Однажды я срежиссировала очень напряженный день. Мы собрали справки от врачей и даже прокрались на прием к заведующей после рабочего дня в опустевшей районной поликлинике. Возвращаясь домой, уже в подъезде мы пропустили два лифта, потому что хотели ехать в нем одни, а не вместе с заболевающим соседом.

Мы с дочкой пришли домой, я стала рассказывать мужу, как дела, и вдруг сын, который сидел и делал уроки, громко чихнул. Я вздрогнула всем телом: чувствовала себя солдатом, который вернулся с передовой домой и обнаружил там врага. Враг, потенциальный вирус, притаился в моем сыне.

И вдруг всем нутром я ощутила слово «неподвластно». Я не могу уберечь дочь от всех опасностей на свете. А есть еще силы обстоятельств, и эти обстоятельства мне не подконтрольны.

Я не могу организовать дочери отдельный космос, где нет бактерий, вирусов и опасностей. Я могу, например, изолировать ее по возможности от болеющего брата или надеть

дополнительные носочки, если на улице холодно, но сделать так, чтобы она гарантированно не заболела, не могу.

> Я поняла, что энергию, которую я трачу на страх, лучше потратить на принятие того факта, что судьба – это не подвластная мне история.

Я могу потратить много сил на то, чтобы дирижировать ситуацией, но форс-мажоры никто не отменял. И если все пойдет не так, как я задумала, мне будет очень обидно, потому что будет казаться, что все зря. А на самом деле не зря. Я делала то, что должна, а случилось то, что не могло не случиться.

Есть такой смешной анекдот про щеколду. Жена спрашивает мужа:

– Ты дверь закрыл?

– Закрыл.

– На пять замков?

– На пять.

– А шкафом подпер?

– Подпер.

– А на крючок закрыл?

– Закрыл.

– А на щеколду?

– А на щеколду забыл.

– Ну вот, – возмущена жена. – Заходи кто хочешь, бери что хочешь…

Я забаррикадировала свой дом на все замки, вырыла ров вокруг своей крепости, сделала все необходимое, чтобы защитить своих детей, но я понимаю, что в крепость все равно могут прорваться. А если я буду доводить ситуацию до абсурда, бегая и без устали проверяя щеколду, то это не я буду дирижировать ситуацией, это страх будет дирижировать мной.

Я подошла к сыну и сказала: «Сейчас выпьешь витамины», – а потом подошла к окну и открыла форточку.

– Ого, – сказал муж, увидев открытую форточку. – Что это ты?

Он у меня любит прохладу, и отсутствие свежего воздуха дается ему тяжелее всех в семье.

– Проветриваю.

– Вчера, когда я хотел проветрить, ты кричала, что сквозняк непременно нападет на ребенка.

– Это было вчера. Сегодня я ослабила хватку… Оставлю открытой щеколду.

– Что? – не понял муж.

– С сегодняшнего дня живем как раньше: бережем себя в разумных пределах и не впадаем в крайности.

Мы благополучно сделали операцию дочери, все хорошо.

Через два года в конце декабря мы сильно заболели всей семьей. Нас подкосил ужасный вирус, мы все лежали с высоченной температурой. Сил не было совсем. Нужно было нарядить елку, купить продукты и накрыть стол к празднику, но состояние у всех было такое, что даже умывание казалось подвигом.

В итоге мы ничего не наряжали, я залила гречку кипятком: это единственная еда, которая была в наличии, но аппетита не было и никто ничего не ел. Сам праздник мы просто проспали.

Через неделю болезнь отступила, и нам стало очень обидно, что праздника так и не случилось: даже Дед Мороз не навестил наших детей.

Вы когда-нибудь наряжали елку 9 января? Мы – да! Я накрыла стол, наготовила салатов, и мы веселились до полуночи и кричали: «С Новым годом!»

И тот запоздавший праздник мы до сих пор вспоминаем с теплом и светлой радостью. Праздник – это состояние души. Он может быть привязан к календарю, а может нет. Он привязан только к вашему настроению.

> Быть режиссером собственной жизни – это менять то, что можешь изменить, и принимать со смирением то, что изменить не можешь.

Я не могу приказать себе выздороветь, и, если я болею, я смиренно жду выздоровления. Но то, что подконтрольно мне, я обязательно исправлю, потому что мне это важно. Важно знать, что я сделала все, что в моих силах.

Первый раз сын поехал в лагерь, когда ему было семь лет. Я очень боялась за него. И за себя. Я боялась, что мой страх за него не даст ему нормально отдохнуть, что я буду названивать ему ежечасно и в ужасе спрашивать, не болит ли у него что-нибудь и что он ел.

И если он хотя бы всхрипнет или даст мне понять, что ему грустно, я немедленно брошу все и побегу забирать его из лагеря. Поэтому я нашла лагерь в восьми часах езды от дома, в котором телефоны выдают детям только после смены. Для связи с родителями – телефон у вожатых.

– Не звоните детям первые три дня, они адаптируются и могут плакать, – сказал начальник смены родителям, и я услышала это как «вашим детям будет плохо».

Я боролась со своими страхами, отчаянно возводила баррикады между мной и ними целый день. Но не смогла, сорвалась. Позвонила сыну в первый же вечер. Слушала гудки с

ухающим сердцем. Наконец в трубке возник голосок Даси:

– Мам, алло, что ты хотела? Что-то срочное? А то у нас репетиция, и я солист…

Я поняла: моему сыну без меня прекрасно, это мне без него плохо. Это не дети, это родители адаптируются и могут плакать. Я улыбнулась и сказала, сглотнув слезы:

– Просто хотела сказать, сынок, что очень люблю тебя…

Не позволяйте страхам рулить вашей жизнью, пусть правит здравый смысл. Это, конечно, не мгновенное решение, а долгий процесс, этому нужно учиться. Но начать можно с щеколды.

Я больше не прячу своих детей от жизни за дверью с пятью замками и щеколдой. Моя щеколда всегда открыта. Заходи кто хочешь, бери что хочешь. Мы всем рады!

Ъ

Моя мама часто рассказывала мне историю про хлеб, главной героиней которой была я. Мне – шесть или семь лет. Мама помыла голову, приготовила обед и обнаружила, что дома нет хлеба. Без хлеба – ну что за обед?

Была осень, прохладно – с мокрой головой за хлебом не побежишь, хоть магазин и в шаговой доступности. Мама придумала послать меня за батоном. Дала деньги и отправила в магазин через дорогу. Предупредила, что будет смотреть на меня из окна. Ну, чтобы я ощущала ее поддержку и мне было не страшно дебютировать в роли самостоятельного покупателя.

Дело было в Москве, а выросла я в маленьком Калининграде. Я испытывала стресс от интенсивности движения и количества людей на улице, от того, что я ничего и никого не знаю, что все вокруг чужое.

Я плохо помню эту историю. Возможно, память заботливо спрятала стресс на антресоль памяти, и мне оттуда не достать ни причин, ни подробностей. Почему я оказалась в Москве, если жила в Калининграде до 13 лет? Может, приехала на каникулы? Или просто к родителям на недельку? Не помню.

В общем, маленькая напуганная девочка в чужом большом городе идет за хлебом. Переходит дорогу, оглядываясь на окна, в которых мама смотрит за ней. Подходит к магазину, тянет на себя дверь. Она не открывается. Тяну изо всех сил – нет, ни в какую. Я даже ножкой упираюсь в стену – ну же, открывайся, но нет, дверь будто намертво закрыта.

Я чуть не плачу. А может, и плачу, не помню. Смотрю в окно. Там мама, она, наверное, за меня переживает. Я стою минуту, две, пять. Что стою, чего жду? Через пять минут я растерянно возвращаюсь домой. Без хлеба, естественно.

Дома встречает мама. Она говорит, что я растяпа. Что дверь в магазине открывается не на себя, а от себя, и что мимо прошло столько народу, у которых можно было бы попросить помощи, а я как истукан продежурила у двери пять минут – и домой. И что я не выживу в мире людей, если не научусь думать головой и использовать язык по назначению. Мне было стыдно, и я раскаивалась, это я помню хорошо.

Впоследствии эта история трансформировалась в смешную семейную байку, как маленькая Оля тянула, а не толкала дверь и не смогла купить батон. Над этой байкой принято было смеяться, и я послушно смеялась. Долго, до совершеннолетия точно.

Но когда я научилась думать своей головой – а это лет в 18

примерно случилось, – я слушала эту историю в сотый раз, но больше не смеялась. Маленькая напуганная девочка, замкнутая, неловкая, недотепа такая, делает что-то не так и вместо поддержки взрослых и мудрой подсказки получает смех. Великолепная почва для комплексов, просто чернозем!

> Смех может обнять и спасти, а может догнать и убить.

Прошло около 30 лет, и уже мой сын пошел в магазин самостоятельно в первый раз. Я была рядом, страховала и была готова броситься на помощь, если что-то вдруг случится. Потому что моя задача – защитить его от травм, а не создавать эти травмы искусственно.

Моя мама никогда не считала себя плохой матерью, и никакой рефлексии над своими поступками у нее не было. Она всегда была права, а если вдруг не права, то уж точно не виновата.

Если честно, я думаю об этом почти с восхищением. Вот почему у поколения наших мам отключена функция сомневаться в себе? Допускать мысль «а вдруг я ошиблась?». На отработку этих сомнений и прощения себя за неидеальность я трачу прорву энергии, а у мамы вообще не было такой статьи расхода энергии. Как научиться этому, как достичь такого дзена в вопросе самодостаточности?

Когда я приходила к маме за ответами, то сталкивалась с искренним недоумением. Если я, движимая любопытством и горящим желанием найти ответы, спрашивала: «Мам, а почему ты меня так долго не забирала от бабушки?», мама видела в вопросе зашифрованное осуждение и защищалась возмущением: «Ты намекаешь, что я плохая мать? Да как ты такое можешь говорить?» А я ни на что не намекала – просто искала ответы.

Этот рассказ написан в соавторстве с моими читателями. Я попросила подписчиков в блоге написать в комментариях о самом актуальном вопросе материнства: что именно волнует мам, что болит. В детстве мы часто говорили присказку: «У кого что болит, тот о том и говорит». Вот я и хотела, чтобы мои читатели «о том и говорили».

И я сама не ожидала того, что получила. Моя личка была завалена письмами читательниц. Они писали, что часто чувствуют себя плохими матерями, неидеальными, ленивыми и несчастными. Они делились своими историями, но не в комментариях, а в личку, шепотом, потому что они стесняются своей неидеальности! Они живут, придавленные чувством вины, листают чужие идеальные инстаграм-странички и страдают от

своего несовершенства.

Они как бы устроились на новую работу и понимают, что не тянут, что заданий все больше, а сил все меньше, и как все успеть – непонятно, и награда в виде улыбки счастливого ребенка уже не кажется заслуженной.

Однажды я увольнялась с одной работы и переходила на другую – не могла позволить себе не работать. Я любила ту работу, с которой уходила, очень старалась соответствовать занимаемой должности, но мне всегда казалось, что моих знаний и компетенции периодически не хватает, я ощущала, что подвожу начальство, пыталась учиться ночами, но все равно не могла нагнать того уровня знаний, который бы закрывал все требования к качественному выполнению должностных обязанностей. Я уходила совсем в другую сферу, пробовать абсолютно новое и непривычное. Но я была молода, у меня не было детей, когда же еще пробовать?

Начальник беспрекословно подписал мое заявление об уходе, даже на разговор не вызвал. Я трактовала эту поспешность как радость и освобождение от себя. Наверное, меня заменят кем-то более достойным. Ну и хорошо.

А потом был наш последний разговор с начальником, где мне захотелось извиниться за то, что не оправдала его надежд, а начальник вдруг изумился:

– Да о чем ты вообще? Ты наш лучший сотрудник. Ни с кем мне не было так эффективно и комфортно работать, и никогда мне не было так больно расставаться. Я каждый день страдал от того, что ты достойна большего, а я не могу этого тебе дать. И когда ты собралась уходить, я не посмел удерживать, потому что был уверен, что ты идешь туда, где тебя непременно оценят по достоинству.

Я помню, что плакала, уходя. Мир будто перевернулся. Оказывается, я считала себя плохой, в то время как мой начальник считал меня лучшей. Я, кстати, вернулась на ту, первую, работу через год.

В работе мамой та же самая ситуация. Образно говоря, мы работаем на ребенка. Он наш работодатель. Нам кажется, что он нами недоволен, потому что он, несомненно, самый лучший и заслуживает самого лучшего. А мы даем не лучшее, а то, что есть, и корим себя за эту дельту.

> Наши дети не мечтают о других мамах, любят нас, таких несовершенных, и зачастую даже не подозревают о нашей несовершенности.

Белые слоны в Индии были священными животными. На них

нельзя было работать, только владеть. Это было престижно. А ест слон много и часто, как и обычные серые слоны. Но те свою еду отрабатывают, а белый нет.

Потом их придумали дарить чиновникам, которых подозревали в коррупции. Отказаться от такого подарка было нельзя, нужно было принять с благодарностью и кормить. Прокормить такое животное может только очень богатый человек. А откуда в Индии может взяться очень богатый человек? Где он взял свои богатства, наворовал?

То есть белый слон – это престиж и подозрение в коррупции в одном флаконе. Получается, белый слон – совершенно бесполезное животное. Он много ест и ничего не дает взамен, кроме цвета.

Мне кажется, наши вечные мамские терзания – это белые слоны, которых мы сами себе дарим. Обременительный подарок с сомнительной ценностью. Мы пытаемся их прокормить – а питаются они нашими сомнениями и страхами, мы тратим на их обслуживание кучу сил и энергии, а взамен – ничего.

Так, может, ну их, этих слонов? Пусть идут на волю…

Как бы мы ни старались и ни стремились к идеальности, нашим детям будет что рассказать своему психоаналитику. Это очень актуальный вопрос для каждой, даже самой идеальной мамы, и чтобы его отработать, я готова написать об этом в разных вариациях и 100, и 200 раз. Возможно, это отзовется в душе читателя.

Однажды одна девушка подарила мне личную забавную историю. Она тяготилась собственной неидеальностью настолько, что не могла спать. Однажды она в очередной раз мучилась бессонницей и сходила с ума от роя атакующих ее мыслей. Одна из них была совсем крамольной – она настолько плохая мать, что ее ребенку будет лучше в детдоме. Тут она вскочила с постели в три часа ночи и побежала включать ноутбук. Лохматая, в пижаме, в полной темноте она загружала ноут, чтобы найти ответ на мучающий вопрос.

> «Как понять, плохая ты мать или нет?» – написала она в браузере, и он с готовностью швырнул в нее сотней ссылок. Она не выбирала – нажала первую. Там было написано: «Если вы в принципе задаетесь вопросом, достаточно ли вы хорошая мать, значит, вы хорошая мать!»

– Ну слава богу, – вздохнула она, закрыла ноут и пошла спать.

Ну, вот и рецепт, как выкорчевать из себя эту неидеальность.

Если вас тяготит ваша неидеальность, значит, вы идеальная (во всяком случае, для своего ребенка), просто не подозреваете об этом.

Ы – Ынтырнет

Однажды я говорила по телефону, это был важный разговор с очень занятым собеседником. Он говорил, а я слушала, приложив телефон к уху. В комнату вошел сын, который не заметил, что я разговариваю, и задал какой-то вопрос.

У нас традиция: когда он делает уроки и встречает незнакомое слово, он приходит ко мне, спрашивает и получает развернутый ответ на свой вопрос.

– Мам, а что такое…

Я обернулась и мимикой показала сыну, что у меня разговор. Сын кивнул и ушел в детскую. Спустя пять минут я вошла к нему в комнату:

– Ну, что там за слово ты не знал?

– Да неважно, мам, – сказал сын. – Я все нашел в интернете.

Меня это поразило и напугало: я поняла, что интернет легко может заменить меня за пять минут.

Когда я была маленькая, я тоже ходила к взрослым за ответами. Альтернативы тогда не было, и взрослый человек был авторитетом по умолчанию. А сегодня есть пространство, которое знает больше взрослых и всегда доступно: оно не говорит по телефону, не варит суп. Оно всегда рядом.

Я поняла, что хочу быть для сына интереснее интернета. Это мое личное желание, такой вызов самой себе. Но как это сделать?

> В своих лекциях я часто использую формат сторителлинга. Сложную мысль я доношу через истории. История – это сказка для взрослых, в которой есть завязка, кульминация и развязка. Слушая эту сказку, человек непременно подключает фантазию, начинает переживать за героев, и ему обязательно становится интересно.

В результате слушатель хорошо запоминает свою эмоцию, а через нее вспоминает основную мысль, которую я хотела донести.

Мне важно, чтобы сыну было со мной интересно. У меня по сравнению с инетом есть бонусы: для интернета он один из миллионов пользователей, а для меня единственный сын. Я знаю о нем все и очень его люблю.

Перед сном я рассказываю сыну, какой он был в детстве. Этой информации не найти в интернете. Как я боялась его в первые дни, когда родила, как он плохо набирал вес и я умирала от страха, что он болеет, как он плавал в грудничковом бассейне,

как он стал ходить в семь месяцев, а это очень рано, как он в три годика обожал поезда, и мы с ним на даче ходили смотреть электрички, и он кричал: «Мама, смотри, поезд!»

Сын зачарованно слушает мой рассказ. Я вижу, как ему интересно.

– Дась, а что за слово ты сегодня искал в интернете?

– Вельможи. И бояре.

– А знаешь, во времена Ивана Грозного, это царь был такой на Руси, у вельмож всегда был на кафтане расшитый воротник. По этому воротнику их и отличали. Он назывался «шиворот». А если кто-то из них накосячил, ну, провинился, например, и царь разозлился на него не на шутку, то брали лошадку и сажали его спиной вперед, и одежду всю наизнанку заставляли надеть. И едет он такой весь задом наперед и наизнанку, этот вельможа. Как думаешь, какое выражение благодаря такому наказанию появилось в народе? Шиворот…

– Навыворот!

– Точно! Шиворот-навыворот.

– Круто, завтра в школе расскажу! Блесну интеллектом. Мама, ты так интересно рассказываешь, я бы слушал и слушал!

Я целую сына в лоб и желаю ему спокойной ночи. Сегодня я победила. Хотя нет, никакой войны. Интернет мне не враг. Это инструмент, который заполнит будущее, и нужно научить сына грамотно его использовать в своей реальности. Не только как развлечение, но и как источник информации, помощника, значительно облегчающего и оптимизирующего жизнь.

Раньше я всегда испытывала вину, сидя в интернете, если дети дома. Потому что мама вроде дома, а вроде и нет – она в виртуальном пространстве. Но мама там работает, и это очень удобно. Я нашла компромисс: каждый вечер ставлю телефон на зарядку и забываю о нем. Я вдумчиво играю с детьми, не отвлекаясь на интернет.

Очень важно отпустить тревогу, что, если ты на пару часов пропадешь из сети, непременно что-то случится. Не случится. Раньше же как-то жили без интернета!

А если вдруг есть срочная необходимость быть на связи, я говорю:

– Дети, мне сегодня очень важно вечером сходить на работу. Плохая новость в том, что мы ближайший час не поиграем и не побесимся. Но есть и хорошая: я никуда не уйду. Просто посижу в уголке, в телефоне. И мама все равно будет рядом. Нужно ценить эту возможность – быть вместе.

Мои дети отлично играют в комнате, но иногда, когда им нужно подзарядиться маминой любовью, пробегая мимо, на

секунду отвлекают меня на поцелуй. Это так мило! Обожаю эти моменты.

> Я блогер и как никто знаю, что интернет может быть небезопасной средой. Это наше концентрированное общество, более открытое в проявлении чувств и мыслей.

Виртуальное пространство и плащ анонимности, в который можно закутаться, спрятавшись за аватаркой с чужой фотографией, дает многим людям возможность проявить не лучшие свои качества.

Однажды я готовила обед на кухне, а сын путался под ногами. Я решила привлечь его к кулинарии и попросила почистить картошку. Ему было восемь, и это была первая в его жизни картошка, почищенная лично им. И если первую картошку он чистил неумело и коряво, то уже третью – почти профессионально, хоть и медленно.

Сын был собой очень доволен. Мне захотелось написать об этом пост. О картошке и возрасте, когда пора учиться ее чистить. И о том сладком чувстве, которое появляется, когда что-то получается.

И вот я пишу-пишу и вдруг понимаю, какие будут комментарии. Кто-то непременно поддержит. Скажет, молодец, что учишь ребенка самостоятельности. Кто-то непременно осудит: уже восемь лет, а он не умеет чистить картошку? Да что вы за мать! Кто-то непременно напишет: а зачем учить мальчика готовить, у него будет жена, пусть она готовит.

Однажды у меня был пост про детский лагерь, в котором профессионалы провели мастер-классы по кулинарии и грамотной уборке: о системах хранения, о том, как эффективнее пылесосить и мыть пол, о том, как не запускать дом. И какая-то мама спросила: «А зачем учить убираться, вы что, уборщиц растите?» Я даже не нашла что ответить, при всей своей фантазии.

А ведь эти люди живут среди нас. Ездят в метро, стоят в очереди в кассу в супермаркете, гуляют с детьми на детских площадках. А их диковинные взгляды на жизнь можно узнать из вот таких комментариев. Тот пост про сына и картошку я так и не дописала, настрой пропал.

Дочка Катюша у нас еще совсем малышка. Но она уже любит свой планшет, потому что там живут мультики.

– Мам, включи ытынет, – просит она, придя из садика.

– Давай лучше почитаем? – предлагаю я и протягиваю яркую книжку.

Мы идем читать, и через десять минут дочка уточняет:

– А когда буим мутики мотлеть?

Ей тоже интересно там, в интернете, и бесполезно этому сопротивляться. Интернет проник в нашу жизнь и, как вода, напитал собой все сферы. Ну так и не стоит с этим бороться, нужно это возглавить. Чтобы не чувствовать власть интернета над собственной жизнью, нужно его планировать, как приход любимых гостей, и не допускать ситуаций, когда заглянул в интернет на минутку, а утонул на три часа. Тогда приходит ощущение подконтрольности ситуации, я это называю: «Я за рулем».

Это моя четвертая книга, все четыре написаны в телефоне, и я дирижирую с помощью интернета процессом их создания и издания. Какие невероятные, стремительные, непривычные, но потрясающие времена! Хочется встать на табуретку и спеть песню из «Электроника»:

– До чего дошел прогресс!

У Кати сломалась кукла – отвалилась нога. Дочь безутешна, хнычет. В итоге примотали кое-как изолентой, но нога болтается на волоске. Дочь сначала обрадовалась, а потом приуныла, глядя на изоленту.

– Что случилось? – спрашивает Миша у хнычущей дочери.

– Ампутация, – поясняю я.

Видя, что примотанная нога – мучение похлеще, чем ее отсутствие, муж говорит:

– По-моему гангрену вы вылечили, а геморрой создали…

Ь

Я люблю готовить, но для других. Для себя – не хочу. Раньше я думала, это проявление нелюбви к себе. Я себя с детства недолюбливаю. Какая-то нескладная, толстая, нелепая, болезненная. Я смотрела на себя глазами взрослых и не считывала ни грамма восхищения – только усталость и раздражение. То меня надо опять лечить, то меня надо опять худеть, то водить куда-то, то развивать, то кормить. Дети – сплошное обременение.

Я очень старалась быстрее вырасти, чтобы перестать докучать взрослым. Я так старалась, что годам к шести уже практически состарилась: сидела, читала, ворчала, сосала пряничек. Я умела замечать лишь свои несовершенства.

В итоге я выросла во взрослую тетю. Нескладную, толстую, нелепую, болезненную. Такая тетя не заслуживает личного борща, сваренного для нее одной.

Потом я училась себя любить: понимать, слышать, беречь. Я хотела восполнить дефицит любви, отлюбить себя про запас, наварить себе борщей наперед. Я стала резать овощи, тереть свеклу, варить бульон и быстро поняла, что делаю что-то не то. Я не могу наварить борщей в прошлое, а в будущее не хочу, мне не надо.

Я очень прислушиваюсь к своей интуиции, она как бы мой внутренний навигатор. Если я иду не туда, она всегда скажет строго: «Вы ушли с маршрута», – и погрозит пальцем.

> Я поняла, что мои несваренные для самой себя борщи – это не про нелюбовь, это что-то другое. Я стала думать, что. Вот борщ, вот я его варю. Что я чувствую? Радость, что моим родным и любимым людям будет вкусно.

Однажды я прилетела из командировки поздно вечером, а в другую улетала уже утром следующего дня. И вот ночью, вместо того чтобы спать, я режу морковь и лук, жарю, парю, тушу… Значит, самое главное – это кто будет есть мой борщ.

Так, уже теплее. Все люди эгоисты и всегда делают то, что хотят в данный момент. Той ночью я хотела спать, но варила борщ. Потому что борщ – это как семейный тотем. Он оберегает семью от недовольств, ворчаний и скучаний.

Мне хотелось сварить его, чтобы завтра, когда я снова улечу, мои любимые люди ели вкусное и наваристое блюдо и не

забывали, что я их люблю.

Все люди эгоисты, просто не все готовы это признать. Слово «эгоист» имеет отрицательную окраску, поэтому мы стесняемся этого. Но эгоизм бывает разный – здоровый и нездоровый.

Здоровый – это когда ты, уставшая, после командировки варишь в ночи борщ, чтобы завтра твои дети его поели, но в этот момент отдаешь себе отчет, что варишь его для себя. Чтобы потом не попрекать любимых нездоровым эгоизмом: «Да я на вас всю жизнь положила, да я из-за вас всю ночь не спала». Не из-за них – из-за себя.

> Я, например, тот час, что варила борщ, работала хорошей мамой и женой, а эта работа нужна для счастья, для ощущения нужности, для чувства самореализованности в вопросе материнства. Значит, я варю очень эгоистичный борщ. Он мне нужен даже больше, чем мужу и детям.

А еще готовка – это творчество, а в любом творчестве важно признание. Никто не хочет писать картины, которые никто не увидит, сочинять симфонию, которую никто не услышит, писать книгу, которую никто не прочтет.

Я, например, веду блог. Выложила пост – и через десять минут там уже сотня комментариев, и я уже знаю, понравился мой текст людям или нет. Такая мгновенная доставка признания,

сахарок тщеславия.

После блога сложно писать книгу, потому что написала – и жду целый квартал, пока ее отредактируют и издадут. А потом жду, когда начнутся продажи, когда люди купят и прочитают. А первые комментарии вообще случатся через полгода. Невыносимо полгода ждать того, что привыкла получать мгновенно.

Так вот, готовка. Я делаю лазанью и смотрю, как мои пупсики ее уплетают и нахваливают. В этот момент счастлива, потому что это как бы чавкающие аплодисменты мне.

> Я люблю готовить: чувствую продукт, его вкус, созвучие с другими продуктами. Никогда не готовлю строго по рецепту – 220 граммов того, 340 граммов сего. Каждый мой рецепт – авторский. В любое блюдо я добавляю 200 граммов заботы, 300 граммов хорошего настроения и полкило любви.

В блоге я часто пишу про борщ. Читатели спрашивают:

– А ты вообще кроме борща что-нибудь готовишь?

– Неее, – шучу я. – Сегодня компот варила, а получился опять борщ. Свекольный компот. Свекомпот.

Борщ – образ. Мне нравится, что это слово короткое и емкое.

– Но ведь «суп» короче! Или «щи»! – не сдаются читатели.

– И правда, короче, – смеюсь я. – Как-то не подумала.

На днях написала сыну в ватсап сообщение и спросила, что приготовить на обед. А он ответил: «БОРЩЬ!» Я так обрадовалась! Во-первых, у меня в холодильнике было все необходимое для борща. А во-вторых, этот трогательный мягкий знак на конце помог мне обыграть название этого рассказа.

Дася сидит на стульчике для кормления и беззастенчиво размазывает кашу по столу. При этом ни ложки полезной тыквенной каши так и не попало непосредственно в ребенка. Зная, что с отцом такие капризули не прокатывают, я зову мужа, чтобы он помог накормить сынулю.

– Миииш, иди покорми – у меня не получается…

Пока Миша идет из соседней комнаты, совсем распоясавшийся сын встает на стульчик и поворачивается ко мне попой, обтянутой голубыми в уточку ползунками. Вошедший Миша комментирует:

– Не получается, мам? Так ты просто не с той стороны его кормишь…

Э – Энциклопедия

Люблю холодное море. Я выросла на Балтике, а она практически не прогревается, и вода всегда не выше +20 °С.

Люблю плавать в море, но в теплом. Когда я вхожу в холодное море, ору: испытываю микс счастья и стресса и, получается, ору от ужаса, но иду все глубже, потому что это счастье.

> Отличный образ для описания моего первого материнства – микс счастья и стресса.

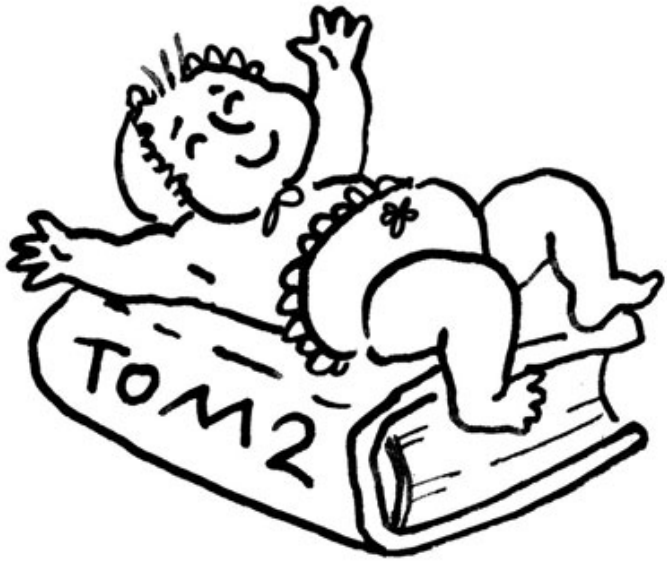
Я родила сына и два года беспробудно работала мамой, потому что материнство – это беспробудная любовь. Я отменила себя как личность, поставила опцию «Оля Савельева» на паузу. У меня появился сын, и его интересы перекрыли мои на 100 %. Моя карта с увлечениями, друзьями и работами была бита мощным козырем – любовью к сыну.

Я сама себе придумала правила хорошей матери. Точнее, выяснилось, что внутри меня они уже существуют в виде установок, полученных от моей мамы, просто они актуализировались с рождением ребенка.

Хорошие матери все успевают. И потешки, и прогулки, и уборка, и борщи. Хорошие матери могут поддержать разговор на любую педиатрическую тему: от коликов до выбора школы. Хорошие матери всегда в хорошем настроении и разговаривают с ребенком прибаутками: «Это кто у нас, петушок? Петушок – золотой гребешок?» Хорошие матери на детских площадках активно играют с детьми и вообще всячески вовлечены в процесс воспитания и развития ребенка. Дети у хороших матерей уже в год читают стихи и завязывают шнурки.

Вообще, у каждой матери есть своя энциклопедия хорошей матери. Там описано, что и как она должна. Уборки, потешки… Моя личная энциклопедия была очень сильно скорректирована первым материнством. Я ее не просто отредактировала – через два года переписала набело.

Моя мама рассказывала, что однажды она упала в обморок. Потому что мы жили на первом этаже, полы холодные, приходилось одевать шестимесячную меня в шесть штанов, а памперсов не было, и я мочила зараз по шесть штанов, а их же надо стирать, да не просто стирать, а кипятить, потом сушить где-то, борщ варить, а продуктов-то нет, это надо бежать и очередь стоять на морозе, зачастую прямо с ребенком.



Мама в течение полугода ни разу не разлучилась со мной больше чем на десять минут. Растить ребенка без памперсов и стиралок – это подвиг. Мама героически на него решилась. Она круглосуточно стирала мои пеленки и ползунки, готовила обеды, мыла полы кирпичом (кирпичом? Почему кирпичом, мам? А, в деревне так научили… В тряпку заворачиваешь кирпич и моешь… Ясно), крахмалила выстиранное и проглаживала с двух сторон то, что уже высохло.

И вот однажды в ту квартиру на первом этаже пришел врач-педиатр. Зашел – а в прихожей пахнет свежей выпечкой и борщом. Прошел в ванную руки помыть – а там белье висит чистейшее, сохнет, пахнет порошком. Зашел в комнату – а в кроватке с кипенно-белыми простынями румяная девочка сидит, нарядная, во всем чистом и сухом.

– Как вы все успеваете? – поразился педиатр, обернувшись к маме.

– Никак, – сказала мама и в доказательство упала в обморок от недосыпа.

Педиатр бросился на помощь, стал щупать пульс на руке с истонченной от частых стирок кожей и бить по щекам. Мама пришла в себя и спросила: «Хотите борща?»

Во всей этой истории меня всегда смущало одно. Что делала и где была грудная я, пока мама пекла пирожки, варила борщ,

гладила и кипятила? Я спала? Сутками? Или я тусила там же среди кипящих с пеленками ведер и противней с пирожками? Ведь шестимесячный ползающий ребенок – это связанные мамины руки: надо следить.

Как выяснилось позже, я проживала свое раннее детство в кроватке, потому что у мамы была куча дел, и вся эта куча была важна для нее, потому что именно стирка-глажка-готовка была показателем хорошей матери. Так сказала моей маме ее мама. Это правило передается из поколения в поколение.

Иногда меня доставали из кроватки, делали козу и читали стих про зайку, которого бросила хозяйка, а потом возвращали на место. У хозяйки подошло тесто, и я намочила (или еще что похуже) очередные ползунки.

Мама, рассказывая эту историю, ждала сочувствия и восхищения. Я должна была сказать: «Бедная ты, мама, бедная» – и, видимо, принести свои извинения за мокрые ползунки и невозможность в полгода контролировать процесс мочеиспускания.

Через пару месяцев в моем грудничковом развитии обнаружилось отставание: в восемь месяцев дите не гулило и толком не ползало, лежало бревнышком в кроватке весь день. Педиатр объяснил маме, что ребенок важнее пирожков и уборки.

– В смысле? – спросила мама. Она не понимала. – Хотите борща?

Для нее грязный дом, в котором не пахнет борщом, – это приговор женщине, а ребенок-бревнышко не приговор.

Мама попробовала что-то исправить: вместо вечерней уборки дома читала мне Барто, но делала это без души. Потому что на нее со всех углов смотрела пыль, которая налетела из форточки, а вместо того чтобы вытереть эту пыль кирпичом, завернутым в тряпку, она читает о бычке, который идет куда-то и качается. И скоро упадет, как мама, когда у него закончится дощечка.

К моим 11 месяцам у мамы закончилось терпение. Она поняла, что с таким ребенком, как я, невозможно быть хорошей матерью, и отдала меня на воспитание в другой город бабушке и дедушке. До другого города – два часа на самолете или сутки на поезде.

Она сделала это, чтобы остаться хорошей матерью, чтобы никто не мешал готовить и убирать. Установки оказались сильнее здравого смысла и даже материнского инстинкта. Но выяснилось, что когда никто не мочит пеленки, то и стирать особо нечего. И педиатр больше не ходит.

Мама сменила настройки, отредактировала свою энциклопедию хорошей матери. Теперь хорошая мать – это та,

которая работает и регулярно отправляет на воспитание ребенка нужную сумму, а дома по-прежнему чисто и пахнет пирогами.

Я научилась думать об этом без осуждения. Мама искренне считала, что ее действия – это про хорошую мать. Что расставить приоритеты в пользу чистоты и еды – это про хорошую мать.

Она имела право так думать. Ее энциклопедия хорошей матери была именно такой, и она в ней была молодцом. Это я читала ее энциклопедию через призму своего детства без родителей, обид и обделенности мамиными поцелуями.

Она имела полное право думать так, как думала, ведь ее энциклопедию формировала ее судьба. И вот там, в ее своде правил, отдать ребенка – это про хорошую мать, потому что бабусе и дедусе делать было нечего, они на пенсии и поэтому могут вдохновенно заниматься внучкой.

Так, собственно, и было – они занимались и быстро нагнали отставание в развитии. И перегнали. Уже в четыре я танцевала, читала и завязывала шнурки. А потом я выросла и сама стала матерью.

В моей нынешней энциклопедии – будто протест! – вообще нет пунктов про уборку, стирку и глажку – там все про ребенка. А когда он спит, можно прибраться и приготовить, как и что успею.

Я плохая хозяйка – не успеваю убираться. Делаю это иногда раз в неделю. Готовлю вкусно, но с запасом – чтобы реже. Плюс использую все атрибуты современной хозяйки. Кашу ставлю варить с вечера на отсроченном режиме мультиварки. Борщ варю на три дня: на третий день он вообще вкусный. Очень спокойно отношусь к еде. У нас в доме часто можно услышать: «Я не успела с ужином, что сделать: пельмени, яичницу или бутер?»

Зато я занимаюсь и играю с детьми, беру везде с собой. Я живу, погруженная в их жизни. А если я устала, я иду к мужу и говорю: «Ты свободен в среду? Хочу с подружками в кино». И муж с радостью остается с детьми. Он хотел их не меньше меня и любит их безмерно.

А что, если он занят и не может остаться, а мне нужно отдохнуть, потому что внутри растет усталость и я стала раздражительная и читаю потешки голосом Джигурды? Тогда я говорю: «Ты хотел детей? Воот, освободи среду», – и ухожу гулять. Или уезжаю в командировку. Я не чувствую вины в этот момент. Хорошая мать уходит туда, где она станет счастливой.

Своему подросшему сыну я так и говорю: «Я уезжаю от тебя для тебя. Потому что я уезжаю, чтобы стать счастливой. Я стану такой сама, а ты возьмешь с меня пример. А если я останусь дома, я буду несчастной, но захочу это скрыть. Нет ничего более ужасного, чем несчастный человек, притворившийся счастливым.

Это обманщик, который пытается обмануть всех, включая себя. Зато я вернусь из командировки через два дня, и мы, наскучавшиеся, наболтаемся всласть, наиграемся, насекретничаемся. Столько всего произойдет и у меня, и у тебя! И это тоже будет настоящее счастье – обнять сына, которого не видела два дня. В этом и есть ценность материнства – в балансе и выборе. В моей энциклопедии так и написано».

Вернемся к началу. Я два года работала хорошей мамой, а потом я вышла на работу с 09:00 до 18:00.

> Так вот, официально хочу заявить: нет на свете работы тяжелее и ответственнее, чем работа мамой. И от нее тоже иногда нужно отдыхать – брать мини-отпуск. Это нормально и даже необходимо, чтобы не сойти с ума и быть счастливой, чтобы научить быть счастливыми своих детей.

Я стала гораздо счастливее, когда скорректировала свою энциклопедию хорошей матери и убрала оттуда эту пресловутую категоричность. Хорошая мать не должна круглосуточно мыть квартиру, печь многослойные лазаньи, гладить пеленки с двух сторон, если сама этого не хочет.

А что она должна? Она должна улыбаться, смеяться, чувствовать счастье. Маркер хорошей матери – ее счастливый карапуз, который весел, улыбчив, любознателен и подвижен. Организовав жизнь так, чтобы вы были счастливы в своем материнстве, вам не придется предъявлять взрослому ребенку свои бессонные ночи.

Я долго кормила дочку грудью, и мои ночи были рваными и бессонными, но я трактовала это как счастье: настоящее, бессонное, трудное.

И когда Катюня подрастет, я расскажу ей, как много любви она дарила мне, как я ночами целовала ее в макушку, пахнущую молоком, и плавилась от искрящего и безграничного материнского восторга.

Рожайте детей, чтобы быть счастливыми. И идите уже гулять, даже если не вымыли пол.

Ремонт и грядущий переезд превратили квартиру в склад вещей и стройматериалов. Понятие «уборка» становится условностью, порядок – утопией.

Дася подходит к отцу и говорит:

– Пап, купи мне микроскоп, я хочу увидеть микробов и бактерий…

На что муж, оглядывая захламленную квартиру, отвечает:

– Дась, зачем тебе микроскоп, просто потерпи, скоро микробов и бактерий в нашей квартире ты сможешь увидеть невооруженным взглядом!

Ю – Юнга

Сын отдыхает в лагере. Звоню ему, слышу по голосу, что расстроен.

– Что случилось, Дась?

– Мам, в этот раз я не смог стать капитаном.

– А ты очень хотел?

– Да, конечно.

– А что нужно было сделать для этого?

– Понимаешь, когда пришло время голосования, мы с одним мальчиком договорились, что я проголосую за него, а он за меня. Я проголосовал, а он нет. Я был в шоке! Кричу ему: «Мы же договорились, ты что?» А он смеется, говорит: «Ну и что?» Мама, это очень нечестно, так нельзя делать!

– Дася, в прошлой смене ты был капитаном, так? Это было круто. А в этой смене ты вместо капитанской фуражки получил вот такой урок, и это тоже очень круто. Если честно, я даже не знаю, что ценнее: фуражка или урок. Люди, сын, не всегда будут оправдывать твои ожидания: кто-то будет нарушать договоренности, кто-то совершать плохие поступки. Раньше ты знал об этом только теоретически. Теперь на практике узнал, как это неприятно другому человеку.

– Я ему сказал, что это нечестно.

– Сын, люди поступают так не потому, что не знают, как это нечестно. Они так поступают, потому что для них выиграть важнее, чем играть по совести. Все люди разные, и воспитание у них разное, и характеры. Теперь ты это знаешь. И важно, какое решение примешь ты, как будешь поступать дальше.

– Как это понять?

– Ты можешь, например, так сильно расстроиться, что вообще перестанешь доверять людям. А можешь просто быть готовым к подобным поступкам людей, чтобы они так сильно тебя не расстраивали. А можешь продолжать доверять, потому что хороших людей, которые не подводят, больше.

– Мам, их и правда больше. Остальные-то честно проголосовали. Что же теперь, из-за одного человека всем не доверять и ни с кем не договариваться?

– Сын, мне так интересно наблюдать, какие ты делаешь выводы!

– А я что, неправильный сделал вывод?

– Дась, все люди делают свои выводы. Просто для одного человека правильным будет один вывод, для другого – другой.

– А для меня какой?

– А для тебя тот, который ты сделал. Никто на свете, даже я, твоя мама, не знает, что для тебя правильно.

– Мам, а ты какой бы на моем месте сделала вывод? Если бы тебя не выбрали капитаном?

– Сын, я бы сделала такой же вывод, как и ты. Я его часто делаю, Дась. Бывает, люди меня подводят, нарушают договоренности, обманывают. И мне иногда хочется спрятаться в раковинку и не доверять никому. А потом я вспоминаю, сколько вокруг меня хороших людей. Тех, кто голосует так, как договорились, и тех, кто выполняет обещания, и тех, кто держит слово. И думаю: что же теперь, из-за одного плохого я не должна доверять всем хорошим? И доверяю.

– Да, и я все равно доверяю. Только я не капитан.

– Сын, можно быть формальным капитаном, тем, кто носит

фуражку. А можно настоящим. Тем, за которым идут люди, кого уважают, кого слушают. Так часто бывает в жизни. Кто-то только числится руководителем, а кто-то становится настоящим авторитетом. Мне гораздо важнее, чтобы ты был капитаном по жизни, а не на бумаге. Если ты, конечно, сам этого хочешь.

– Ну конечно, меня все равно слушают в команде. Иногда даже больше, чем капитана.

– Горжусь тобой.

По возвращении из лагеря я протянула сыну красивый пакет:

– Это тебе. Подарок.

– Что это? – Сын нетерпеливо нырнул внутрь. – Фуражка?

– Да, это фуражка капитана. Я хочу, чтобы ты знал, что для меня ты всегда самый главный и самый настоящий капитан. А будешь ли ты таким, решать только тебе.

> Быть капитаном сложно. Всегда найдутся люди, которые захотят поставить палки в колеса, сбросить якорь на полном ходу. И тебе придется реагировать – бороться и идти вперед или сдаться и остаться на месте.

Но иногда люди-якоря очень полезны: они проверяют силу нашего желания. Если якорь смог тебя остановить, а обманщик – сбить с пути, значит, ты не так сильно стремился к своей цели.

– Мам, быть капитаном очень тяжело. Я вот, пока был им в прошлой смене, думал – больше никогда. Все отдыхают – а ты отчет вожатым делаешь. Все играют – а ты идешь закрывать раздевалку. А когда я не стал капитаном, так расстроился, что понял: я на самом деле очень хотел.

– Супер! Видишь, как полезно иногда проиграть. Понимаешь, Дась, быть юнгой неплохо. Просто это совсем другая ответственность, чем у капитана. Капитан – самый главный, он определяет путь, но без юнги капитан не справится. Здорово, что ты все понял. Это очень важно – осознать свою роль среди сверстников, понять свое место в команде.

– Мам, а в семье кто капитан: ты или папа?

– В нашей семье два капитана – я и папа. А вы с сестрой – самые лучшие на свете юнги. Вырастешь, создашь свою семью и будешь в ней капитаном. Тем более фуражка у тебя уже есть. Полный вперед!

– Дась, кем ты будешь, когда вырастешь?

– Или пожарным, или президентом, не решил еще…

– Хм, учти, что в президентах большая конкуренция!

– Почему?

– Многие хотят стать президентом. Это как бы директор

страны! Нужно каждый день принимать важные решения, мирить людей, избегать войны, обеспечивать всех работой, часто летать в командировки…

– На самолете?

– Ну конечно! Ведь президенты других стран захотят с тобой дружить.

Дася задумался: вспоминает последний полет на самолете:

– Эх, по салону не бегайте, ремни пристегните, не скачите на кресле, со столиком не играйте, мармеладки купить негде… Тогда точно пожарным буду!

Я – Ясли

Этот детский садик был виден из окна. Самое логичное, что можно было сделать, – отдать туда ребенка. Но садик государственный, бесплатный, детей много, все с соплями. Так сказала мне мама, намекая на нашу родительскую безответственность.

Работающим мамам некогда долечивать сопли своих детей, и они приводят их в группу к чужим здоровым детям, и те тоже становятся сопливыми. Круговорот соплей в природе. В частных садиках дети менее сопливы. Там родители обеспеченные, могут себе позволить не работать и долечить ребенка.

Эти аргументы я привела мужу. Он хорошо зарабатывал, и мы могли позволить себе частный детский сад. Муж считал, что сопли бывают и у детей из дорогущего сада. А еще он считал, что мой пунктик «у моего сына должно быть все самое лучшее и дорогое» – это загон, а ребенку все равно, в какой сад ходить, он этого не запомнит, потому что в любом саду к моменту поступления в школу будет уметь читать и не мочить постель. А еще многое зависит от воспитателя: в государственном саду точно опытные работают. Плюс в частный сад нужно ездить, а до этого пять минут. Очень удобно, особенно зимой.

Я сдалась и записала ребенка в государственный сад – в ясельную группу. Мне не терпелось выйти на работу: несмотря на огромную любовь к сыну, за два года непрерывного разучивания потешек я стремительно деградировала и очень от этого страдала. Я, конечно, развивалась, но только в одну сторону – педиатрию и искусство развлечь грудничка, а хотела развиваться в разные, захватив также маркетинг и пиар.

Итак, ясли. Платить нужно было 1200 рублей в месяц. Двадцать два умильных карапуза. Мой приучен к лотку и не таскает еду со стола. Можно успокоиться. Про подгузники мы давно забыли и были вполне самостоятельны, чтобы попроситься в туалет и объяснить, где болит.

Тьфу ты, никак не отвыкну от привычки говорить «мы» про ребенка. Это неправильно, с момента, когда мой сын научился ходить на горшок без моего участия, он давно вполне себе автономный «он».

Воспитательницу звали Варвара Владимировна. Язык сломаешь.

– Знакомься, Даня, это тетя Варя, – сказала я сыну, когда мы пришли на смотрины садика.

– Варвара Владимировна, – поправила меня Варвара

Владимировна.

Уважаемая Варвара Владимировна, моему сыну два года и три месяца. Он оперирует словами «ням-ням» и «пи-пи» как промежуточными перед длинными «хочу покушать» и «хочу в туалет», потому что он маленький. Выговорить Ваше имя в возрасте двух лет, уважаемая Варвара Владимировна, сможет только вундеркинд из садика с логопедическим уклоном. Может, все-таки тетя Варя?

Но воспитательница была непреклонна. Сказала: правила такие, а я заложник ситуации. В результате 22 ее подопечных обходились невнятной пробуксовкой на первой «Р» с последующим уходом в тупиковый занос.

– А мы сегодня лисовали солныско с Валвлвл… с Валвлвлв…

Варвара Владимировна была женщиной уставшей – от жизни в целом и от работы в частности. Она злилась на жизнь, что та не оправдала ее ожиданий, и своим разочарованием щедро делилась с окружающими через вечно плохое настроение.

В свои 50 она моет жопы чужим детям за копейки, а в соседней группе кто-то моет жопу ее внучке, которую она с дочерью растит без мужчин. Я не знаю, так ли это на самом деле, мой источник информации – слухи, которыми меня щедро пичкают против моей воли. Я не доверяю слухам, потому что про меня тоже говорят много гадостей, в которых мало правды. В ее случае могло быть так же.

Варвара Владимировна как-то утром пришла на работу со словами: «Ноги мои сюда не идут». Она произнесла это на выдохе, и это был такой молчаливый крик, что я ей посочувствовала от всей души.

В этот момент я переодевала улюлюкающего сына и думала, стоит ли сказать 50-летней женщине, что если ноги не идут на нелюбимую работу, то нужно найти любимую, куда ноги пойдут с большим удовольствием.

> Я веду лекции и рассказываю об этом чужим людям, а тут женщина, которая проводит с моим сыном больше времени, чем я. Обычно я говорю им: друзья, у вас одна жизнь, ее нельзя тратить, ее нужно жить. Вдумчиво, внимательно, смаковать и кайфовать. Инвентаризируйте ее на предмет событий и людей, которые вас не вдохновляют, и смело меняйте свою жизнь к лучшему. Никто другой не сделает это за вас.

Мне хотелось ей это сказать, но Варвара Владимировна не производила впечатление человека, способного слышать. Она слышит только «ням-ням» и «пи-пи», поэтому вряд ли примет

совет про ответственность и сознательность. Тем более от молодухи, которая бросила ребенка и ускакала на работу, на которой она никому не моет жопы.

Однажды Варвара Владимировна на полном серьезе пожаловалась мне, что дети не болеют в феврале. «Обычно полгруппы выкашивает зимой, а тут полный состав», – с глубоким сожалением сообщила она. Я даже не смогла придумать, как поддержать этот разговор.

Я оставляла сына и каждый день с тяжелым сердцем шла на работу с гнетущим чувством вины. Я шла развиваться в пиаре и маркетинге, пока мой ребенок находился в ауре человека, неудовлетворенного жизнью. Эти депрессивные флюиды могут впитаться в его кровь, и он вырастет недовольным жизнью, ворчащим, неудовлетворенным мужиком. Я накручивала себя все больше.

– Это я должна варить ему кашу и читать Агнию Барто! – говорила я мужу вечером.

– Ну тогда увольняйся, вари и читай, – отвечал муж. У него все просто: жизненный минимализм.

Я прислушивалась к себе и понимала, что соблазн работать у меня пока сильнее чувства вины. Я загоняла это чувство в дальний угол, закрывала дверь и думала о том, что если я, бросив работу, буду варить и читать, то каша будет несъедобной, а стихи – без выражения. Сын был вполне весел в саду, шел туда с настроением. Он был слишком мал, чтобы отследить атмосферу и климат.

Я решила еще подождать – накопить сил перед кардинальными переменами. Наступила весна – пора промокших ног и сопливых носов. «Только двое болеют», – вздыхала Варвара Владимировна, и мне чудился в ее словах упрек мамашам, взрастившим детей с сильным иммунитетом.

Я совсем пала духом. Солнечным апрельским утром я привела ребенка в сад. Ничто не предвещало. Долгожданное солнце подсушило тротуары, на деревьях набухли почки, хотелось гулять по теплой улице и напевать веселые мотивы. Я не усидела на работе, отпросилась у шефа и прибежала в сад забрать ребенка пораньше.

Дети как раз гуляли. Я пошла к знакомому навесу, расписанному почему-то под мухомор, высматривая своего белобрысика. Он сидел в песочнице и самозабвенно орудовал лопатой. Так, а что это у него на голове? Я точно помнила, что привела его в сад без головного убора.

Мой ребенок сидел под мухомором с лопаткой и ведерком в руках. На голове у него были трусы, заботливо натянутые по

самые уши. Одна радость – это были его трусы. В песочницу нырнул Данин друг Саша в синих трусах на голове. Они вдвоем стали рыть свой тоннель. Я стояла в оцепенении. Может, это конкурс такой?

– Дааась, а кто тебе трусы на голову надел? – спрашиваю у сына.

– Валвлвлвл… Валвлвллв…

– Понятно.

Я обернулась к остальной группе. Дюжина детей в трусах на голове рассыпалась по детской площадке. Остальные были в капюшонах или кепках.

– Варвара Владимировна, – осторожно спрашиваю я. – А почему у детей на голове – трусы?

– Потому что родители не дали им ни шапок, ни панамок, – объясняет мне Варвара Владимировна.

– Ну и что? Сейчас первые дни, когда тепло. Шапки уже не нужны – не замерзнешь. Кепки еще не нужны – не напечет. Зачем?

– Нам не положено без головного убора! Может, ведра им на голову надеть?

– Да при чем здесь ведра? – Я уже вышла из оцепенения. – Вы если дома панамку забудете, трусы на голову наденете?

– Я нет, но они же дети!

– И что? Когда вчера вечером сын после ванны напяливал трусы на голову, я радовалась его развитой фантазии. Я не знала, что он считает нормальным носить нижнее белье на голове!

– Ничего страшного не случилось. Зато не напечет.

– Что не напечет? Московское апрельское солнце? Они что, в Египте на экскурсии по Сахаре? Я иду к заведующей, – перехожу к угрозам.

– А далеко ходить не надо, – отвечает Варвара Владимировна. – Вот она…

Ко мне подходит холеная высокая женщина с хорошим макияжем. Именно ей мы делали самые дорогие подарки от лица всей группы, то есть самые большие суммы денег, потому что она прямым текстом сказала: «Цветы и конфеты не покупайте, отдайте деньгами. Если мне нужны будут цветы и конфеты, я куплю сама».

Подходит заведующая и улыбается:

– Что-то случилось?

Я отвечаю, еле сдерживая гнев:

– Внимательно посмотрите на ясельную группу. Что вы видите? Все в порядке?

Она оглянулась на детей, не переставая улыбаться.

– Отличные ребятки, очень смышленые. А что не так?

Я внимательно посмотрела на Варвару Владимировну и на заведующую. Все нормально, дорогие воспитатели, все просто отлично.

– До свидания, – вежливо сказала я. – Завтра нас не ждите. В понедельник заберу документы.

Я подошла к сыну и сдернула с его головы трусы: «Даня, мы уходим!» Саша, глядя на меня, тоже снял с головы свои, но подошедшая Варвара Владимировна демонстративно надела их опять и посмотрела на меня обжигающим взглядом. Я выдержала этот взгляд и протянула ей Дасины трусы:

– Это подарок вашей внучке. На случай, если однажды вы забудете надеть ей панамку.

Она развернулась и пошла к мухомору, не взяв подарок.

Я поняла очень важную и простую вещь: оставлять ребенка нужно с людьми, которым доверяешь, иначе там, куда ты уйдешь, ты будешь не в ресурсе.

Мы пошли к калитке. Это был наш последний день в том садике. Будем искать другой детский сад, куда мы будем ходить. То есть не «мы», а «он».

Советуюсь с мужем про школы раннего развития: отдавать туда детей или это баловство?

– Такие школы необходимы детям, – убежденно рассказываю я. – Они там ручки в гречку опускают, трогают грибочки, потом замочки открывают и закрывают, потом в маракасы играют: 500 рублей в час.

Муж, вздыхая, комментирует:

– Камни, палки, червяки на улице и гудрон. Вот моя школа раннего развития.

Заключение

Однажды я переписывалась с сыном, которому было восемь лет, и он был в лагере. Мы болтали о всякой ерунде, и вдруг он ни с того ни с сего написал мне: «Мама, ты лучше всех на свете!»

Я была очень тронута, зарделась от счастья.

«Правда?» – уточнила я.

Мне хотелось ощутить это еще раз.

«Кленусь!»

Кленусь через Е. Я споткнулась об это Е. Ему восемь лет, наверное, пора уже знать, как пишется слово «клянусь». Этого было достаточно, чтобы заслон мыслей на тему «я плохая мать» был поднят и они хлынули внутрь, наполняя меня раскаянием.

Я слишком мягкая, я не настаиваю на чтении, я нечасто устраиваю ему диктанты, однозначно я плохая мать.

Я думала, такое бывает только со мной – покаянные мысли о собственной неидеальности как мамы. Но чем больше я общалась с другими мамами, тем больше понимала: нет, не только со мной. Практически со всеми.

Любой родитель сомневается в собственной экспертности как родителя, потому что никто не учился в специальной школе для мудрых родителей, потому что ее – школы этой – не существует. Мы все интуитивные родители, родительствуем как умеем.

Недавно в школьном чатике я прочла переписку родителей. Там случился какой-то конфликт, где дети подрались. И одна мама пишет, что ей «позванила учительница», а вторая, что «прозьба разобрατся».

Я прочла и думаю: интересно, родители этих родителей считали себя хорошими родителями? Я поправила сына в переписке. Даня, «клянусь» пишется через Я. Я все время исправляю его ошибки. Коридор через О. Комбинезон через Е.

Знаете, что делает мой сын? Аккуратно переходит на аудиосообщения. Маленький хитрец.

Мне кажется, мы недооцениваем наших детей. Они умнее нас. Мы хотим уберечь их от проблем, защитить от невзгод и подстелить соломки, но мы понятия не имеем, какое будущее их ждет и какие навыки там, в будущем, им понадобятся.

> Главный навык, который я хочу привить своим детям, – умение быть счастливыми в любых предложенных обстоятельствах!

Остальное они, наши хитрецы, и сами освоят.

Это учебник родительства для двоечников, которые на самом деле отличники, но даже не подозревают об этом. Мама, папа плюс ребенок – самый идеальный пазл и тандем из возможных.

Мне очень хочется быть хорошей матерью, но я почти не знаю критериев, по которым это можно оценить. Знаю только один: мои счастливые дети. Я смотрю на своих детей и плавлюсь от счастья. И пока я вижу, что они счастливы, я имею все основания считать себя лучшей мамой на свете. Кленусь.

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

ЛОГО
ВАША КНИГА
ПРИВЕТСТВЕННЫЙ ТЕКСТ, КОТОРЫЙ ВЫ МОЖЕТЕ РАСПОЛОЖИТЬ НА ОБЛОЖКЕ И РАССКАЗАТЬ КЛИЕНТАМ О ВАШЕЙ КОМПАНИИ

ВАШ ЛОГОТИП НА ОБЛОЖКЕ

ВАШ ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ

ОБРАЩЕНИЕ К КЛИЕНТАМ НА ОБЛОЖКЕ